

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ

ПЕРЕПИСКА АНДРЕЯ БЕЛОГО И ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА (1904—1920)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Н. А. БОГОМОЛОВА И © Дж. МАЛМСТАДА (США))

Вряд ли стоит подробно говорить о том, какое место занимают Андрей Белый и Вячеслав Иванов в истории русского символизма. Об этом написаны уже целые тома. Практически ни одна монография, посвященная проблемам существования и развития русского символизма, не обходится без хотя бы имплицитного сопоставления этих двух фигур.¹ Есть специальные работы, посвященные как общим,² так и отдельным аспектам их взаимоотношений, художественных и идейных пересечений.³ Достаточно хорошо известны тексты самих писателей мемуарного⁴ и литературно-критического

¹ См., например, уже в первых посмертных монографических трудах: *Maslenikov O. The Frenzied Poets: Andrey Bely and the Russian Symbolists.* Berkeley, 1952; *Мочульский К.* Андрей Белый. Париж, 1955 (перепечатано: *Мочульский К.* Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов / Сост., предисловие и комм. В. Крейда. М., 1997); *Stepun F. Mystische Weltanschauung: Fünf Gestalten des russischen Symbolismus.* München, 1964 (рус. пер. Г. Снежинской, Е. Крепак, Л. Маркевич: *Степун Ф. А.* Мистическое мировоззрение: Пять образов русского символизма. СПб., 2012); *West J. Russian Symbolists: A Study of Vyacheslav Ivanov and the Russian Symbolist Aesthetic.* London, 1970.

² См., например: *Nivat G. Prospero et Ariel: Esquisse des rapports d'Andrey Belyj et Vjačeslav Ivanov // Cahiers du monde russe et soviétique.* 1984. Т. XXV. № 1. P. 19—34.

³ Укажем лишь несколько работ, иллюстрирующих круг интересов исследователей разных стран: *Stammler H. A. Belyj's Conflict with Vjačeslav Ivanov over War and Revolution // Slavic and East European Journal.* 1974. Vol. 18. № 3. P. 259—270; *Ansuetz C. Ivanov and Bely's Petersburg // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher.* New Haven, 1986. P. 209—219; *Carlson M. Ivanov — Belyj — Minclova: The Mystical Triangle // Cultura e memoria. Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov.* Firenze, 1988. Vol. I: Testi in italiano, francese, inglese. P. 63—79; *Николеску Т.* Вячеслав Иванов и Андрей Белый: Диалог о культуре в эпоху революции // *Ibidem.* Firenze, 1988. Vol. II: Testi in russo. P. 117—130; *Диолетта Сиклари А.* Миф и символ — Андрей Белый и Вячеслав Иванов // *Vjačeslav Ivanov: Russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV. Internationalen Vjačeslav-Ivanov-Symposiums.* Heidelberg, 1993. S. 314—325; *Keys R. Realists and Idealists: The Case of Vyacheslav Ivanov versus Andrei Belyj // Slavonica.* 1994 (1995). Vol. 1. № 2. P. 7—19; *Безродный М.* Вячеслав Иванов и «Мусагет»: Материалы и заметки к теме // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума, Вена 1998. Frankfurt a/M. et al., 2002. С. 411—419; *Глухова Е. В.* 1) Конспект Вячеслава Иванова к лекции Андрея Белого из цикла «Теория художественного слова» // *Русская литература.* 2006. № 3. С. 135—147; 2) Андрей Белый — Вячеслав Иванов: концепция духовного пути // *Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века.* СПб., 2006. С. 100—132; *Джулиано Д.* Цикады в поэзии Вяч. Иванова и Андрея Белого // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 35—41; *Лекманов О. А.* Андрей Белый и Вячеслав Иванов в дневнике Георгия Кнорре 1918—1919 годов // Там же. С. 670—676.

⁴ Мы, конечно, имеем в виду мемуары Белого, причем не только знаменитую трилогию, но и другие тексты, прежде всего: Андрей Белый о Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1997, а также: *Белый Андрей.* Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лаврова. СПб., 2014 (сер. «Литературные памятники»). В отчете о конференции 2005 года сообщалось также о докладе Е. В. Глухой «Образ Вяч. Иванова в статьях и мемуарах Андрея Белого» (см.: *Титаренко С. Д.* Конференция, посвященная 100-летию «Башни» Вячеслава Иванова // *Русская литература.* 2005. № 3. С. 240—246).

свойства.⁵ И вместе с тем хотя бы относительно полного очерка этих взаимоотношений, исполненных то спокойного доброжелательства, то ожесточенных споров, то открытой неприязни, до сих пор не существует. Публикация почти пятидесяти писем, составляющих известный на данный момент эпистолярный комплекс, дает возможность выявить некоторые существенные точки напряжения.

Однако сначала обратимся к внешней истории отношений двух писателей. Она началась на Пасху 1904 года, когда Иванов вместе с женой 16/29 марта приехал в Москву для общения с тамошними символистами. Первый визит он расценивал как чрезвычайно важный, и потому знакомство с Белым было желанным и жданным. Однако оно состоялось далеко не сразу. В это время Белый находился в Нижнем Новгороде, бежав туда от личных переживаний. Через две недели после приезда Л. Д. Зиновьева-Аннибал писала: «С Белым еще не виделись, до Фоминой его нет в Москве».⁶ Впервые они увиделись на Красную Горку, 4 апреля.⁷ Описание первого визита Иванова в мемуарах Белого многим памятно, но все же еще раз приведем его: «Был праздничный день; вдруг — спотыкаясь в пороге, с цилиндром стариннейшей формы, слегка порыжевшим, с перчаткою черной на левой руке, в сюртуке, — мне казалось — с отсиженной фалдой, косо надетом, сутулящем, сунулось в дверь ярко-оранжевое, лоснясь пористым, красным и круглым лицом (пятна выступили) и пугая проостренным носом, бросаясь усами, короткими, рыжими (бороду он отпустил уже после); скользящим движеньем сутулых плечей, с громким скрипом сапог и с претыком о кресла, то „нечто“ пропело: — „Иванов!“ <...> и я успокоился — сразу же: не „мистагог“: старомодный профессор, корпевший над Шлиманами, растерялся; от солнца, зная, темные пятна глаза залепили; и всякую дрянь принимает всерьез» (Начало века. С. 342).

На столкновении нескольких образов Иванова и далее создается его портрет в мемуарах Белого. Столь же сложно выстраивались и реальные отношения двух людей, как будто каждая грань личности Иванова требовала специального внимательного всматривания и соответственного отношения. Ныне печатаемые письма дают немало нового для создания более полной, чем прежде, картины этих отношений.

Может быть, знаменитая формула, популярная среди символистов: «неслиянно и нераздельно», более всего относится именно к Белому и Иванову в их взаимных связях и размолвках. Иванов быстро распростился с положе-

⁵ Подразумеваются две рецензии Вяч. Иванова: на «Пепел» (Критическое обозрение. 1909. № 2) и «Петербург» (Утро России. 1916. 28 мая. № 148; под названием «Вдохновение ужаса»), а также отчасти статья «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова», в значительной части посвященная работам Белого (Известия Академического центра Наркомпроса. М., 1922. Вып. 2). Все статьи перепечатаны: *Иванов В.* Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. IV. С. 614—648. Белый писал об Иванове многократно. Прежде всего назовем следующие его статьи: Вячеслав Иванов: Силуэт // Утро России. 1910. 2 окт. № 263; Вячеслав Иванов // Русская литература XX века 1890—1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1916. Т. 3. Кн. 8 (в переработанном виде: *Белый Андрей.* Поэзия слова. Пб., 1922. С. 20—105); Сирин ученого варварства: По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское». Берлин, 1922 (первоначальный вариант: Знамя труда. 1918. 26 (13) марта; 3 (21) апр.). Однако полный перечень существенных суждений Белого об Иванове занял бы несравненно более значительное пространство.

⁶ Письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 30 марта / 12 апреля 1904 года (цит. по: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 103; далее ссылки на это издание даются сокращенно: Богомолов, с указанием страницы).

⁷ См. комментарий А. В. Лаврова: *Белый Андрей.* Начало века. М., 1990. С. 645. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: Начало века, с указанием страницы.

нием женевского пришлеца и уже летом 1904 года стал считать возможным наставлять младшего по годам, но старшего по положению в московском модернистском кругу друга. Он пытается сгладить конфликт между Белым и Брюсовым, возникший из-за конкуренции двух издательств — «Скорпиона» и «Грифа» (см. п. 2), попрекает Белого симфонией «Возврат»: «Я не нашел в ней мистерии, я не вижу в ней Андрея Белого — теурга, Андрея Белого — христоролюбца. Христа я не нашел в ней...» (п. 4), уговаривает его забыть обиды и принять участие в возникающем «Золотом руне» (п. 7).

В начале декабря 1905 года Белый на три недели приехал в Петербург, остановился у Мережковских, но регулярно, начиная с 4 декабря, бывал в новом для себя месте — на «башне» у Иванова. Его словно разрывало напряжение, складывающееся между двумя этими центрами. С Мережковскими Белого связывали религиозные поиски. В самом начале 1905 года он писал матери: «...то, что я в религии получил от Мережковских, есть самое главное, что у человека должно быть в жизни. У меня на многое открылись глаза. Первый раз в жизни мои религиозные убеждения вполне закончились и определились. Ведь *все иное в жизни — не жизнь*. Вот ради спасения своей души, ради воскресения и утверждения истины я и задержался в Петербурге... (...) Ты вот говорила о моей нервности и болезненности и не хотела понять, что эта нервность происходит от моих одиноких, ни с кем не разделенных недоумений. Я религиозно (в молитвах и чаяниях своих) был *одинок* — *пойми это*: удивительно ли, что здесь, когда я наконец нашел людей, близких мне, мне трудно с ними расставаться».⁸ Эзотеричность «Церкви Третьего Завета» заставляла его молчать, но внутреннее настроение вело к пропаганде своих взглядов, пусть и в прикровенной форме (впрочем, так же действовали и Мережковские, сочетая эзотеричность «главного» с эзотеричностью своих писаний и деятельностью в рамках Религиозно-философских собраний).

Но и у Иванова, по крайней мере к концу 1905 года, складывается представление о необходимости некоего «общего дела». Трудно сказать, была ли его концепция в подробностях обдумана еще до возвращения в Россию, когда Иванов находился в женевском одиночестве, но совершенно очевидно, что бурная активность «башенных» Сред первого сезона (сентябрь 1905 — май 1906 года)⁹ предполагала выковывание некоего коллектива, который мог бы претворять в жизнь формируемые им идеи. Это определенно не была «церковь» Мережковских, поскольку к их деятельности в целом Иванов относился без симпатии, а после инцидента февраля 1906 года, когда получил от Мережковского книгу «Грядущий Хам», где обнаружил «наличность преднамеренного и коварного оклеветания, очернения, дискредитирования»,¹⁰ вражда стала очевидной.

В самом общем виде можно сказать, что в деятельности Иванова в то время (1905—1907 годы) отчетливо прослеживаются по крайней мере три уровня создания взыскуемой общности. На самом глубинном, интимном — это попытки образовать тройственные любовные союзы, вплести в свой личный мистический брак других (сперва С. М. Городецкого, затем М. В. Са-

⁸ «Люблю Тебя нежно...»: Письма Андрея Белого к матери. 1899—1922 / Сост., предисловие, вступ. статья, подг. текста и комм. С. Д. Воронина. М., 2013. С. 51.

⁹ Подробнее об этой деятельности см.: *Шишкин А.* 1) История Башни Вячеслава Иванова. Рига, 1996; 2) Симпозион на петербургской Башне в 1905—1906 гг. // Русские пиры. СПб., 1998. С. 273—352; Богомолов. С. 115—198.

¹⁰ Неотправленное письмо Иванова к Мережковскому, написанное не ранее 17 февраля 1906 года (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 162; публ. Г. В. Обатнина).

башникову-Волошину). На эзотерическом — организация особых закрытых кружков, реализующих эстетические идеалы Ивановых («Северный Гафиз» и малоудачный «Фиас»). И, наконец, в плане эзотерическом — собрания на Средах, где постепенно формировалась концепция «мистического анархизма», находившая воплощение в теоретических статьях сборников «Факелы».

Белый был допущен только к этому эзотерическому уровню. И Иванов, и его жена словно чувствовали, что им не по пути. Описывая запомнившуюся многим Среду 7 декабря 1905 года, Зиновьева-Аннибал замечает еще довольно спокойно: «...все, сказанное Белым языком арбатского апокалипсиса (мое мнение), было (по словам Блока) продолжением, добавлением к словам Вяч(есла)ва» (Богомолов. С. 142). Однако уже во время следующего его визита в феврале 1906 года суждения становятся значительно резче: «Потом был долго Белый. Полу-ребенок, полу-подлец. Но не писатель и никуда не гож, по-моему. Вообще он ошибка кругом» (Там же. С. 171; письмо от 25 февраля). А еще через два дня, 27 февраля, Зиновьева-Аннибал характеризует его как «Арбатского святошу» (Там же). Столкновение произошло и на Среде 1 марта, после которой она записала: «Дрянш он все-таки и шарлатан несомненный» (Там же. С. 173—174; описание Среды — с. 172—173).

Белый, в свою очередь, вспоминал об этом времени так: «Вячеслав оказал просто невероятную чуткость к поэзии Блока, разрушив мой миф о себе: не поэт, — теоретик; я сватал Иванова с Блоком; сама Любовь Дмитриевна помогала мне в этом; стремясь на сцену, она откликнулась на мысли о новом театре мистерий, на игры в театр без подмостков, на импровизации выпретенного „феоретика“; к этому времени ветхопрофессорский лик перегримировав под персону из „страсти Христовы“, протей Вячеслав собирался створить свою „башню“ в Обераммергау какое-то (с примесью критских обрядов); я не разглядел, что стремление к новому быту в нем — вздерг; через год преодолеватели „только искусства“ явили гримасу подмостков. Но в 905 я сам спсобствовал встрече Иванова с Блоком, в ней видя начало отбора людей в коллектив; В. И. Иванов Чулкова привлек; Чулков влек Мейерхольда и Мейера; Блок — Городецкого; и — что-то лопнуло меж символистами (...). Ставши в России поэтом, почтенный „профессор“ Иванов совсем обалдел, перепутавши жизнь с эпиграфикой, так что история культов от древних Микен до руин Элевзиса, попав из музея в салон, расцвела в чепуху; видно, бросилась в голову кровь, застоявшаяся в семинариях. Уединенно росла большелобая эта персона, очертив себе круг интересов от прикосновения к старым камням и германским музеям; проверив историей Ницше, Элладу и взгляды на музыку Вагнера, он педагогическим культом, им вырытым, Ницше удобрил, крича о восстании мифа, схватясь за витую резьбу черных кресельных ручек и ставя свой профиль на фоне оранжевых стен под свисающей мраморной маской; Деметрой в пурпуровой тряпочке Лидия Дмитриевна выходила из каре-буравых ковров» (Начало века. С. 347—349).

Здесь невозможно говорить об ивановской концепции «мистического анархизма» и полемике Белого с ней.¹¹ В первом номере альманаха «Факелы», вышедшем в самом конце марта 1906 года и представлявшемся в первую очередь художественным предприятием, Белый еще участвовал. Но вся последующая критическая деятельность Иванова 1906—1908 годов пред-

¹¹ Подробнее об этом см.: *Лавров А. В.* [Предисловие к публикации переписки Блока с Г. И. Чулковым] // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 374—376. Ср. также: *Обатнин Г. В.* Неопубликованные материалы Вяч. Иванова: По поводу полемики о «мистическом анархизме» // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Кн. 3. С. 466—477.

ставлялась ему откровенно враждебной. Примирились они только в начале 1909 года, когда Иванов очень высоко оценил книгу стихов Белого «Пепел» — сперва в долгих личных беседах с автором, который какое-то время жил на «башне», а потом и в печатной рецензии. Именно тогда возник «мистический треугольник», углами которого стали Иванов, Белый и А. Р. Минцлова и который просуществовал до весны 1910 года, когда Белый в Минцловой разочаровался, а Иванов, хотя и не без прорывавшихся сомнений, продолжал верить ее обещаниям ввести его в круг «великих посвященных».

Личная близость между двумя поэтами укрепилась после знаменитых докладов Иванова и Блока о символизме, опубликованных под заглавиями соответственно «Заветы символизма» и «О современном состоянии русского символизма». Белый поддержал и того, и другого своей статьей «Венок или венец»¹² и восстановил личные отношения с Блоком. Внешне же они воссоединились благодаря работе в разных проектах «Мусагета», стремившегося перерастить рамки исключительно издательского начинания и стать объединением символистов на новых основаниях. Особо здесь стоит выделить проект «журнала трех поэтов», т. е. Белого, Блока и Иванова.¹³ Этот проект не осуществился и впоследствии трансформировался в издание журнала «Труды и дни», но само его появление очень характерно.

Белый пишет Иванову доверительные письма из-за границы, всячески вовлекает его в мусагетскую деятельность, в январе—феврале 1912 года живет на «башне» около месяца. В сентябре того же года они встречаются в Базеле, и тут происходит событие, которое, как можно предположить, разрушает их отношения. Иванов ищет свидания с Рудольфом Штейнером, но тот его избегает, а по воспоминаниям А. А. Тургеневой говорит, что поэт совершенно не способен к оккультизму. Тем не менее первое время после этой несостоявшейся встречи, читая мистерии Штейнера и размышляя о его деятельности, Иванов оценивает ее так: «...Штейнер уже возрос до великой силы и великого света. Он преодолел огромные искушения. Он, как Израиль-богоборец, добыл Благословение. Он прильнул к ногам Христа. (...) Сильному и верному нечего бояться ученичества у Штейнера. Вы видите, что *теперь* я его даже *люблю*. А уважал всегда».¹⁴ Однако постепенно обстановка меняется и ситуация складывается таким образом, что в 1913 году Иванов активно дистанцируется от «Мусагета» и от Белого. Не последнюю роль, как кажется, сыграло здесь то, что Белый не смог получить у Штейнера разрешение на предоставление Иванову записей его курсов для изучения.

За три года (с декабря 1913 по декабрь 1916-го) писем не сохранилось. Учитывая, что корреспонденты со вниманием относились к своей переписке, можно предположить, что если они и были, то в очень незначительном количестве.

Осенью 1916 года Белый возвращается в Москву. Г. В. Обатнин любезно поделился с нами копией фрагмента письма Л. В. Ивановой к жившему то-

¹² Аполлон. 1910. № 11. С. 1—4. 2-я паг.

¹³ Подробнее об этом см.: Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н. В. Котрелева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 2. С. 171—175.

¹⁴ Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным / Публ. М. Вахтеля // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 10. С. 138—139 (письмо к А. Д. Скалдину от 5 ноября / 23 октября 1912 года). Подробнее об этом см. специальный раздел «Вячеслав Иванов и Рудольф Штейнер» (*Maydell Renata von. Vor dem Theater: Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland*. Vochum; Freiburg, 2005. S. 68—78), а также: *Глухова Е. В.* Андрей Белый — Вячеслав Иванов: концепция духовного пути. Ср. также рассказ Иванова М. С. Альтману: *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 102—103.

гда в Сочи отцу от 20 сентября 1916 года: «Бердяевы пришли в 3½ ч., он и Лид(ия) Юд(ифовна), и мы уже собирались сесть, как звонок и являются Потца <sic!> и Андр. Белый. Им нужно было призываться, и они после 20-ти дней путешествия прикатили. Андрея Б. отправили в Румынию, но он в уж (?> Киеве (?> чем-то заболел, и его на время отпустили на 1 месяц, кажется, а потом отправят, если он не устроится каким-нибудь писарем или что-нибудь вроде. Мы их позвали обедать, они сначала пришли в ужас, но, несмотря на это, были водворены за стол. За столом прихотилось читать по 3 учнейших лекций каждому, чтобы уговорить их взять кусочек хлеба, лишний голубец и т. д. — „Мы, дескать, пили не очень давно чай у Бориса Николаевича“. До того стали люди теперь находиться в панике относительно еды. И действительно до безумия трудно здесь жить (еще и потому хорошо вам подольше сидеть на юге). Страшно мало всего, например, сейчас отсутствуют вовсе крупы. <...> Все гости были очень милы и довольны, только Андр. Б. жалел, что ему не придется очевидно с Сударем повидаться. Он кстати производит очень приятное впечатление, собирается писать 9-ти томный роман, очень интересный, судя по <тому,> что говорил о нем, и говорил слова, вроде Гоголя, что он изображал все отрицательное и не давал никакого кафарсиса и по евтому <sic!> случаю хочет вернуться к своему молодому настроению и изображать положительное».¹⁵

Но этот беспечный дух дружеских встреч довольно быстро иссяк. Конечно, Белый и Иванов не могли не встречаться и не общаться, однако отношения их были далеки от теплых. Может быть, лучше всего последние высвечивает, помимо п. 47 нашей публикации, фрагмент из «Характеристик современников» Белого, посвященный Иванову, который мы процитируем в существенной его части: «Умница, хитрая bestia; но от ума — впал давно уж в младенчество; шел к посвящению, а дошел до... рококо и барокко; осуществленный с головы до ног style jésuite. Пожалуй — умней, изворотливей и начитанней всех русских литераторов; царедворец и придворный, прирожденный пленитель сердец; и — льстец; впрочем: добр, очень часто бескорыстен, не злопамятен, привязчив, несомненно талантлив; мог бы быть впятерю больше себя самого, но разменявший свой дух на душевный комфорт и астральное сладострастие, за что жестоко наказан судьбой. <...> Болен тяжелой формой скрытого душевного заболевания, впрочем пока еще излечимого».¹⁶

Не более снисходителен к Белому был Иванов. М. С. Альтман записал такой его рассказ: «Андрей Белый — ум колоссальный, диалектик необычайный, знания огромные, и как личность он, пожалуй, более сложное явление, чем даже Ницше. Но он безумец (и это красиво, когда только слышишь это слово, но это очень мучительно, когда с безумцем приходится жить)»,¹⁷ — и далее следуют вполне аргументированные суждения о неактивности многих статей и высказываний Белого.

Временами создается впечатление, что в послереволюционный период (1918—1920 годы) Иванов и Белый нарочито стремились дистанцироваться друг от друга (а также и от Брюсова), словно деля между собой сферы влияния.¹⁸ Скажем, если Иванов был весьма активен в Театральном отделе Нар-

¹⁵ РГБ. Ф. 109. Карт. 25. № 56. Л. 22—23 об. Потца — А. М. Поццо, муж Н. А. Тургеневой, сестры А. А. Тургеневой.

¹⁶ Лавров А. В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007. С. 428. Точная дата написания неизвестна, однако несомненно, что не ранее 1917 года.

¹⁷ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 26.

¹⁸ Просмотр очень тщательной «Летописи литературной жизни России 1920-х годов» (М., 2005. Т. 1. Ч. 1) показывает: если в 1918 году они еще время от времени участвовали в одних и тех же предприятиях, то в 1919—1920 годах таковых уже практически не было. Лишь отчасти это объясняется тем, что значительную часть 1920 года Белый жил в Петрограде.

компресса, то Белый — в Пролеткульте. Конечно, они не могли не пересекаться, но интенсивность контактов становится значительно меньшей.

8 августа 1920 года умирает третья жена Иванова В. К. Иванова-Шварс-салон, а через двадцать дней, 28 августа, он вместе с остатками семейства переезжает в Баку. Последняя возможность увидаться с Белым (как он увидался с Брюсовым) была у Иванова летом 1924 года, когда поэт вернулся в Москву, чтобы оттуда в конце августа тронуться в Италию. Однако за день до его приезда Белый уехал в Коктебель и вернулся оттуда уже после отъезда Иванова. Это было разминование почти символическое: больше ни о каких контактах мы не знаем. И писем тоже не сохранилось.

Мы можем только гадать о том, почему бывшие с давних пор на «ты» люди, время от времени клявшиеся в пылкой любви друг к другу, так решительно перестали общаться. Несомненно, одним из поводов стал отклик Белого на книгу Иванова «Родное и вселенское», появившуюся в 1917 году. Среди многих похвал, расточенных старшему современнику, было более чем достаточно слов чрезвычайно обидных. Вот, например, одна из общих оценок итогов ивановской эволюции: «Вячеслав Иванов изысканный „Феоретик“ практически действенных „Феургических“ достижений; в нем абстракция достигает последнего завершения: абстрактно она упраздняет себя, и Вячеслав Иванов последнюю вышедшей книгою последовательно упраздняет себя как вещателя „всенародных и творческих чаяний“. Этим он упраздняет себя как писателя, потому что смысл его утонченнейших построений в „апофеозе народного дела“. Оно наступило: он — выброшен им в недра им же самим упраздненной эпохи; издалека-далека, в громы „мифов“, овеявших нас, долетает его недовольный, брюзжащий, ненужный, надорванный голос! Он стоит перед нами со стопочкой написанных им книг как печальное предостережение новаторам духа, не внемлющим времени и отстающим от... духа и конструкции никому не нужных абстракций о Духе».¹⁹ То же самое, только более примитивными словами, мог бы написать об Иванове какой-нибудь рапповец в середине 1920-х годов.

Примечательно, что Белый не только в газете от марта—апреля 1918 года обвинил Иванова в непонимании революции, но еще и перепечатал эту статью четыре года спустя, когда подобный упрек вполне мог реально повредить карьере профессора Бакинского университета. Тем более что сказанное было справедливо: Иванов редко прямо говорил о своем отношении к новой власти, но вряд ли у кого-нибудь возникают сомнения в том, что он был откровенно враждебен большевизму, сохраняя нейтралитет исключительно ради дела, на которое мог в тот или иной момент рассчитывать, будь то преподавание в университете или налаживание контактов СССР с Италией.

В свою очередь, деятельность Белого, особенно после возвращения из Германии в СССР, едва ли могла вызвать у Иванова хотя бы малейшую симпатию. Но он стойчески хранил молчание, и только перед недалеким уже концом жизни в обзорной статье окончательно утвердил свое понимание того, какое место Белый занимал среди русских символистов: «В России, с новою поэтической вестью Блока и Белого и с первыми философскими исследованиями о началах символизма, наступает пора строжайшего осознания его духовных задач, явившееся расцветом школы, уже заявившей о себе плеядою значительных писателей, среди которых наибольшею славою пользовались Мережковский, Бальмонт, Анненский, Сологуб, Брюсов и особое внимание заслуживают Коневский, Гиппиус, Волошин, Балтрушайтис; мощно и плодотворно обнаруживается влияние спекулятивной метафизики

¹⁹ Цит. по: *Белый Андрей*. Сирия ученого варварства: По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское». Берлин, 1922. С. 22.

и мистической поэзии Владимира Соловьева; происходит открытие отечественногоклада, ранее неведомого, подлинно реалистического символизма в наследии, главным образом, Тютчева и Достоевского. Ныне — несмотря на то, что многие, еще оставшиеся в живых, или пришедшие в поздний час символисты и продолжают с неколебимую верою работать в разных странах — школа, ценившая почетное, теперь пустое, звание символизма всюду несомненно умерла (...). Но в ней жила бессмертная душа; и, так как большие проблемы, ею поставленные, не нашли в ее пределах адекватного выражения, все заставляет предвидеть в далеком или недалеком будущем и в иных формах более чистое явление „вечного символизма“.²⁰

Письма печатаются по автографам, хранящимся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеке и в Российском государственном архиве литературы и искусства. Письма Белого к Иванову: п. 13 и 47 — РГБ. Ф. 25. Карт. 30. № 5; п. 19 — РГБ. Ф. 109. Карт. 31. № 4; п. 20 — РГБ. Ф. 109. Карт. 12. № 30; остальные — РГБ. Ф. 109. Карт. 12. № 29. Письма Иванова к Белому: п. 10 — РГБ. Ф. 109. Карт. 9. № 8; п. 32 — РГБ. Ф. 386. Карт. 87. № 7; п. 35 — РГБ. Ф. 167. Карт. 14. № 10; п. 48 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 191; остальные — РГБ. Ф. 25. Карт. 16. № 2.

Отдельные письма и их фрагменты публиковались ранее. См., например: Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 465 (большая часть п. 2), 489 (фрагмент п. 7); *Keys R. Realists and Idealists: The Case of Viacheslav Ivanov versus Andrei Belyi // Slavonica*. 1994. № 2. P. 18—19 (п. 47 не полностью); Вячеслав Иванов и Эмилий Метнер. Переписка из двух миров / Публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 326—328 (полностью п. 35, с неточностями); *Лавров А. В.* 1) Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 94 (фрагмент п. 4), 186 (фрагмент п. 9), 244 (фрагмент п. 11); 2) Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007. С. 356 (фрагмент п. 11); *Богомолов Н. А.* 1) Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 2000. С. 99—100 (полностью п. 19); 2) От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 90—91 (фрагмент п. 21), 90 (фрагмент п. 9); *Обатнин Г. В.* Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907—1919). М., 2000. С. 45 (фрагменты п. 9 и 10); *Глухова Е. В.* 1) Письмо Андрея Белого к Вячеславу Иванову о докладе «Две стихии в современном символизме» // Из истории символистской журналистики: «Весы». М., 2007. С. 118—126 (полностью п. 9, с неточностями), 2) Андрей Белый — Вячеслав Иванов: концепция духовного пути // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 129—132 (полностью п. 37, с неточностями), и др.

Текст писем приведен в соответствие с современными грамматическими нормами, но представляющие существенные особенности авторской орфографии и пунктуации сохранены. Слова, подчеркнутые в оригинале, выделены курсивом, подчеркнутые дважды — полужирным курсивом, большим количеством черт — полужирным курсивом с подчеркиванием. В связи с тем, что автобиографические своды Белого («Материал к биографии» и «Ракурс к дневнику») в настоящее время готовы к печати, мы цитируем их без указания архивных или книжных страниц. Они хранятся: «Материал к биографии» — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. № 3; «Ракурс к дневнику (январь 1899 г. — 3 июня 1930 г.)» — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 100.

²⁰ Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 667.

1

Иванов — Андрею Белому

23 мая 1904 года. Москва

23 мая, 04.

Дорогой Борис Николаевич, — Вашу проникновенную и так много говорящую мне статью¹ было позволено мне прочесть в рукописи, — и счастлив был я и глубоко тронут Вашим посвящением:² спасибо Вам за честь и память! Но помогите нам здесь выйти из затруднения, в которое ставит, особенно меня лично, решительно слишком пышная формулировка посвящения, не приемлемая для моего и литературного, и религиозного — в Дионисе — смирения. Мы уже думали было самовольно заменить «провозвестника» хоть словом «проповедник», что ли, или вовсе опустить указание на связь идеи статьи с задачами лица, отличенного посвящением.... —

Странно ведь, — едва сведя знакомство,³ чувствовать разлуку как тяжесть и ущерб. А между тем Ваше отсутствие для меня именно ущерб и разлука...⁴ —

Говорил о Вашем намерении слушать в университете «de omnibus rebus et quibusdam aliis»⁵ с одним из членов соответствующего этой программе факультета, С. А. Котляревским.⁶ Конечно, живо протестует — не хотят Вас к себе *ανδρες φιλολόγοι!*⁷ — и верит, как я, в здоровый воздух «der philosophischen Facultäten»⁸ <sic!> за границей.⁹

Жена¹⁰ вчера уехала в Петербург к семье своего брата,¹¹ который только что потерял на войне старшего сына.¹² Милый юноша, вполне *καλός*,¹³ — перешедший сотником в Читинский казачкий полк, чтоб сражаться, — был окружен японцами в разъезде близ Хабалина и, защищаясь от них один, был убит.¹⁴ Страшно думать о матери...

#

Русь! На тебя дух мести мечной
Восстал — и первенцев сразил,
И скорой казнию конечной
Тебе, дрожащей, угрозил —

За то что ты стоишь, немея,
У перепутного креста,
Ни Зверя скиптр поднять не смея,
Ни бремя легкое Христа.

Поникли нежные посевы,
Встает врагами вал морей,
И жертв невольных чьи-то гнева,
У темных косят алтарей.¹⁵

Утешьте о России. Ваш всем сердцем Вяч. Иванов.

Р. S. Аморфностью письма даю добрый пример — для окрыления возможной переписки между нами. —

Еще у Никитских ворот, в номерах Троицкой.¹⁶

¹ Имеется в виду статья Белого «Маска» (Весы. 1904. № 6. С. 6—15).

² Журнальная публикация «Маски» открывается словами: «Посвящено Вячеславу Иванову, проповеднику дионисиазма». Ср. запись об апреле 1904 года в «Ракурсе к дневнику» Бело-

го: «Встреча с Вячеславом Ивановым в Москве — всюду: проблема *дионисизма*; темы „религии страдающего бога“». В это время книга Иванова о Дионисе «Эллинская религия страдающего бога. Опыт религиозно-исторической характеристики» печаталась в № 1, 2, 3, 5, 8, 9 «Нового пути» за 1904 год. При перепечатке «Маски» в сборнике статей Белого «Арабески» (М., 1910. С. 130—137) текст был несколько сокращен: «Посвящено Вячеславу Иванову».

³ Согласно «Материалу к биографии», Белый познакомился с Ивановым на Пасху 1904 года, 28 марта, когда тот явился к нему с визитом. Однако 30 марта Л. Д. Зиновьева-Аннибал извещала М. М. Замятнину: «С Белым еще не видались, до Фоминой его нет в Москве» (Богомолов. С. 103). Фомина неделя в тот год начиналась 5 апреля. См. также вступительную статью к настоящей публикации.

⁴ 4 мая 1904 года Белый уехал из Москвы в имение Серебряный Колодезь. «Я в деревню уезжаю сегодня», — сообщил он в этот день А. С. Петровскому (Андрей Белый. Алексей Петровский. Переписка 1902—1932 / Вступ. статья, сост., комм. и подг. текста Дж. Малмстада. М., 2007. С. 85).

⁵ обо всех вещах и кое о чем еще (*лат.*)

⁶ Котляревский Сергей Андреевич (1873—1939) — историк, земский деятель, приват-доцент кафедры всеобщей истории Московского университета, член ЦК конституционно-демократической партии.

⁷ мужи-филологи (*греч.*)

⁸ философских факультетов (*нем.*)

⁹ 12 августа 1904 года Белый сообщил П. А. Флоренскому: «Подал прошение в Университет» (Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка / Сост., подг. текстов и комм. Е. В. Ивановой. М., 2004. С. 466). Он поступил на историко-филологический факультет Московского университета в сентябре 1904 года. Иванов учился как на историко-филологическом факультете Московского университета, так и в Берлинском университете.

¹⁰ Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна (наст. фам. Зиновьева, в 1-м браке Шварсалон, во 2-м — Иванова; 1865—1907) — прозаик, драматург. В это время готовилась публикация в издательстве «Скорпион» ее драмы «Кольца» (М., 1904) и муссировался вопрос о печатании романа «Пламенники», так и оставшегося незавершенным и неизданным.

¹¹ Зиновьев Александр Дмитриевич (1854—1931) — брат Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. С 1903 года был петербургским гражданским губернатором.

¹² Зиновьев Александр Александрович — сын А. Д. Зиновьева; после окончания Пажеского корпуса в 1900 году служил в Конногвардейском полку. С началом Русско-японской войны, как и пишет Иванов, перевелся во 2-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска и был убит 10 мая 1904 года при разведке Хабалинского перевала. См. в дневнике современника: «Получено известие о смерти бывшего конногвардейца хорунжего Зиновьева, загадочно убитого во время рекогносцировки. Это третий офицер конной гвардии, выбывший из строя: первый был Соловьев, умерший сумасшедшим, второй фон Валь, раненый и взятый в плен» (*Квитка А. Дневник Забайкальского казачьего офицера. Русско-Японская война 1904—1905 г. г. СПб., 1908. С. 85*). В 1907 году его останки были перезахоронены. См. также в недавней публикации, обнаруженной в интернете без указания даты (московский комплект газеты весьма неполон): «Узнав о смерти сына, Александр Зиновьев обратился к нейтральной стороне — в британское посольство, с просьбой помочь выяснить обстоятельства гибели. Англичане с уважением отнеслись к просьбе петербургского губернатора, связались с Токио и вскоре получили ответ: японцы прислали не только карту с обозначением места гибели сотника Александра Зиновьева, но и личные вещи погибшего. Отец пожелал перенести останки погибшего сына на родину, и эта просьба была выполнена. В указанном на карте месте на небольшом холме оказался столб, на котором значилась фамилия Зиновьева, написанная на французском языке. Когда могилу вскрыли, то в ней нашли лишь останки, и только по двум золотым вставным зубам смогли точно определить, что останки, действительно, принадлежали сотнику Зиновьеву. 19 мая 1907 года останки сотника Зиновьева доставили в Петербург по Николаевской железной дороге. „Прах покоится в металлическом гробу, покрытом венками из живых цветов, — сообщила «Петербургская газета». — После краткой литии гроб с останками сотника перевезли на Балтийский вокзал для отправки в имение“... У этой истории оказалось необычное, очень знаковое продолжение. Представители православной миссии митрополита Николая в Японии разыскали в лазарете раненого японского офицера — того, который убил в перестрелке сотника Зиновьева. Они сообщили в Петербург его адрес, а также адрес его родителей. Петербургский губернатор написал туда письмо — и получил ответ. Как бы это ни казалось удивительным, но между семьями японского офицера и петербургского губернатора возникла тесная связь и длительная переписка. И те, и другие понимали, что в трагической гибели сотника Зиновьева была виновата война, сделавшая людей врагами и пославшая их убивать друг друга. И еще один удивительный факт: японский офицер, который сошелся в роковой схватке с сотником, каждый год на протяжении многих лет, до 1950-х годов, проводил в Японии панихиды по убитому им в бою Александру Зиновьеву» (*Глезеров Сергей. На графских развалинах // Вести (Ленинградская область)*; дата не установлена).

¹³ такой, как следует быть (*греч.*)

¹⁴ Подвиг Зиновьева стал известен, о нем писали газеты (так, В. Я. Брюсов послал Зиновьевой-Аннибал вырезки из «Русского листка» от 20 мая и из «Новостей дня» от 29 мая 1904 года (см.: РГБ. Ф. 109. Карт. 13. № 83)), он был запечатлен на картине Репина (1906), упоминаемой в литературе под разными названиями: «На разведке», «Офицер Зиновьев», «Смерть А. А. Зиновьева» (см.: Новое о Репине. Л., 1969. С. 153, 345, 368).

¹⁵ Впервые: Новый путь. 1904. № 7. С. 67; без заглавия. Перепечатано: Иванов В. Сог Ardens. М., 1911. Т. 1. С. 48, в составе цикла «Година гнева» под названием «Месть мечная» с датой «12 мая 1904 г.» и с посвящением: «Геройской памяти сотника Александра Зиновьева». Стих 8 в этой публикации читается: «Ни иго легкое Христа...» (Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 251). Дата — день гибели Зиновьева.

¹⁶ Вяч. Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал прибыли из Швейцарии в Москву 16/29 марта 1904 года и остановились по адресу: у Никитских ворот, проезд Тверского бульвара, меблированные комнаты Троицкой (№ 28). Подробно об этом времени см.: Богомолов Н. А. Четыре месяца в символистской Москве // Богомолов. С. 91—114.

2

Иванов — Андрею Белому
2 июня 1904 года. Москва

Москва, 2 Июня '04

Дорогой Борис Николаевич, получили ли Вы мое письмо (от 22 Мая)¹ и, если да, отчего так меня забыли?.. Пишу Вам сегодня, чтобы высказать Вам (как это, быть может, ни мало оправдано со всех точек зрения, кроме чисто интимной) — мое задушевное желание, исполнить которое *умоляю* Вас, если Вы питаете ко мне доверие и расположение: так дорого мне, чтобы Вы сделали, чего я прошу и что обяжет меня лично Вам благодарностью, как доказательство глубокой дружбы, связанное для Вас — быть может — с некоторою жертвой, но жертвой благотворной по ее последствиям для всех.

Я прошу Вас *прислать* свой литературный вклад в «Северные Цветы».² Этим действием Вы положите конец настоящему ненормальному положению дела, вносящему внешний раскол в дорожную область, где должно быть любовное единство, и обманчивую видимость разделения там, где самое согласие — уже действенная сила. Имейте же мужество и великодушие способствовать рассеянию соблазна и опасности устранением с *Вашей* стороны того фактора личного самолюбия, который является единственным фактором, обуславливающим разделение. Ибо, за устранением самолюбивого упрямства, препятствующего каждому из заинтересованных взять на себя *почин* в забвении давно устаревшей путаницы отношений, — я знаю с достоверностью, что «Весы» ничего не желают больше, как объединения своих сотрудников в издании, которое должно представить ту же душу в ее поэтическом аспекте. Правда, и помимо чисто личного самолюбия, «Весам» трудно перейти к действию, могущему быть истолкованным как издательский расчет. Вы один, по моему убеждению, можете «rompre la glace»³ игнорированием всего старого и личного, на что Вам ответят, *наверное и без всякого сомнения*, таким же забвением устарелых и спутанных счетов, — и восстановить таким образом желанную нам всем, стоящим вне практики издательства, свободу, не изменяя в то же время Ваших отношений к «Грифу», которые должны естественно быть далекими от всякой исключительности.⁴ Прибавлю, что Ваше решение последовать моим убеждениям вывело бы меня лично из крайне неприятного положения, которое Вы оцените, если примете в соображение, как тяжело и ответственно являться «исключением» с одной стороны, как тяжело и ответственно отказаться от участия в «Северных Цветах» во имя связи с «Грифом» с другой и этим последним решени-

ем дилеммы затруднить самую возможность их появления при наличии моей солидарности *в случае такого исхода* с Валерием Яковлевичем.⁵ Рассеките же, дорогой Борис Николаевич, этот Гордиев узел присылкой Ваших произведений и поймите правоту и искренность любящего Вас Вяч. Иванова.

Еще в течении недели: Тверской б⟨ульвар⟩ у Никит⟨ских⟩ ворот №№ Троицкой; или Метрополь «Скорпион».⁶

Потом еду в Женеву: villa Java, Châtelaine, Genève.⁷

Р. С. Прошу Вас, чтобы содержание этого письма осталось *между нами!*

¹ Имеется в виду п. 1.

² Альманах, выпускавшийся издательством «Скорпион» с 1900 года. В это время готовил его очередной выпуск, появившийся в свет лишь в начале 1905 года под названием «Северные цветы Ассирийские».

³ разбить лед (фр.)

⁴ В 1903 году С. А. Соколовым (см. о нем п. 4, прим. 6) было основано книгоиздательство «Гриф», которое должно было стать прямым конкурентом фактически руководимого Брюсовым издательства «Скорпион». Белый начал сотрудничество с новым издательством. К концу 1903 года Брюсов пошел на крайние меры, запретив сотрудникам «Грифа» печататься в альманахе «Северные цветы». В ответ на это Белый написал в «Скорпион» письмо с отказом в нем публиковаться и участвовать в его изданиях, в том числе в начинавшемся журнале «Весы». Брюсов был готов прервать с ним всякие литературные отношения, но уже написанное 5 декабря очень резкое письмо не отправил, и вскоре при личной встрече писатели примирились. Белый остался сотрудником «Весов» и «Скорпиона», но в «Северных цветах» все-таки участвовать не стал. Подробнее см. текст упомянутого письма Брюсова и комментарий С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова к нему (Лит. наследство. Т. 85. С. 371—374).

⁵ Брюсовым.

⁶ В 1904 году издательство «Скорпион» и редакция журнала «Весы» помещались в недавно построенной гостинице «Метрополь» (1899—1903 годы; по проекту В. Ф. Валькотта) на Тегуральной пл., кв. 23.

⁷ Иванов с семьей жил на вилле Ява в Шатлене, близ Женевы, до весны 1905 года. В июле 1905 года Иванов и Зиновьева-Аннибал поселились в Петербурге на Таврической ул. (д. 25, кв. 24).

3

Иванов — Андрею Белому
12 июня 1904 года. Москва

12 июня

Все еще — Москва.

Дорогой

Борис Николаевич

Две строчки, немного впопыхах, — чтобы известить Вас, что свое последнее письмо я послал Вам *заказным*, что было неосторожно, так как получение заказных писем в деревне, конечно, весьма затруднительно. Между тем письмо это — деловое и важное, и меня чрезвычайно беспокоит мысль, что оно не дошло до Вас.

Благодарю Вас за Ваше дорогое и очаровательное письмо.¹ Ваш ландыш упал ко мне из милой лазури.²

Ваша «апатия»³ хороша и благотворна для летнего отдыха; но не забывайте бросать нам цветы, которые вырастают в тиши в Вашем сердце. И как ни прекрасно говорите Вы о царственности молчания, не забудьте также,

что сомнение в себе не царственно. О, дорогой поэт, помните, что возложивший руку на плуг не должен оглядываться назад.⁴

Любящий Вас Вяч. Ив(анов).

«Скорпион» или villa Java, Châtelaine, Genève

¹ Упомянутое здесь письмо Белого до нас не дошло.

² Судя по всему, намек на книгу Белого «Золото в лазури», вышедшую в марте 1904 года. Вероятно, к письму был приложен цветок.

³ Белый так описывает июнь 1904 года в «Материале к биографии»: «Этот июнь для меня характерен, главным образом, теоретическими интересами; природа не запечатлевается никак; она — поверхностно скользит; и — даже: утомляет меня; утомление, недоумение — вот лейт-мотивы моих медитаций; утомление шумной, „литературной“ зимой, утомление разговорами, утомление аргонавтами; и главное: утомление „романом“ с Н. И. Петровской, с которой я состою в деятельной переписке; (...) духовный язык природы как бы закрылся для меня. Отношение к протекшему сезону 1903—1904 годов — резко отрицательное; я хочу бежать прошлого; все это отражается в моих стихотворениях этого периода:

Покинув город, мглой объятый,
Пугаюсь шума я и грохота.
Еще вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.
Там я года твердил о вечном,
В меня бросали вы камнями.
Вы в иступленьи скоротечном
Моими тешили мученьями.
Я покидаю вас, изгнанник, —
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу — согбенный, бледный странник —
Меж золотистых, хлебных пажитей.

(...) Лейт-мотив бегства — подготавливается, бегства из уз „плоти“, „чувственности“, городской пыли московской болтовни и нестройцы». Стихи — начальные строки стихотворения «Изгнанник», 1904 (Белый Андрей. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.; М., 2006. Т. 1. С. 282).

⁴ Отсылка к словам Христа: «...никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9: 62).

4

Иванов — Андрею Белому

2 марта (н. ст.) 1905 года. Женева

Châtelaine, près Genève

2 марта 1905.

Благодарю Вас, дорогой Борис Николаевич, за высоко ценимый мною знак Вашей доброй памяти. С нетерпением ждал я возможности прочесть Вашу 3-ю симфонию;¹ но все собираясь в Россию и все отлагая, вместе с тем, отъезд,² — так до сих пор и не выписал книги... Был чрезвычайно обрадован, получив ее сегодня утром. Конечно, тотчас же принялся за чтение — и вот хочется сказать Вам свое самое свежее впечатление. Симфония «Возврат» доставила мне истинное эстетическое наслаждение. Она прекрасна и кажется мне наиболее совершенную из трех первых (хотя 1-ую я люблю наиболее, разумею: московскую³). Конечно, прав В. Я. Брюсов в своей рецензии,⁴ указывая на ее особенные, исключительные достоинства; повторять то, что в моем впечатлении согласуется с тем, что намечено им, не стану. Иное, что у меня на душе, хочу сказать Вам. Мне грустно и страшно. Я не нашел в Вашей книге чего-то нужного, наиболее важного, наиболее в Вас любимого... Я не нашел в ней мистерии, я не вижу в ней Андрея Белого — теурга, Андрея Белого — христоролюбца. Христа я не нашел в ней... Вот предо

мною Андрей Белый — художник, лирик, сновидец, — и вот новый Андрей Белый (он ли?) — частью, и главной частью своего нового облика *агностик*, — частью теософ (не теург!). Мне тоскливо и страшно. Что-то расстилается светлою гладью, как воды или лед при луне. Это, может быть, болото... Христос да будет с Вами. Привет другу Эрну.⁵ Привет Кречетову: спасибо ему за «Гриф».⁶

Ваш Вяч. Иванов.

¹ Публикация третьей «симфонии» Белого «Возврат. III симфония» состоялась в середине ноября 1904 года (на титульном листе: М.: Гриф, 1905).

² Ивановы собирались вернуться в Москву, начиная с конца сентября (ст. ст.) 1904 года, однако выехали из Женева лишь 20 марта (видимо, ст. ст.) 1905 года.

³ Имеется в виду «Симфония (2-я, драматическая)» (М.: Скорпион, <1902>), литературный дебют Андрея Белого; она вышла в свет в апреле 1902 года. «Северная симфония (1-я, героическая)» (М.: Скорпион, 1904) вышла в свет в октябре 1903 года.

⁴ Рецензия Брюсова на «Возврат» впервые была опубликована в «Весах» (1904. № 12. С. 59—60). Перепечатана: Брюсов В. Среди стихов. 1894—1924: Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев; вступ. статья и комм. Н. А. Богомолова. М., 1990. С. 126—127.

⁵ Эрн Владимир Францевич (1882—1917) — студент, затем доцент и профессор философии Московского университета. В юности был близок Белому и другим московским символистам. Он гостил у Ивановых в Швейцарии в начале 1905 года. 3/16 января 1905 года Иванов сообщил Брюсову: «В наше уединение допущен был любимый нами Вл. Эрн» (Лит. наследство. Т. 85. С. 470). В последние годы Эрн жил в московской квартире Ивановых, где и умер. 15 июня 1921 года в беседе с М. С. Альтманом Иванов отметил: «Вы говорите о влиянии на меня Вл. Соловьева; да, он, конечно, влиял, но мало: больше гораздо на меня влиял Вл. Эрн» (Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подг. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 68). В мемуарах Белый писал об Эрне: «Он в ряде годин Вячеславу Иванову — верил; мне — нет» (Начало века. С. 298).

⁶ Соколов Сергей Алексеевич (псевд. Сергей Кречетов; 1878—1936) — юрист по профессии, поэт, прозаик, владелец издательства «Гриф», редактор журнала «Искусство» (1905), литературно-критического отдела журнала «Золотое руно» (в первой половине 1906 года), журнала «Перевал» (1906—1907). Иванов просит поблагодарить его за присылку третьей книги «Альманаха книгоиздательства „Гриф“», которая вышла в свет в Москве в марте 1905 года. В альманахе были опубликованы два цикла стихов Белого — «Тоска о воле» и «Идиллия» (с. 9—22).

5

Андрей Белый — Иванову 16 марта 1905 года. Москва

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович!

Мне было так несказанно приятно получить от Вас письмо, тем более, что я последнее время много думал о Вас. Скоро ли Вы приедете в Москву?¹ Мне говорил Эрн, что Вы собираетесь. Жду Вас с нетерпением. Спасибо за отзыв о «Возврате», столь для меня лестный. Что касается до настроения, то Вы совершенно правы.² Оно объясняется угнетенным настроением, которое мне пришлось переживать в те дни. «Теософский» налет (а не теургический) здесь явен.³ Но я не разделяю теперь ни настроений, ни взглядов, здесь выраженных. Это просто объективное описание жизни прогрессивного паралитика с постоянно дwoящимся отношением к действительности. Правда: дается намек, что все это призрачно, но за призраком остается нераскрытой «непризрачная» сторона Симфонии. Сказать по правде: я не знаю и по сю пору, кто настоящий диавол Симфонии. Ценх или Орлов. Кажется, Ценх только агент Орлова, и вся борьба между ними только заученная пантомима заговорщиков, собирающихся погубить действующее лицо (Хандрикова).⁴

В настоящее время в Москве у нас все так трудно и сложно в области «интимного», и, наоборот, радикально и просто во всем прочем.⁵ С большим удовольствием читал Вашу статью за ее замечательный конец об оркестре как идеальном фокусе форм народного голосования.⁶ Приблизительно к таким же результатам и я пришел в последнее время, рассматривая вопрос об отношении Церкви к государству. Надеюсь, мы увидимся скоро. Остаюсь глубокоуважающий Вас и искренне Вас любящий

Борис Бугаев.

Р. С. Эрн просит передать Вам свой привет и уважение.

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 16 марта 1905. Отправлено по адресу: В Швейцарию. Женева. Suisse. Près Genève. Châtelaine. Villa Java. A monsieur Venceslas Ivanov.

¹ См. п. 4, прим. 2.

² В оригинале описки: право.

³ К работе над третьей «симфонией» Белый приступил поздней осенью 1901 года: в ноябре была написана ее первая часть, в декабре — вторая. См. в «Материале к биографии» о сентябре 1901 года: «С этого месяца в нашем доме часто начинает появляться Пав(ел) Ник(олаевич) Батюшков (внучок поэта) и двою(од)ный брат А. С. Гончаровой; мы просиживаем с ним долгими вечерами и разговариваем о теософии, с которой я уже недурно знаком по книгам Безант и Ледбитера; он мне рассказывает о Миде, о злобах дня теософ(ского) О(бщест)ва; я раза 2 в неделю бываю у А. С. Гончаровой, с которой все более и более связывают меня ноты внутреннего развития; „Путь Посвящения“ становится зовом души: сильнейшее впечатление производит „Свет на пути“; и все то, что мне рассказывает Гончарова, как комментарий к Бхагават-Гите», и о ноябре того же года: «В этот месяц укрепилась моя дружба с Гончаровой и Батюшковым; теософские разговоры с последними отразились на симфонии „Возврат“ (идея спиральности путей)».

⁴ Действующие лица «Возврата». Доцент химии Ценх преследует лаборанта Евгения Хандрикова, героя «симфонии», а доктор-психиатр Орлов как будто защищает его от Ценха в своей санатории. В конце «симфонии», после того как Орлов едет за границу, Хандриков кончает жизнь самоубийством (опрокидывает лодку и тонет в озере).

⁵ Ср. запись о марте 1905 года в «Материале к биографии»: «В воздухе стоит атмосфера революции; всюду — ряд митингов, банкетов, собраний, лекций».

⁶ Имеется в виду конец статьи Иванова «Вагнер и Дионисово действие», опубликованной во втором (февральском) номере «Весов» за 1905 год: «Борьба за демократический идеал синтетического Действа, которой мы хотим и которую мы предвидим, есть борьба за оркестру и за соборное слово. Если всенародное искусство хочет быть и теургическим, оно должно иметь орган хорowego слова. И формы всенародного голосования внешни и мертвы, если не найдут своего идеального фокуса и оправдания в соборном голосе оркестры» (Иванов В. Собр. соч. Т. II. С. 85).

6

Иванов — Андрею Белому

Май 1905 года. Москва

Дорогой, я приехал сегодня в Москву дня на четыре; мой адрес №№ Троицкой (№ 28) у Никит(ских) Ворот. Как увидеться? Буду ждать записки, п(отому) ч(то) едва ли когда буду дома.

Вячеслав Иванов.

⟨На полях:⟩ Ради Бога — адрес Эрн!

Записка карандашом. Датируется по содержанию. После приезда в Москву Ивановы отправились в Петербург, но в середине мая вернулись в первопрестольную. О мае 1905 года Белый записал в «Ракурсе к дневнику»: «...приезд в Москву Вячеслава Иванова (...) Бурные прения на моих воскресеньях (с участием Иванова)». В дневнике Зиновьевой-Аннибал читаем: «Андрей Белый злой и выдохшийся» (Зиновьева-Аннибал Л. Д. Из дневника 1904 и 1906 гг. / Публ. А. Шишкина // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.; СПб., 2009. С. 792).

7

Иванов — Андрею Белому
1 декабря 1905 года. Петербург

1 декабря

Дорогой Борис Николаевич,

После нашего свидания в Москве дошла до меня весть, что причиною твоего разрыва с «Искусством» послужила — моя трагедия...¹ Я не мог уже увидеться с тобою, как не мог потом и писать тебе (вследствие перерыва почтовых сообщений), — но все время мне хотелось сказать тебе, до какой степени я тронут этой истинно-дружеской и великодушной защитой меня как поэта. Итак, благодарю тебя и обнимаю от всего сердца. Знаю обо всем, однако, в общих чертах и не ясно представляю себе, почему из твоего протеста как критика против чужой критической оценки могла развиться ссора.

Как бы то ни было, я послужил причиною личных твоих несогласий, и потому, когда пришли ко мне вчера С. А. Соколов и Н. Я. Тароватый² с предложением сотрудничества в «Золотом Руне» и при этом сказали мне (в ответ на мой вопрос о твоем участии в новом журнале), что осложнения личного характера делают для редакции невозможным обратиться к тебе с приглашением сотрудничать, но что ты в глазах их, твоих почитателей, являешься одним из самых желанных сотрудников, — мне было трудно согласиться на предложение, ими ко мне обращенное, при условии твоего неучастия в «Золотом Руне», — несмотря на все мое желание дать свое имя и помещать там свои писания. Ибо «Золотое Руно» прежде всего не «Искусство», а совершенно независимое от последнего предприятие, и притом предприятие, долженствующее объединить все наши литературные силы и могущее занять в области новой поэзии и нового искусства центральное место, — а что касается критики на моего «Тантала» в «Искусстве», я безусловно предоставляю каждому иметь свое мнение о моих произведениях и их ценности, и если бы мне было неловко после того писать в «Искусстве», то никак уже не неудобно писать в «З(олотом) Р(уне)», сохранившем только некоторые общие редакционные имена.

Итак, ты сделаешь нечто крайне желанное для журнала как нового (иначе, по-видимому, и симпатичнее окрашенного) органа нашего литературного движения для меня лично и всех товарищей-поэтов лично, наконец, нечто внутренне естественное, почти необходимое и для тебя хорошее, если будешь участвовать в «З(олотом) Р(уне)».³

Для этого или обещай им что-нибудь, или пошли заявление в том смысле, что если Вяч. Иванов согласен участвовать, *то и ты предлагаешь свое сотрудничество*. Дм(итрий) Серг(еевич) пишет тебе об этом от себя — ты доверись его авторитету и совету, конечно, для тебя благожелательному и основанному на ревнивом ограждении всех твоих прав.⁴

Необходимо, чтобы ты высказался в этом смысле тотчас же, до воскресенья, известив редакцию коллективно или редактора-издателя Рябушинского⁵ о твоем решении примкнуть к органу. Если же ты не заявишь о своем желании участвовать в журнале до воскресенья, я не уполномочил называть мое имя в числе сотрудников.

А установить их список надобно немедленно для больших анонсов (sic!).

Только предложение с твоей стороны сделает возможным наше (обоих) участие в «З(олотом) Р(уне)». Но поступай, как найдешь для себя лучшим и правильным.

Любящий тебя и благодарный за твою дружбу и в недавнюю пору видимой борьбы

твой

Вячеслав.

¹ «Искусство. Журнал художественный и художественно-критический» (редактор-издатель — Н. Я. Тароватый) выходил в Москве с января 1905 года, издание прекратилось на восьмом номере; с лета 1905 года С. А. Соколов заведовал в нем литературно-критическим отделом. Здесь подразумевается инцидент, происшедший в сентябре 1905 года, когда Белый отказался участвовать в «Искусстве» после появления в этом журнале (№ 5/7) возмущившей его рецензии на альманах «Северные цветы Ассирийские» за подписью «Нарцисс», содержавшей резкий отзыв о помещенной в альманахе трагедии Вяч. Иванова «Гантал». Он собирался печатно объявить в «Вессах» об отказе от сотрудничества в «Искусстве», но Соколов (в письме к Белому от 8 сентября 1905 года) заявил, что появление такого письма расценит как оскорбление ему в качестве редактора и потребует «удовлетворения путем дуэли» (см.: *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века. Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 250—253). Согласно дневниковой записи Брюсова, Белый «исполнил все требования Грифа (взял назад «письмо в редакцию» из «Весов»)» (РГБ. Ф. 386. Карт. 1. № 16 (1). Л. 38). См. также: Лит. наследство. Т. 85. С. 388—389, 479—480. Иванов полагал, что за псевдонимом «Нарцисс» скрывается Соколов.

² С. А. Соколов был инициатором издания и (в первой половине 1906 года) заведующим литературно-критическим отделом московского символистского журнала «Золотое руно» (официальный редактор-издатель — Н. П. Рябушинский). В октябре 1905 года Николай Яковлевич Тароватый (1876—1906), художник, редактор-издатель журнала «Искусство», который к этому времени закрылся, сообщил Конст. Эрбергу: «...из „Искусства“ возник новый журнал „Золотое Руно“, каковой предполагается выпускать ежемесячно начиная с января 1906 г. Состав сотрудников, за немногими добавлениями (...) тот же, что и в „Искусстве“, я же приглашен заведовать в нем художественным отделом» (*Лавров А. В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 458). О визите Соколова и Тароватого см. запись в дневнике А. М. Ремизова от 30 ноября: «Собрание „Золотого Руна“: С. А. Соколов-Кречетов («Гриф»), Тароватый («Искусство») — это главные. А проч. — Блок, Сологуб, Мережковский, Кондратьев, Дымов и Бакст. Издатель же Н. П. Рябушинский, но его не было» (*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 34 (сер. «Литературные памятники»). Несмотря на художественную природу этой книги, включенные в нее документы, в том числе и дневниковые записи Ремизова конца 1905 года, являются подлинными).

³ Белый сотрудничал в «Золотом руно» с первого номера 1906 года («Пасть ночи. Отрывок из задуманной мистерии» (с. 62—71) и рецензия на «Сборник по философии естествознания» (М., 1906) (с. 150—153)). Отказ журнала напечатать его ответ Э. К. Метнеру на статью «Борис Бугаев против музыки» (Золотое руно. 1907. № 5; под псевдонимом «Вольфинг») привел Белого к разрыву с журналом в августе 1907 года. См.: *Белый Андрей.* Между двух революций. М., 1990. С. 139, 247 (далее: Между двух революций, с указанием страницы); *Богомолов Н. А.* От Пушкина до Кибирова. С. 61—83; Богомолов. С. 140—141. Отметим, что вскоре после получения комментируемого письма Белый провел около трех недель в Петербурге, где началось его тесное общение с Ивановым.

⁴ Имеющиеся здесь в виду письмо Д. С. Мережковского см.: «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...»: Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому / Вступ. статья, публ. и комм. А. Холикова // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 167—168.

⁵ Рябушинский Николай Павлович (1877—1951; умер в Ницце) — меценат, издатель журнала «Золотое руно» (1906—1909), литератор и художник-дилетант.

8

Иванов — Андрею Белому

13 марта 1906 года. Петербург

СПб. Таврическая 25 кв. 24.

19 13/III 06

Дорогой Борис Николаевич! Хотелось бы мне иметь от тебя слова два, чтобы знать, как ты поживаешь. Ибо впечатление от недавних свиданий и твой внезапный отъезд наводят на мысль, что тебе внутренне тяжело живет-

ся и что ты в каком-то беспокойстве.¹ Я же люблю тебя больше, чем ты, может быть, думаешь, и мне хотелось бы иметь от тебя успокоительную весть, что ты чувствуешь себя в мире с Богом, собою самим и солнцем... Я был бы тебе также благодарен за уведомление о судьбе посланной мною в «Свободную Совесть»² рукописи: быть может, она не дошла по назначению, как и мое письмо П. И. Астрову?³

Сердцем твой Вяч(еслав).

Закрытое письмо. Отправлено по адресу: Арбат, д. Богданова. Почтовые штемпели: СПб. 14.III.1906. Москва. 15.3.06.

¹ Белый выехал в Петербург 11 февраля 1906 года, думая, что останется там надолго. В это время в разгаре были его сложные отношения с Блоком и женой последнего. Объяснение в любви Белого и Л. Д. Блок состоялся 26 февраля (см.: *Блок Л. Д.* Были и небылицы. *Времена*, 1977. С. 53—56). Любовь Дмитриевна «просит меня временно уехать в Москву и оставить ее одну, — дать ей разобраться в себе; при этом она заранее говорит, что она любит больше меня, чем Ал. Ал., и чтобы я боролся с ней же за то, чтобы она выбрала путь наш с ней. Я даю ей нечто вроде клятвы, что отныне я считаю нас соединенными в Духе и что не позволю ей остаться с Ал. Алекс. С этим обещанием я еду в Москву (Белый выехал в Москву 5 или 6 марта); мы переписываемся каждый день, но в письмах Л. Д. — раздвоение: она же любит и меня, и Ал. Ал. одинаково; она не знает, кого она любит больше; я борюсь с этими ее настроениями; чувствую себя тревожно и неопределенно» (Материал к биографии, март 1906 года). В апреле: «Тревога нарастает. Л. Д. заболевает, я хочу броситься в Петербург, но Алекс(андра) Андреевна Кублицкая, Ал. Ал. Блок и Л. Д. Блок заклинаят меня не приезжать. Я тем не менее еду (Белый приехал в Петербург 15 апреля), но меня почти не принимают; Л. Д. мне объявляет, что между нами все кончено, что она — ошиблась в своих чувствах; я напоминаю ей то обещание, которое она же у меня вырвала; а именно, чтобы я боролся с нею за нее. Положение мое — отчаянно трудное; Ал. Ал. Блок, как бы давши нам с Л. Д. свободу отношений, теперь по просьбе Л. Д., исполнявшей решительного шага, пытается встать между нами; я все время его отстраняю; наконец Л. Д. таки признается мне, что все осталось по-старому, что она — любит меня, но что Ал(ександра) Андр(еевна) и Ал. Ал. Блок воздействуют на ее волю» (Там же). В мае: «Морально я одерживаю победу над Л. Д.; она дает мне обещание, что осенью мы с ней едем в Италию и что с этого времени как бы начинается наш путь с ней; она просит меня дать ей провести с Ал. Ал. последнее лето; я, уверенный в том, что на этот раз она сдержит свое слово, еду в Москву в ужасном состоянии духа» (Там же). Белый вернулся в Москву в начале мая, а 14 мая он получил от Л. Д. Блок письмо «без всякой мотивировки приглашающее съезнова порвать все между нами; и на этот раз считаю ее поступок уже настоящим предательством (...); с этого времени начинается непрекращающаяся мучительная переписка между нею и мною» (Там же). Весь июнь «провожу ужасно: та же мучительная ситуация с Л. Д.; разгон Думы, действующий на меня подавляюще» (Там же). Решительные встречи и объяснения Белого с Блоком и Л. Д. Блок состоялись в Петербурге с 23 августа до начала сентября 1906 года. Около 20 сентября Белый выехал за границу.

² «Свободная совесть» — заглавие двух литературно-философских сборников, которые вышли в Москве в конце 1905 года и в сентябре 1906 года (на титульных листах: 1906). Среди авторов преобладали участники собраний на квартире П. И. Астрова. См. запись о сентябре 1904 года в «Материале к биографии»: «...возник кружок Астровых „Свободная совесть“, где началось чтение рефератов, где происходили беседы и т. д. Этот кружок сильно окрасил мою моральную атмосферу». См. также: Начало века. С. 392—398; *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 26. Видимо, рукопись статьи Иванова Астров не получил или же перестал выпускать сборники до того, как до нее дошла очередь (ивановских статей нет в двух вышедших томах). Белый печатался в обоих выпусках: *Белый А.* 1) О научном догматизме // *Свободная совесть*. М., 1906. Кн. I. С. 164—172; 2) О пессимизме // Там же. С. 173—177; 3) Общественная совесть // Там же. С. 296—304; 4) О субъективном и объективном // *Свободная совесть*. М., 1906. Кн. II. С. 268—274; 5) Религиозное основание индивидуализма // Там же. С. 275—279.

³ Астров Павел Иванович (1866—1919) — юрист, публицист; член Московского окружного суда и лектор по курсу гражданского процесса на московских Высших женских курсах.

9

Андрей Белый — Иванову

7 или 8 апреля 1908 года. Москва

Дорогой, искренне любимый Вячеслав!

Я буду краток и резок. Все время я хотел бы Тебе верить, но вижу в Тебе какую-то двойственность. В докладе Твоем есть *неявный, замаскированный* выпад против Москвы. Так приняли *все*: так принял и я, как только получил тезисы доклада. Я люблю действовать начистоту; на *замаскированный* выпад против московского символизма я отвечал *явным отпором*. Ты не поднял перчатки: сказал, что я Тебя не понял (в Кружке) и просил меня успокоиться и не бояться за свое целомудрие (в религиозно-философском обществе): ведь такой ответ — свысока брошенная насмешка вместо возражения по существу.¹ (Так и приняли Твой ответ присутствовавшие.)

Наконец Ты говоришь при мне Низковскому,² что символизм Брюсова, *пожалуй*, и не идеалистический (как бы нехотя), а с глазу на глаз *мне* говоришь, что Брюсов глубокий реалист. Ты говоришь мне с глазу на глаз, что идеализм и реализм в современном символизме суть две стихии, борющиеся в душе художника, а у Тебя в докладе вовсе не это: там два течения. Вот если бы Ты сказал это вслух, я не имел бы основания думать, что глубокие, вечные мистические проблемы Твоего доклада перемешаны с политикой сегодняшнего дня и притом проводимой не явно, а как-то скрыто: отсюда двойной смысл Твоего доклада носил характер еще и «*двусмысленного*» смысла. Вот какая подоплека бесила меня. Вот что заставило меня, мистика, выступить против Тебя, опуская и даже пропуская мимо ушей глубокое и вечное. *Глубокое и вечное* должно соединяться с прямотой и открытостью. Деление на эзотеризм и экзотеризм, занавешенность от малых сих никоим образом не сочетается с неискренностью. Если я ошибаюсь, да простит меня Бог. Но я всегда хочу Тебя любить, всегда хотел бы быть близким и вдруг, видя Тебя, утериваю подчас смысл Твоих слов. И вот когда закрадывается сомнение, я способен минутами верить, что великие мистические проблемы Ты способен превратить, например, в средство для политики, и что политика у Тебя цель, а мистика — средство. Тогда я способен, любя Тебя (желая любить Тебя таким, каким видывал в иные минуты), просто мстить Тебе за то значение, которое я Тебе приписывал. Я, например, могу усумниться: после нашего столь дорогого мне свидания у Тебя,³ Ты можешь намеренно глумиться надо мной; и тогда я кричу себе: для чего же он говорил мне: «Христос с Тобой». Пойми, что я пишу от открытого сердца. Слова, которые Ты мне говорил, слишком ответственны: ради Бога прости меня; *хочу в Тебя верить!*

Такого рода колебаниями обуславливалось мое недоверие к Тебе прошлой зимой. Теперь о тактике. Тут я знаю о себе вот что: я имею опыт, я знаю *умное делание*, уединенную молитву,⁴ *но я имею реальный опыт коллективной молитвы*,⁵ и по опыту знаю, что и этого еще недостаточно; надо создать катакомбные условия (эзотерические) для приготовления грядущего; я бы не мог говорить о соборности вслух толпе, как готов был это говорить 5 лет тому назад, ибо я *знаю* теперь *соборную молитву*. (Удельный вес слов и ответственность!!!) И потому-то мне кажется, что Ты пишешь и говоришь с какой-то литературной легкостью (как и Мережковский) о том, что есть предмет *реального созидания, дела*, а не литературы; *выступая об этом в литературе*, Ты претендуешь на роль пророка: *а пророков не будет*;

не может быть теперь; получается какая-то ложь. Но если Ты и берешь на свою *ответственность* проповедь соборного делания (для меня это проповедь о втором пришествии Христа), я не могу на себя брать соучастие в проповеди; я лишь исповеданием своим тайных, субстанцией переживаний, устремленных к моему Господу, могу кому бы то ни было говорить. *Так* (знаю я) ничего не будет сорвано; всякое же всеу напоминание (в статье, в *credo* и т. д.) для меня уже начало провокации. Вот почему оттого, что Христа исповедую, я не христианин («Христос» и «христианство» исключают друг друга⁶): я не могу быть уже с Мережковскими,⁷ и, конечно, уж я не с Булгаковым⁸ и Эрном.⁹ Твоя же позиция еще ближе: но проповедь Твоей позиции есть иногда для меня кощунство. Слова о *Теургии*¹⁰ (и я когда-то писал о *Теургии*¹¹) предполагают *теурга*: ну могу ли я верить, чтобы Ты, или я, или Мережковский, или кто бы то ни было из пишущих «о», был бы действительно *теургом*, когда еще и маги не являлись:¹² еще нет магов: они будут (быть может, скоро); всю силу молитвы нужно обратить в дело, а не в слово, чтобы о теургии ничего не знали до решительного нападения на магов: мы живем в предбоевое время; наши маневры и манипуляции должны мы утаить и не проговариваться (у стен есть уши), а Ты кричишь вслух. Нет, не могу я Тебя тут поддерживать.

Не забудь, что хотя мне и 27 лет, но еще в 1899 году я тронулся от индивидуализма к соборности;¹³ и твое публичное успокоение меня («Успокойтесь») с оттенком иронии было направлено не против меня; я, правда, очень экспансивен, но *где нужно* стойкости и спокойствия у меня достаточно; и протестуя против Твоего доклада, я поступал вовсе не как опрометчивый мальчишка: *верь мне*.

Вот, Вячеслав, мое краткое резюме о том, что так трудно мне резюмировать в словах, но что считаю нужным Тебе сказать. Верь, что пишу это в форме вопроса. Так или не так? Если не так, обличи: буду слушать с величайшим вниманием. Ведь от любви к Тебе я пишу это письмо, снимаю всякие маски, смотрю на Тебя обнаженным взглядом: если что не так, наставь и прости. Ведь Ты так мне близок, а я так нуждаюсь в Тебе.

Господь с Тобой.

Жду ответа.

Остаюсь любящий Тебя искренне, но тревожно и недоверчиво.

Борис Бугаев.

Мой адрес: Москва. Арбат. Никольский пер., д. Новикова, кв. 7.

Датируется по ответному письму Иванова (9 апреля 1908 года).

¹ Иванов выступил с лекцией «Две стихии в современном символизме» 25 марта 1908 года в Московском литературно-художественном кружке, а с лекцией «Символизм и религиозное творчество» — 30 марта на XVIII публичном заседании Религиозно-философского общества. Возражения, высказанные в ходе публичного обсуждения, Белый дополнил полемическими доводами, сформулированными в этом частном письме. См. запись об апреле 1908 года в «Материале к биографии»: «Этот месяц припоминается, как особенно тяжелый; читаю реферат в Московском религиозно-философском Обществе на тему „Эмблематика Смысла“ (забыл точное заглавие); весь период окрашен полемикой с В. Ивановым на тему „A realibus ad realiora“». В статье «На перевале. XII. Realiora» (Весы. 1908. № 5. С. 58—62; подпись: Борис Бугаев) Белый выступил с критикой эстетических взглядов Вяч. Иванова, обоснованных в статье «Две стихии в современном символизме» (Золотое руно. 1908. № 3/4. С. 86—94; № 5. С. 44—50; под заглавием «Два течения в современном символизме»); полемический ответ Вяч. Иванова — статья «Б. Н. Бугаев и „Realiora“» (Весы. 1908. № 7. С. 73—77). Полемика продолжалась в статье Белого «Символизм и русское искусство» (Весы. 1908. № 10. С. 38—48), основанной на прочитанном 15 октября 1908 года в московском Обществе свободной эстетики реферате, и в ответе Иванова «Эстетика и исповедание» (Весы. 1908. № 11. С. 45—50). См. письмо Белого к Блоку от 6 апреля 1908 года: «Ты спрашивал меня о Вяч. Иванове. Да, он был; два раза читал свой

доклад: в „кружке” и в „Рел(игиозно)-филос(офском) обществе”. 1) Доклад неумный. 2) Коварный и двусмысленный. В первый раз, когда услышал в Кружке, он прозвучал как что-то нехорошее против Москвы (и при этом это «косоглазие» на Москву тайное, не открытое). Я нарочно возражал ему сухо и официально, так сказать, поднимая брошенную перчатку. Он ответил, что плоскость его реферата (об идеализме и реализме в символизме) вне плоскости обычного смысла, установленного за идеализмом и реализмом. Тогда в философском обществе за этот ответ не по существу (*так иные игроки рукавом передвигают шашку*) я высказался несколько горячо против его теорий. Но он опять перчатку не поднял. Через два дня был у меня, был ласков донельзя: меня законфузил. Что-то было во всем этом „непрямое” (1) передержки в прениях, 2) исподтишка мина против Москвы, 3) елейная ласковость обращения). Буду теперь ему писать обо всем этом письмо: *начистоту*» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка: 1903—1919 / Публ., предисловие и комм. А. В. Лаврова. М., 2001. С. 362; далее — Переписка).

² Фамилия написана неотчетливо, может читаться как «Неуковскому». Однако поиски ее обладателя в любом варианте ни к чему не привели.

³ Видимо, свидание состоялось в январе 1908 года в Петербурге, куда Белый приезжал читать лекции. С лекцией «Искусство будущего» он выступил в Петербурге в зале Тенишевского училища 15 января, после чего вернулся в Москву, затем выехал из Москвы в Петербург 21 января, 25 января выступил в зале Тенишевского училища с лекцией «Фридрих Ницше и предвестия современности», отбыл в Москву в тот же день.

⁴ Ср. комментарий Белого к своему письму к Блоку от 19 августа 1903 года: «В 1902—1903 годах я часто молился; в 1902 году даже был опыт молитвы, и нечто от „умного делания” по плану, рекомендуемому Св. Серафимом Саровским; и в итоге этого „деланья” неожиданное узнание о Христе; „до” — не знал Христа; в этом опыте — узнал» (Переписка. С. 99). Св. Серафим говорил не об «умном деланье» («сихизм»), а об «умной молитве». Ср. запись о лете 1902 года в «Материале к биографии»: «Мои молитвы и внутренне ощущаемая связь со св. Серафимом, — все это меняет тональность моего религиозного опыта — от инспирации Ею, к интуиции в... Христе. „Чувство Христа” — вот что прорезывается сквозь экстаз слияния с мировой душой; я внутри себя осознаю, что сквозь экстаз надо пройти, как сквозь врата, чтобы встретиться с Ним у себя в сердце — в за-экстазной тишине».

⁵ По-видимому, Белый имеет в виду свое общение с Мережковскими в Петербурге в январе 1905 года: «В „Начале Века” не указаны причины, особенно соединившие меня с Мережковскими. Они приняли меня на свои тайные моления; их малая община имела свои молитвы, общие; было 2 чина; 1-ый: чин ежедневной вечерней молитвы; и 2-ой — чин служб: этот чин свершался приблизительно раз в 2 недели, по „четвергам”; во время этого чина совершалась трапеза за столом, на котором были поставлены плоды и вино; горели светильники; на Мережковском и Философове были одеты широкие, пурпурные ленты, напоминающие епитрахили. В числе участников „четвергов” в это время были: Мережковский, Гиппиус, Философов, Карташев, я, Татьяна Николаевна Гиппиус, Наталья Николаевна Гиппиус; вот и все: Мережковские одно время надеялись ввести в чин свой Бердяева и Волжского; но те скоро отошли от них» (Материал к биографии). Об интимной религиозной общине Мережковских см. вступительную статью М. М. Павловой к публикации «Истории „новой” христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете „Главного”: Из „дневников” Т. Н. Гиппиус 1906—1908 годов» (Эротизм без берегов [на обл.: Эротизм без границ]. М., 2004. С. 391—406) и публикации Т. А. Пахмусс: *Гиппиус З. Н. «О Бывшем»* (Возрождение. 1970. № 219—220; перепечатано: *Гиппиус З. Дневники: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 89—164*); «Страницы из прошлого: Переписка З. Н. Гиппиус, Д. В. Философова и близких к ним в „Главном”» (Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 70—114).

⁶ Ср. запись о сентябре—октябре 1902 года в «Материале к биографии»: «... вместе пытаемся мы (Белый и Э. К. Метнер) определить сущность того невыразимого состояния, которое для меня связано с „Христовым импульсом”; Метнер называет это чувство „христовством” в противоположность „христианству”».

⁷ К сожалению, специальной и претендующей на полноту работы, посвященной отношениям Белого и Мережковских, не существует. Большинство сведений об этом восходит к мемуарам Белого и З. Н. Гиппиус.

⁸ Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944, умер в Париже) — философ, богослов, экономист, критик, публицист, профессор догматики в Сергиевской академии (под Парижем).

⁹ Имеется в виду основанное В. Ф. Эрном и В. П. Свенцицким «Христианское братство борьбы», ближайшее участие в котором принимали также С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, А. С. Глинка-Волжский. Подробнее о нем см.: *Колеров М.* Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902—1909. СПб., 1996. С. 227—277.

¹⁰ Девятая часть доклада Иванова в его печатном виде («Две стихии в современном символизме») называется «Миф, хор и теургия». Она кончается известным лозунгом Иванова: «*a realibus ad realiora*» (Иванов В. Собр. соч. Т. II. С. 561).

¹¹ Имеется в виду статья Белого «О теургии» (Новый путь. 1903. № 9. С. 100—123).

¹² Ср. в письме Белого к Э. К. Метнеру от 25 июля 1903 года: «...маг как тип человека, стоящего ступенью ниже теурга, ибо теург — *белый маг* (...) Маг — заклинатель, манипулирующий до зоны хаоса, перед ней, наконец в самом хаосе, а *теург* — это маг, уже увидевший *просветы* или ушедший по ту сторону хаоса, во всяком случае хотя бы созерцанием *победивший хаос*» (Лит. наследство. 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 201).

¹³ Ср. запись об апреле—мае 1898 года в «Материале к биографии»: «Проносится передо мною ряд ослепительных картин ненаписанной драмы-мистерии „*Пришедший*” (т. е. Антихрист); вечером этого дня я записываю план сцен „мистерии”, а в ближайшие дни набрасываю сцену, которая впоследствии (в испорченном виде) была напечатана в сборнике 3-ем „*Северные Цветы*”. С той поры я часто ухожу на Воронухину гору, смотрю оттуда на весенние закаты; и думаю о грядущих судьбах человечества и искусства; в эти миги во мне начинает вынашиваться отчетливо моя линия будущей „*проповеди символизма*”; первый сдвиг от пессимизма чрез катастрофизм (конец мира) к религиозному символизму и христианству». Имеется в виду «*Пришедший*. Отрывок из ненаписанной мистерии» Белого (Северные цветы. 3-й альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903. С. 2—25). Еще один фрагмент, относящийся к тому же замыслу («*Пасть ночи*. Отрывок из задуманной мистерии»), был опубликован в журнале «*Золотое руно*» (1906. № 1. С. 62—71). Черновые фрагменты, сохранившиеся в архиве Белого («*Антихрист*. Конспект и детский набросок к ненаписанной мистерии»), опубликованы Даниэлой Рицци и сопровождаются ее развернутой вступительной статьей, посвященной анализу этого незавершенного замысла (см.: *Belyj Andrej. Antichrist / Ed. e comm. di Daniela Rizzi. Trento, 1990*). «Вороухина гора» в цитате — крутой спуск к Москва-реке близ Дорогомилковского моста, недалеко от квартиры Бугаевых на Арбате.

10

Иванов — Андрею Белому

9 апреля 1908 года. Петербург

Дорогой Борис Ник(олаевич), отвечаю тебе добросовестно и прямо на твои вопросы, за прямоту кот(ор)ых я тебе благодарен. Скажи: неужели нельзя произнести то, что считаешь правдой, без того чтобы она не была понята к(а)к нападение на тех, для кого она может быть неприятна? Без того, чтобы ее провозглашение не было принято за средство для достижения каких-то личных целей? Ведь правдивость всегда ценна сама по себе, и только извращение нашей правды, ее приспособление к мотивам эгоистической воли, тенденциозное обращение с нею для посторонних целей, к(а)к и всякая двусмысленность в ее исповедании, предосудительны. Относительно меня ты не вправе предполагать ничего подобного. Прежде всего, ты имеешь перед собой одно звено из целой цепи моих выступлений, начавшихся с возникновения «*Весов*». Ведь, когда в статье «*Поэт и чернь*» я сказал впервые о символе и мифе и об учителях-мифотворцах и о мифотворческой основе всенародного искусства,¹ я сказал уже то, что развил теперь. Этого напоминания о логической, более того — органической связи всей моей «*проповеди*» о искусстве достаточно, чтобы оправдаться перед теми, кто начали подозревать ее бескорыстие со вчерашнего дня.

Если ты осуждаешь меня за мою лекцию, то принужден осудить всю мою теоретическую деятельность с 1903 года или интерпретировать всю ее к(а)к некий хитрый план для достижения каких-то посторонних целей. Но какие цели личные можно было бы подозревать, я просто не вижу. Ты предполагаешь, что это «*выпад на Москву*». Но разве я провозгласил, что Петербург спасется, а Москва погибнет? И кого бы должен я был иметь, хотя бы только мысленно, в виду к(а)к художников, которым обеспечено спасение или которые спасаются? Я дал свой критерий различения между продуктами художественной деятельности, имеющими значение для решения проблемы религиозной и не имеющими такого значения. Вот и все.

Если, применяя этот критерий, мы найдем, что данное произведение не может по своей природе притязать на роль фактора в процессе религиозного творчества.

Личный мой интерес здесь не при чем. Я не веду никакой «политики» in republica litterarum. Я говорю от себя, а не от группы. Я не знаю, кто будет со мной и кто против меня, — как не знал этого и в эпоху «Кормчих Звезд»² и «Поэта и Черни». Если ты обвиняешь меня за «пророчествование», — я отклоняю это обвинение. Пророчествование не прекратилось и не прекратится. Нашу правду, наши прозрения мы должны отчасти исповедовать, отчасти умалчивать. Когда исповедовать и когда молчать, о чем говорить и о чем таить, — это мистик знает, и это предмет личной его ответственности. Самозванно он не должен провозглашать себя пророком, и Вл. Соловьев говорит, что враги, глумясь, назвали его пророком.³ Я не провозглашал себя пророком ни теургом; и если бы нечто пророчественное и теургическое было в моих словах, — знаю ли сам я, где и что, да и зачем мне знать? Оно не от меня, оно не мне принадлежит, оно — не личное. Не довлеет ли говорить свою правду, испытывать свою искренность, искать правды — и не искать определить себя или быть так или иначе определенным другими? Что же до умолчания о тайне, — верь мне, — больше молчу, нежели говорю. Но говорить также *должно*. И Христа исповедать должно. И христианином должно и быть, и именоваться. Различны в культе и в теориях истинные христиане, и все же все истинные, кто истинно знают и любят Христа. «Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, но Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же» (I Коринф. 12⁴). То, что ты говоришь о тайных своих переживаниях, есть дар «говорить языками». «Ты говоришь не людям, а Богу» (ib. 14, 2⁵). Но апостол больше желает, чтобы мы «пророчествовали» (ib. 14, 5) — и тем «назидали церковь».⁶ — Не знаю точно, о пришествии каких «магов» ты говоришь. Есть они, Борис, истинные Маги, и есть Теурги; но мир их не знает. Если же должно быть Откровение вскоре, как может прекратиться пророчествование?

Вячеслав.

Судя по всему, письмо отправлено не было. Мы печатаем контаминированный текст: до слов «притязать на роль фактора в процессе религиозного творчества» оно написано рукой М. М. Замятиной, видимо, под диктовку Иванова; далее (от слов: «Личный мой интерес здесь не при чем») — рукой самого Иванова. Вероятно, к нему же относится фрагмент, написанный рукой Замятиной и сохранившийся среди писем Белого к Иванову:

«.....
Мои слова — призыв к [нрзб.] проверке художника, призыв к действию, которое, собственно, еще и не началось, во всяком случае — не осознаю своих устремлений: имеющий уши слышать да слышит. Если декадентство хочет утвердиться в своем эмпиризме, пусть утверждает художественно; кто увидел *res*, пусть знает, что это зрение обязывает
.....

Я говорю о грядущем суде, а ты мне — о соврем(енной) критике и литерат(урных) потехах (?), я — о [нрзб.], а ты о московских и петерб(ургских) сенаклях» (РГБ. Ф. 109. Карт. 12. № 29. Л. 7).

¹ Ср. окончание статьи Иванова «Поэт и Чернь»: «Истинный символизм должен примирить Поэта и Чернь в большом, всенародном искусстве. Минует срок отъединения. Мы идем тропой символа к мифу. Большое искусство — искусство мифотворческое» (Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. I. С. 714; впервые: Весы. 1904. № 3. С. 1—8).

² Первый сборник стихотворений Иванова «Кормчие звезды» (СПб.: тип. А. С. Суворина, 1903) вышел поздней осенью 1902 года.

³ В стихотворении «Скромное пророчество» (1892) Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900), философ, богослов, поэт, критик, переводчик, публицист, писал: «Я в пророки возведен врагами, / На смех это дали мне прозвание, / Но пророк правдивый я пред вами, / И свершится скоро предсказанье» (Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. статья, сост. и прим. З. Г. Минц. Л., 1974. С. 93 (Библиотека поэта. Большая сер.)).

⁴ Цитируются стихи 4—6.

⁵ Ср.: «Ибо, кто говорит на *незнакомом* языке, тот говорит не людям, а Богу, потому что никто не понимает *его*, он тайны говорит духом» (1 Кор. 14: 2).

⁶ Ср.: «Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали, ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит языками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание» (1 Кор. 14: 5).

11

Андрей Белый — Иванову
30 декабря 1908 года. Москва

Отойдите от нас... Мир да будет между нами...¹

Дорогой и многоуважаемый Вячеслав Иванович,

пишу Тебе без всякого повода и после бывшей полемики, направленной против Тебя.² Ты, вероятно, удивлен: быть может, Ты негодуешь на мою смелость. А меня просто тянет сказать Тебе, что вот уже две недели, как я вдали, вдали... *опять* увидел Тебя сквозь мрачный туман, заволакивающий Твой образ для меня: Господь да прояснит мне Твой образ. Пусть будет между нами мир.

Странное время: друзья надели друг для друга личины; друзья — враги: бьются друг с другом. Может быть, это — испытание. Довольно, о, если б настала тишина! О, если б мы увидели друг друга! О, если б мир был между нами!

Я больше не могу... я не хочу вражды!.. Мне хочется Тебе улыбнуться без надежды увидеть ответную улыбку.

Я понимаю, что Ты не можешь меня любить.

Но кто бы Ты ни был — друг или враг, близкий или несуществующий, я говорю Тебе: Христос родился... С Новым Годом. Пусть все будет новое; и пусть в новом не будет того, что есть. Я заклинаю невидимого: «Оставь нас, не искушай — Христос родился...»

Вот нить с моей ёлки; я убирал мою ёлку три дня золотом с любовью и миром. Да протянется между нами золотая нить, если может она протянуться. Пусть скрепит она то между нами, что еще не очернено *ими*... Милая моя, тихая, одинокая ёлка; с любовью и грустью смотрю на нее и думаю: «если б душа моя горела светом любви, как эта елка». Вот и все.

Борис Бугаев.

Р. С. Я Тебе посылал «Пепел»:³ не знаю, получил ли Ты?

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 30.12.08. СПб. 1.1.09. Отправлено по адресу: С. Петербург. Его Высокородию Вячеславу Ивановичу Иванову. Таврическая № 25.

¹ Первая часть эпиграфа — парафраз евангельского: «...отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф. 7: 23) или: «отойдите от Меня, все делатели неправды» (Лк. 13: 27), вторая — формула, встречающаяся в разных религиозных (например, в «Молитве за Россию» православного Крестовоздвиженского братства: «Да будет мир и любовь между всеми нами») и оккультных текстах.

² Имеется в виду полемика о символизме. См. п. 9, прим. 1.

³ «Пепел. Стихи» (СПб.: Шиповник, 1909), второй сборник стихотворений Белого, вышел в начале декабря 1908 года.

12

Андрей Белый — Иванову

Начало марта 1909 года. Москва

Дорогой и глубоколюбимый Вячеслав!

Огромное спасибо за рецензию в «Кр<итическом> Обозрении».¹ Мне она очень, очень близка и чрезвычайно меня трогает. Теперь вот только вернулся из деревни; сидел в тишине и в уединении.² Часто, очень часто вспоминаю Тебя с любовью, близостью и нежностью. Буду скоро Тебе писать о нужном и важном.

А пока, прости за это деловое письмо.

Дело вот в чем; Ты знаешь, что есть публика Кружка³ и что там за народ. На реферате Городецкого опять разразился скандал.⁴ Меня не было, но я знаю подробности: С. А. Соколова Дирекция Кружка просила быть построже с Бурнакиным,⁵ не допускать его до безобразия. Он опять наскандалил; его остановил Соколов; поднялся скандал еще больший, чем при Тебе.⁶ Печать и провокаторы теперь травят Соколова гнусно;⁷ случайно на заседание Дирекции Кружка, разбиравшей инцидент, не пришла порядочная часть; явились еврейские провокаторы и лишили Соколова председательствования; говорили о том, что Мережковский и Ты (не говоря обо мне уже) вели себя в Кружке неприлично, а Бурнакин — выразитель заветных идеалов общества. Терпеть невозможно; *даже* оставляя в стороне С. А. Соколова (не Бог весть какого глубокого, но *порядочного*, во всяком случае), в его лице они делают гадости всем нам; говорят, что декадентов надо выгнать из общества и т. д.

Я считаю необходимым в видах корректности выразить сочувствие Соколову; уверен, что подпишется Брюсов, Мережковские, Философов, Зайцев; здесь уже есть подписи. Присылаю Тебе протест; если бы Ты собрал несколько подписей и прислал к субботе, чтобы напечатать в понедельник в газете,⁸ я буду очень благодарен Тебе (одновременно в Петербурге Мережковские получают такой же лист). Верни по адресу Соколова. Москва. Тверская. Казицкий (sic!) переулоч, д. Бахрушина, кв. 198. Сергею Ал(ексеевичу) Соколову.

Христос с Тобой, родной и близкий мне Вячеслав.

Остаюсь глубоколюбящий Тебя

Б. Бугаев.

Р. S. Сейчас иду за подписью Гершенсона (sic!),⁹ Булгакова, Каллаша,¹⁰ Эрнэ; подпишутся «Весы» и некоторые другие.

Прошу вернуть скорее по адресу Соколова (я уезжаю на несколько дней из Москвы¹¹).

Датируется по содержанию.

¹ М. О. Гершензон просил Иванова написать рецензию на «Пепел» в письме от 8 января 1909 года (РГБ. Ф. 109. Карт. 16. № 9). Рецензия Иванова была опубликована во втором (февральском) выпуске «Критического обозрения» за 1909 год (с. 44—48). Критико-библиографический журнал «Критическое обозрение» издавался в Москве в 1907—1909 годах (редактор-издательница Е. Н. Орлова, с вып. 6 (18) за 1908 год — Б. А. Кистяковский). М. О. Гершензон был в нем редактором одного из шести отделов — литературного.

² Белый вернулся из села Бобровка Тверской губернии (за Ржевом, станция Оленино Виндавской железной дороги), где находилось имение А. А. Рачинской, в самом конце февраля — начале марта 1909 года. Он выехал туда (вместе с А. С. Петровским) 20 февраля.

³ Имеется в виду Московский литературно-художественный кружок, действовавший с 1898 по 1919 год (помещался на Большой Дмитровке в доме Вострикова). См. о нем: *Розен-*

маль Е. И. Московский литературно-художественный кружок: Исторический очерк 1898—1918 гг. М., 2008 (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 173).

⁴ Речь идет о докладе С. М. Городецкого «Ближайшая задача русской литературы», состоявшемся в Литературно-художественном кружке 3 марта 1909 года. В обсуждении выступили М. Я. Шик и А. А. Бурнакин (см., например: Русские ведомости. 1909. 4 марта. № 51; Наша газета. 1909. 6 марта. № 53).

⁵ Бурнакин Анатолий Андреевич (?—1932, Белград) — критик, журналист, поэт; издатель альманахов «Белый камень». В. Я. Брюсов в рецензии на первый том «Белого камня» охарактеризовал его как «литературного хулигана» (Вакулин В. [Брюсов В.] Всем сестрам по серьгам // Вesy. 1908. № 1; Брюсов В. Среди стихов. С. 254—258). В мемуарных «Записках (1881—1916)» Бориса Садовского сообщается: «В Москве проживал молодой литератор Бурнакин. Нервный и беспокойный, он выступал на средах в Кружке и всякий раз со скандалом. Точно заноза в нем сидела» (Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1991. Т. I. С. 166; публ. С. В. Шумихина).

⁶ Имеется в виду «скандал в кружке на лекции В. Иванова» (Материал к биографии, январь 1909 года). С лекцией «О русской идее» Иванов выступил 27 января 1909 года в Московском литературно-художественном кружке. В ходе прений, как сообщалось в газетном репортаже, писатель Ф. Ф. Тищенко обвинил Белого в политической и этической беспринципности, Белый в ответ закричал: «Вы — подлец! Я оскорблю вас действием!» (Русское слово. 1909. 28 янв. № 22). См. также: Между двух революций. С. 233—234. Подробное изложение инцидента с привлечением документальных материалов см.: Богомолов Н. А. История одного литературного скандала // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 239—254; существенные добавления см.: Кобринский А. Несколько штрихов к пребыванию Вяч. Иванова в Москве в январе—феврале 1909 года // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 155—163.

⁷ Вероятно, непосредственным поводом для протеста послужила заметка в крупнейшей московской газете: «Ставший „известным“ по скандалу на лекции г. Городецкого г. Соколов вчера сидел уже около председателяского кресла. Председателем был Н. Н. Важенев. На днях г. Соколов получил по своим заслугам в дирекции кружка. Директоры указали ему на всю не тактичность его поступков на лекции г. Городецкого и вообще на его „дурное поведение“ в тот вечер» ([Б. п.] В Литературно-художественном кружке // Русское слово. 1909. 11 марта. № 57).

⁸ См. письмо самого Соколова к Ф. Сологубу:

11 марта, 909

Дорогой Федор Кузьмич!

В этом сезоне мне пришлось председательствовать почти на всех «вторниках» Литературно-Художественного Кружка и в качестве председателя не раз одерживать (sic!) различных хулиганов, выступавших с скандальной руганью против «декадентов», — хулиганов вроде всемирно-известного А. Бурнакина («Белый Камень»).

После «вторника» 3 марта, когда я лишил слова Бурнакина, дикая часть публики устроила скандал и мне пришлось прикрыть заседание.

Теперь газетчики в течение целой недели ежедневно поливают меня самыми гнусными помоями. Конечно, я являюсь в этом случае лишь символом, — целая через мою голову. Теперь готовится в мою защиту коллективный литературный протест. Его содержание таково: «Выражая резкое осуждение той травле, которая ведется последнее время в части московской прессы по адресу С. А. Соколова (С. Кречетова) как председателя многих „вторников“ Московского Литературно-Художественного Кружка, мы считаем нужным изъяснить открыто С. Кречетову наше совершенное сочувствие».

Собираются подписи в Москве и в Петербурге. Белый писал В. Иванову и Мережковским. Помня, как хорошо Вы всегда относились ко мне, позволяю себе обратиться к Вам лично. Черкните, можно ли поставить Ваше имя под протестом.

Печатать придется в 2 понедельничных газетах («Русское Слово» — против). Сдавать в печать надо в субботу, 14.

Потому очень прошу, ответьте короткой телеграммой: Москва Козицкий д. Бахрушина, 198. Соколову. Согласен или несогласен. Сологуб. Попросите Анастасию Николаевну присоединить свое имя.

Я отнюдь не пожелал бы беспокоить Вас зря. Но в Москве кружковские «вторники» — фактор заметный и общественно видный. Оставить газетную травлю без реагирования значило бы заставить Москву думать, что «декаденты» совсем разгромлены, раз не могут вступить за председателя «вторников», повинного лишь в том, что он не допускал нецензурного способа изругивать представителей Нового Искусства.

Жму руку. Жду ответа.

Привет мой Анастасии Николаевне.

Лида шлет обним свой привет.

Вас любящий

Гриф.

Все москвичи подписи дают.

Дадут, несомненно, и некоторые петербуржцы (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 636. Л. 38—38). Текст протеста см.: Письмо в редакцию // Руль. 1909. 16 марта. № 162. Его подписали: Федор Сологуб, Андрей Белый, А. Ремизов, Сергей Соловьев, Эллис, Ю. Валтрушайтис, М. Ликиардопуло, Борис Садовский, А. Кондратьев, Нина Петровская, М. Шик, Н. А. Попов, прив.-доц. А. О. Бачинский, Г. Г. Шпетт, А. Чеботаревская, Alexander (А. Я. Брюсов), Сергей Городецкий, Борис Зайцев, Георгий Чулков, прив.-доц. С. Шамбинаго, прив.-доц. А. Боровой, Г. Тастевен, Василий Милиоти, А. Тимофеев, П. К. Иванов, В. Ходасевич, Одинокий (А. И. Тиняков), Е. Янтарев. Отметим, что среди подписавших нет ни В. Я. Брюсова, ни редакции журнала «Весы».

⁹ Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк русской литературы и общественной мысли, публицист, философ, переводчик. См.: Переписка Андрея Белого и М. О. Гершензона / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада // In Memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 231—276.

¹⁰ Каллаш Владимир Владимирович (1866—1919) — литературовед, библиограф.

¹¹ В середине марта 1909 года Белый ездил в Киев, где 14 марта читал публичную лекцию «Современность и Пшибышевский» в театре Медведева.

13

Андрей Белый — Иванову

Конец марта 1909 года. Москва

Дорогой и глубокоуважаемый Вячеслав!

Как хорошо, если б Ты прислал нам в «Весы» какую-нибудь из своих статей или написал бы что-нибудь для «Весов».¹ Мы все были бы очень рады.

Эллис² поздравляет Тебя с праздником³ и просит передать привет.

Твой Борис Бугаев.

Р. С. Прости, еще никому не выслал «Урны».⁴ Соколов уехал в Крым:⁵ жду экземпляров.

Вере Константиновне⁶ привет.

Открытка, отправленная по адресу: *С.-Петербург. Вячеславу Ивановичу Иванову. Таврическая 25.*

¹ В 1909 году Иванов печатался в «Золотом руне» и «Аполлоне», а не в «Весах».

² Эллис (наст. имя Лев Львович Кобылинский; 1879—1947, умер в Локарно) — поэт, переводчик, критик.

³ В 1909 году Пасха приходилась на 29 марта.

⁴ «Урна», третья книга стихов Белого, вышла в издательстве «Гриф» в конце марта 1909 года.

⁵ С. А. Соколов был в Крыму в компании Б. К. и В. А. Зайцевых. См. об этом: Из дневников Лидии Рындиной // Богомолот Н. А. Вокруг «серебряного века». М., 2010. С. 391.

⁶ Шварсалон Вера Константиновна (1889—1920) — дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака, впоследствии — третья жена Иванова.

14

Андрей Белый — Иванову

30 марта 1909 года. Москва

Дорогой, любимый мной Вячеслав!

Христос воскрес! Прими эти несколько слов не как письмо, а как привет, как несколько дружеских слов, как знак того, что постоянно ощущаю реальную связь между нами; те слова, которые Ты мне сказал, свято помню,

верю Тебе; мне радостно теперь, что во мне нет уже ни одного облака против Тебя, что уверен в Тебе до конца, что пути наши — вместе, что мы — об одном; *это* я помню; хотелось бы *так* Тебя видеть, быть с Тобой (мне Бог знает как надо с Тобой говорить, чтобы условиться; о *чем*, Ты сам понимаешь; во внешнем чувствую, я должен идти вместе с Тобой, не нарушая нашей гармонии с Мережковскими;¹ мы теперь должны образовать одну крепость, *одно*. Милый, помни обо мне; помолись за меня; будем вместе. Христос с Тобой, дорогой мой Вячеслав.

Любящий Тебя

Борис Бугаев.

Москва. 30 марта 09.

Отправлено на Таврическую 25. Почтовые штемпели: <Москва.> 31.<3>.<09>. СПб. 1.IV.09.

¹ Упоминание Мережковских, видимо, связано с их обидой на Белого: он, как обычно в Петербурге, остановился у Мережковских, однако после лекции «Настоящее и будущее русской литературы» 17 января его увез к себе Иванов, и Белый прожил у него на «башне» несколько дней. Подробнее об этом см.: Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 71—73.

15

Андрей Белый — Иванову

Май 1909 года. Дедово

Дорогой, глубоколюбимый Вячеслав,

пора — пора:

время не терпит; нам с Тобой надо видиться — пришла пора действовать.

Пусть Анна Рудольфовна¹ Тебе передаст, что слова мои не грезы, не нервы, а твердая уверенность: имею Тебе сказать очень *многое и очень важное*.

С того разговора у Тебя² я все ждал Тебя — на расстоянии ждал; ждал — будет весть, будет знак; ни вести, ни знака не было.

Ну так я Тебя зову: помни, что если пройдет время, если будет упущено то, что мы двое или *трое* должны сказать друг другу (а потом от этого разговора многое может начаться) — будет поздно...

Жду Тебя для одного разговора втроем (Ты, Анна Рудольфовна, я): *и жду год*.

А потом — потом все станет труднее; дается помощь теперь, легче, если теперь — *что?*....

Если Анна Рудольфовна сочтет нужным передать разговор наш, Ты узнаешь, в чем дело. Нужен союз, обет, клятва молчания и *знак*: враги подступают. То, другое, третье и четвертое условие, чтобы *братья света и чаяния* — *были*; и чтобы тайно братья света сторожили святыню: и на страже братья света, как воины: *братья воины*.

Чтобы пришла благодать и освятила мечи, чтобы братья стали и *рыцарями*...

Для всего этого нужно, чтобы Ты и я встретились. А может быть (еще лучше), чтобы мы встретились в присутствии Анны Рудольфовны.

Нужно не единой волей, не одним устремлением, а устремлением трех решить, что делать (у меня есть предложение³).

Итак?...

Христос с Тобой, любимый брат.

Борис.

Р. С. Мой адрес до 6-го июня. По Никол(аевской) жел(езной) дороге. Станция Крюково, сельцо Дедово, имение А. Г. Коваленской. Мне. С 10-го до 20. Москва. Арбат. Никольский пер., д. Новикова, кв. 7.

Датируется по содержанию.

¹ Ср.: «Очень важная встреча с Минцловой; ряд очень ответственных и важных разговоров о „коллективе”» (Ракурс к дневнику, май 1909 года); «Встреча с Минцловой. Еду в Дедово» (Материал к биографии, май 1909). Минцлова Анна Рудольфовна (1866—1910?) — видная оккультистка, деятельница теософского движения, переводчица, состоявшая в близкой дружбе с Ивановым на протяжении долгого времени. Подробно о ней см.: *Богомоллов Н. А. Anna-Rudolph // Богомоллов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 23—110.*

² Скорее всего, имеется в виду разговор с Ивановым в присутствии Минцловой в январе 1909 года в Петербурге (см. п. 14, прим. 1). Менее вероятно, что речь идет о встрече в Москве в январе 1909 года, когда Иванов приехал туда читать лекцию «О русской идее» (см. п. 12, прим. 6).

³ Подразумевается замысел «мистического треугольника» Иванов — Белый — Минцлова. См. запись о феврале 1910 года: «Жизнь в квартире у Иванова: всяческая деятельность (Петербург(ургское) Рел(игиозно)-фил(ософское) О(бщест)во, «О(бщест)во Ревнителеев Худ(ожественного) Слова»), дебаты о символизме: но — главное контрапункт разговоров на тему о братстве с Минцловой и другими, подходящими к ней: 1) я + Минцлова, 2) я + Иванов (о теме Розы и Креста), 3) я + Минцлова + Иванов — наш „мистический треугольник”, в который я всунут насильно Минцловой с чувством отрыва от московского коллектива; 4) (Минцлова + Иванов + я) + Метнер, приехавший в Петербург и договаривающийся с Ивановым; его дружба с Сабашниковой, 5) „Метнер + я” — о Минцловой, Иванове, Сабашниковой» (Материал к биографии). Подробнее об этом см.: *Carlson M. Ivanov — Belyj — Minclova: The Mystical Triangle. P. 61—79; Богомоллов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 71—101.*

16

Иванов — Андрею Белому

21 июля 1909 года. Петербург

Милый брат, я услышал твое слово, ответить ему не словами можно. С тобой любовь моя и радость моя. Вячеслав.

И. С. М.¹

21 июля 1909.

¹ Смысл этого сокращения остается непонятным.

17

Андрей Белый — Иванову

3 ноября 1909 года. Москва

Христос с Тобой!

Жду видеть. Может быть, буду до Рождества.¹ Конечно, есть и дела. Но есть и просто желание Тебя видеть; ну, просто улыбнуться Тебе.

Любящий Тебя

Борис Бугаев.

P. S. Спасибо за телеграмму.²

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 3.11.09. СПб. 4.XI.09.

¹ Белый приехал в Петербург только в конце января 1910 года.² Телеграмма до нас не дошла.

18

Андрей Белый — Иванову

14 ноября 1909 года. Москва

Вячеслав, милый!

Я никогда никому не пишу. Я боюсь писем. Я знаю только одно: когда меня тянет сказать кому-либо несколько слов, это значит, что тут неспроста.

И вот я пишу Тебе бессловесное письмо: всего несколько слов.

Знай, Вячеслав, что Ты — единственный, с кем я когда-нибудь могу делиться будущим.

Я знаю: мы — заговорщики: в чем — покажет будущее. Знай, живое чувство у меня только к Тебе.

Я — Твой ближайший друг в самом интимном. Прости, что я Тебе так бесвязно пишу.

Помни, не забудь, не отдайся внешнему.

Более, чем за кого-нибудь, я боюсь за Тебя, и более, чем к кому-нибудь, я тянусь к Тебе.

Хочу Тебе верить.

Любящий Тебя

Борис Бугаев.

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 14.11.09. СПб. 15.XI.09. Отправлено по адресу с перепутанными номерами дома и квартиры: Таврическая 24, кв. 25.

19

А. Р. Минцлова, Андрей Белый и А. С. Петровский — Иванову

7 апреля 1910 года. Бобровка

Бобровка¹

7. IV. 1910

Милый, любимый мой Вячеслав, пишу Вам уже из Бобровки. Я здесь два дня уже — и чувствую себя *так* отдохнувшей и счастливой, точно я и не уставала никогда — завтра в ночь я уеду отсюда. Но мне кажется, я никогда в жизни не чувствовала себя так свободной и счастливой, как здесь — — Совершенно пустой дом, старинный, где каждая вещь имеет *свою*, личную жизнь и биографию, и потому не касается *никого* и ничего — — — письменные столы, где сохранились яркие, четкие оттиски страданий и порывов 50-х годов 19-го столетия — зеркала, помертвевшие от неоправданного страдания, [1 слово залито кляксой] шкафы, ⟨?⟩ где задавлены какие-то стиснутые вопли — — — этот дом — дивно прекрасен — — и в нем, здесь, я

встретила *только* тех, кто близок и дорог мне — — — *Все* как-то странно сомкнулось в прекрасный, зачарованный круг — здесь я встретила *только* А. Белого, Петровского, Сизова² — — — Я встретила *только* помощь, поддержку и силу, за которые не знаю слов, чтобы благодарить их всех — завтра я еду (через Москву, т(ак) к(ак) этот путь менее сложен и труден, чем прямо отсюда, через *Ржев* в Петербург) — — Думаю быть в Петербурге в Вербное Воскресенье 11-го Апреля утром — — Радуюсь увидеть Вас и люблю Вас бесконечно. А. Р. М.

Милый Вячеслав, посылаю Тебе привет из Бобровки. Здесь мы часто говорим о Тебе. Христос с Тобой. Посылаю Тебе улыбку. С нами Анна Рудольфовна; с ней радостно и хорошо.

Любящий Тебя крепко

Борис Бугаев.

Милый Вячеслав Иванович. Соперничать с А. Р. и Б. Н. я мог бы, пожалуй, только молчанием — и ему передаю свое слово. Да будет оно красноречиво.

Любящий Вас А. Петровский.

Милый Вячеслав, все мы Тебя целуем. Анна Рудольфовна здорова и весела. Всем Твоим привет. Любящий Тебя нежно

Б. Бугаев.

Конверт с адресом: Петербург. Таврическая 25, кв. 24. ЕВВ. Вячеславу Ивановичу Иванову. Почтовые штампы: Оленино Твер(ской губернии) 8.4.10. С. Петербург Мск. 9-IV.10.

¹ См. п. 12, прим. 2.

² Белый и Петровский уехали в Бобровку в самом начале апреля (не в конце марта) 1910 года. Петровский Алексей Сергеевич (1881—1958) — ближайший друг Белого, его однокурсник. Сизов Михаил Иванович (1884—1956) — друг Белого, впоследствии антрополог. См. письмо Минцловой к Белому, написанное перед его отъездом: *Глухова Е. В.* Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме // Русская антропологическая школа. Труды. М., 2007. Вып. 4. Ч. 2. С. 265.

20

Андрей Белый — Иванову и А. Р. Минцловой

Вторая половина (18—19?) апреля 1910 года. Бобровка

Милая, милая Анна Рудольфовна,

принимаю.

Рад был получить Ваше письмо;¹ сейчас уезжаем; Христос воскрес! Жду в Москве.

Любящий Б. Бугаев.

Р. С. Милый, горячолюбимый Вячеслав,
Христос воскрес!
Любящий Тебя нежно

Борис Бугаев.

Р. Р. S. Всех Твоих поздравляю сердечно.
 Михаилу Алексеевичу² привет и поздравление с Праздником.
 Р. Р. P. S. А(лексей) С(ергеевич)³ горячо присоединяется ко мне.
 Поздравляет Анну Рудольфовну и Вячеслава.

Датируется по содержанию. Пасха в 1910 году приходилась на 18 апреля.

¹ Имеется в виду письмо от 13 апреля 1910 года (см.: Глухова Е. В. Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме. С. 266—268). Следующее письмо, от 16 апреля (Там же. С. 269—270), было послано уже в Москву.

² Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936) — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, композитор; в это время жил на «башне» у Иванова.

³ Петровский.

21

Андрей Белый — Иванову
 Конец мая 1910 года. Москва

Дорогой, милый Вячеслав,

ради Бога прости Эллиса; я только вчера узнал, что этот сумасшедший человек, нервно расстроенный сейчас и бомбардирующий меня ругательными письмами, и Тебе написал письмо в припадке какого-то запойного неистовства.¹ У пьяницы бывает запой; у Эллиса раз в шесть месяцев (обыкновенно весной) случается нервный припадок; что же мне делать; сейчас он и меня осыпает оскорблениями, кричит, что «Голубь»² есть некультурное явление, безобразие; что с ним делать?

Милый, умоляю Тебя, не соедини неистовство Эллиса с нашим (моим в особенности) уважением и любовью к Тебе.

Думаю, что Ты поймешь и сам: «Мусагет»³ не при чем в этих письмах. Ждем Твоих книг; очень, очень ждем.⁴ Это — в плане дел.

В плане же моего личного отношения к Тебе: люблю Тебя, обнимаю, милый брат мой; судьба моей личной жизни на время меня заставляет пройти испытание землей, и оттого-то я не буду с Тобой — *там*.⁵

Христос с Тобой, брат мой.

Любящий Тебя

Борис.

Летний адрес (я уже завтра еду). Клин. Николаевская жел(езная) дорога. Село Демьяново. Имение В. И. Танеева. Дача № 3.

Датируется по содержанию: Белый уехал в Демьяново в «последних числах» мая 1910 года (Материал к биографии).

¹ Имеются в виду письма Эллиса к Иванову от 14 и 17 мая 1910 года. Они опубликованы в статье Н. А. Богомолова «Из разысканий к истории дискуссии о символизме 1910 года» (*Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова*. С. 92—96). За поведение Эллиса перед Ивановым извинялись, помимо Белого, Г. А. Рачинский (Там же. С. 91) и А. С. Петровский. Последний общал Иванову 23 мая 1910 года: «Милый Вячеслав Иванов(ич). Давно хочу Вам написать, что все, что Эллис творит, он творит в собственную голову, а ссылаться на единомыслие с ним всех — прием не из самых храбрых, потому что единомысленники о нем нередко и не подозревают. Так было в данном случае и это не первый» (РГБ. Ф. 109. Карт. 32. № 98. Л. 1—1 об.).

² Роман Белого «Серебряный голубь» публиковался в «Весах» в течение 1909 года (№ 3, 4, 6, 7, 10/11 и 12). Он вышел в свет отдельным изданием во второй половине мая 1910 года (М.: Скорпион, 1910). Печатных отзывов Эллиса такого рода нам отыскать не удалось. См. его оценку: «Сочетание внешних изображений быта с мистической тенденцией автора — главная задача и центральное значение всего этого глубоко художественного и самобытного по внешней форме произведения...» (Эллис. Русские символисты. М., 1910. С. 314).

³ См. запись о сентябре 1909 года в «Ракурсе к дневнику»: «1) Прения о том, быть ли журналу или издательству. 2) Прения о журнале или издательстве: решено — издательство „Мусагет“. 3) Организационное заседание издательства „Мусагет“ (...). 5) Организационное заседание издательства „Мусагет“. (...) 7) Организационное заседание издательства „Мусагет“. (...) Месяц выработки платформы „Мусагет—Орфей—Логос“. Знакомство с Гессеном и Степнуном; ряд бесед о „Логосе“. Приезд Метнера; знакомлю его с „Логосами“; „Логос“ — решен. В организационных заседаниях Мусагета участвовали: Эллис, Петровский, Сизов, Киселев, Рачинский, Э. К. Метнер, Я. Кожебаткин, Ахрамович, Степун, Гессен, Нилендер». Подразумевается тройственная структура «Мусагета», предполагавшая распределение книгоиздательской и организационной деятельности по трем руслам: собственно «Мусагет» (основное направление издательства с широкими культурологическими установками), серия «Орфей» (религиозно-мистическое направление), «Логос» (философское направление, манифестировавшее себя выпуском в свет одноименного международного журнала по философии культуры). Основанное в Москве Э. К. Метнером при ближайшем участии Андрея Белого и Эллиса издательство «Мусагет» начало свою финансовую деятельность с 1 октября 1909 года (см.: Толстых Г. А. Издательство «Мусагет» // Книга. Исследования и материалы. М., 1988. Сб. LVI. С. 117; Безродный М. В. 1) Издательство «Мусагет»: групповой портрет на фоне модернизма // Русская литература. 1998. № 2. С. 119—131; 2) Издательство «Мусагет» // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. научных трудов. СПб., 2004. Вып. 12. С. 40—56). Первым изданием «Мусагета» стал сборник Сергея Соловьева «Апрель. Вторая книга стихов. 1906—1909», вышедший в свет в конце февраля — начале марта 1910 года.

⁴ В разное время Иванов обещал «Мусагету» книгу «Эллинская религия страдающего бога», сборник переводов «Лира Новалиса» (см. следующее письмо) и книгу статей «Борозды и межи». Из них была издана только последняя, причем значительно позже, в 1916 году.

⁵ Подразумевается какое-то из мистических предприятий того времени; возможно, инспирированная Минцловой поездка в Италию для встречи с «великими посвященными». Белый в это время решительно порывает с Минцловой и ее «сказками».

22

Андрей Белый — Иванову

18 июня 1910 года. Москва

Дорогой Вячеслав,

я проездом в Москве. Здесь, в Мусагете, на Тебя очень жалуются: ждут 1) Лиру «Новалиса», 2) «Религию Страдающего Бога».¹ Прими во внимание, что Изд(атель)ству очень важно выпустить книги «осенью» (т. е. в конце августа): это важно и для автора. Осенью книги идут. Мы, имея в виду эти книги, отложили другие, рассчитывая на Тебя, а Ты нас... забыл. Я прошу Тебя от имени Редакции и от своего лично дать хотя бы краткую весть А. М. Кожебаткину² о том, в каком положении книги. Далее: Александр Мелетьевич просит передать Тебе следующее: 1) Написаны ли комментарии (нельзя ли поспешить); когда Ты рассчитываешь, что она будет готова у Тебя.³ 2) Непременно нужно иметь от Тебя отпечатанные листы этой книги. 3) Где будет доканчиваться печатание (это нужно *решить сейчас, теперь*). 4) Когда Ты вышлешь рукопись Новалиса. 5) 15 июля А. Н. Чеботаревской обещана вся рукопись Бальзака; очень желательно Твое предисловие; когда Редакция будет иметь его.⁴ 6) Ввиду того, что мы выпускаем проспект, где по поводу каждой печатаемой книги дается краткое резюме содержания, я составил резюме об обеих книгах, имея в виду, что от Тебя долго не будет ответа; если бы Ты сам захотел резюмировать (шаблон для резюме у нас не более 15 строк печатных), то, конечно, было бы желательнее иметь Твои резюме

ме. Но последний срок — начало июля (1, 2, 3); если не получим от Тебя, в проспекте идут мои резюме.⁵

По поводу этих пунктов хотя бы краткое извещение «издательству» необходимо.

Еще раз лично умоляю Тебя скорей известить Редакцию.

Лично целую Тебя, люблю и с трепетом думаю о... многом.
Христос с Тобой. Любящий Тебя

Б. Бугаев.

P. S. Мой летний адрес: Никол(аевская) жел(езная) дорога. Станция Клин. Имение Танеева (село Демьяново). Дача № 3. Мне.

На днях еду на юг России в Волынскую губернию,⁶ оттуда проеду к Н. А. Бердяеву,⁷ далее — к Рачинскому;⁸ к концу июля водворяюсь снова под Клином.⁹ Мой привет и уважение Вере Константиновне и Марье Михайловне.¹⁰

Письмо на почтовой бумаге издательства «Мусaget». Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 18.6.10. СПб. 19.VI.10. Отправлено заказным на Таврическую 25, кв. 24. См. также: «В конце месяца (июня) еду через Москву в Боголюбь» (Ракурс к дневнику).

К письму приложены аннотации Белого к двум книгам Иванова с правкой синим карандашом. Почерк автора правки нам неизвестен. Она выделена полужирным шрифтом. Зачеркнутые слова приведены в квадратных скобках.

Вячеслав Иванов. Эллинская религия страдающего Бога.

Опыт религиозно-исторической характеристики. (Выйдет в августе 1910 г.)

Автор анализирует структуру религиозно-мистических учений, связанных с культом Диониса в Греции; с одной стороны, он прослеживает генезис этих культов; с другой стороны, устанавливает отношение между дионисиизмом, орфизмом и элевзинскими мистериями; кроме того: анализируется самая подпочва дионисических культов Греции как общая основа всякого религиозного творчества; расширяя и обобщая мистику дионисических культов, автор связывает просветленное понимание греческих мистерий с христианством; Дионис оказывается символом страдающего Бога; психология религиозного творчества Греции сталкивается с психологией религиозного творчества в христианстве. В выводах своих автор приходит к оригинальному освещению культуры древней Греции; в исходных точках своих он близок к Ницше. Выводы автора вытекают из своеобразной группировки подробностей дионисических культов, как эти подробности дошли до нас в литературе, в изображениях на вазах и т. д.; в одной из глав дается характеристика филологических, исторических и лингвистических исследований о греческих **культгах**. К книге будут приложены комментарии автора.

Новалис. Лира Новалиса в переложении Вячеслава Иванова
(выйдет в августе 1910 г.)

Интерес к Новалису как одному из талантливейших представителей романтизма обусловлен двояко; малоизвестные доселе у нас представители романтизма находятся в связи с наиболее интересными течениями в современном искусстве; современные символисты являются во многом лишь продолжателями романтиков; лира Новалиса поэтому особенно нам близка; с другой стороны, в поэзии Новалиса, глубоко народной, звучат мотивы, общие у виднейших мистиков; в настоящую минуту проснулся интерес к этим мистикам; в Новалисе соединяется огромный поэтический дар с глубоко и сильно подчеркнутым **интимным религиозным [моментом] пафосом**. В издание войдут между прочим «*Духовные [песни] стихи*» и «*Гимны к ночи*»; некоторые из «*духовных [песен] стихов*» в Германии давно уже поются народом.

¹ Хотя в «Каталоге книг книгоиздательства „Мусaget“», помещенном в конце первого выпуска журнала «Труды и дни» (1912), «Эллинская религия страдающего бога» значится с пометой «Печатается», а «Лира Новалиса» с пометой «Готовится», они не были изданы. Иванов записал в дневнике 23 августа 1909 года: «Новалис в сущности окончен (остается только маленькое стихотворение: Надпись на воротах кладбища). Пора кончать: я стал работать небрежно, произвольно, без стиля» (Иванов В. Собр. соч. Т. II. С. 794). Тем не менее переводы из Новалиса («Лира Новалиса») были опубликованы лишь в 1987 году в четвертом томе брюссельского собрания сочинений Иванова (с. 181—251). Книга «Эллинская религия страдающего бога» отдельным изданием в свет не вышла, а позже привела к созданию исследования Иванова «Дионис и

традионисийство» (Баку, 1923). См. также: Из предыстории «Лиры Новалиса» Вяч. Иванова // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 203—210.

² Кожебаткин Александр Мелетьевич (1884—1942) — издательский работник, библиофил; секретарь редакции издательства «Мусагет» в 1910—1912 годах, владелец издательства «Альциона». Переписка Белого с ним опубликована: «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!». Письма Андрея Белого к А. М. Кожебаткину / Предисловие, публ. и комм. Дж. Малмстада // Лица. Биографический альманах. СПб., 2004. Вып. 10. С. 127—176.

³ Речь идет о книге «Эллинская религия страдающего бога». Комментарии к ней Ивановым так и не были завершены.

⁴ Первый русский перевод мистического «сведенборгианского» романа Оноре де Бальзака «Серафита» («Séraphita», 1834—1835) готовился Александрой Николаевной Чеботаревской (1869—1925), переводчицей, сестрой Анастасии Николаевны Чеботаревской и близким другом семейства Ивановых (ее прозвище в их доме — Кассандра). Книгу планировалось выпустить в серии «Орфей» издательства «Мусагет», и «в объявлении о готовящихся изданиях, помещенном в конце книги Белого „Символизм“ (1910), значилось: „Бальзак. Серафита. Пер. Ал. Чеботаревской. Вступительная статья Вячеслава Иванова. (Выйдет в августе 1910 г.)“. {...} однако работа над переводом не была завершена — возможно, отчасти и потому, что руководителю „Мусагета“ Э. К. Метнеру роман Бальзака не показался интересным и в силу этого продвижение перевода со стороны издательства не было стимулировано» (Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 248).

⁵ Эти «резюме» (Белый пишет слово с «э» на конце) см. выше. Видимо, Иванов никак не отреагировал на их присылку, так как через полгода, в письме от 11 января 1911 года, Э. К. Метнер спрашивал его: «...если Вам не понравятся прилагаемые при сем заметки о Ваших книгах Бугаева, то не напишете ли Вы сами; эти заметки будут тоже напечатаны в проспекте, но уже без подписи, так что Вы можете, если не хотите писать сами, исправить по Вашему усмотрению бугаевские» (В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров / Вступ. статья, подг. текста и прим. В. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 324). В «Каталоге издательства „Мусагет“ (1910—1912)», помеченном мартом 1912 года (Труды и дни. 1912. № 1), эти аннотации опубликованы не были.

⁶ «С первых чисел еду через Киев в Луцк, к Кампиони, где встречаюсь с Асей Тургеневой и где окончательно выreshается наша судьба» (Материал к биографии, июль 1910 года). В Боголюбях (Вольнской губ., под Луцком) было имение В. К. Кампиони и С. Н. Кампиони, матери первой жены Белого, художницы Анны Алексеевны Тургеневой (1890—1966; домашнее имя Ася; в дальнейшем мы будем именовать ее так). Отчим Аси Тургеневой В. К. Кампиони служил в этой местности лесничим.

⁷ Имение родителей жены философа и публициста Николая Александровича Бердяева (1874—1948, умер в Клараме под Парижем) находилось недалеко от станции Люботин под Харьковом. Отметим, что в то лето туда заезжала А. Р. Минцлова.

⁸ Речь идет об имении Бобровка (см. п. 12, прим. 2), хозяином которого Белый считал Григория Алексеевича Рачинского (1859—1939), литератора, переводчика, философа, председателя Московского религиозно-философского общества памяти Вл. С. Соловьева, хотя формально оно принадлежало его родственникам.

⁹ Ни у Бердяева, ни у Рачинского Белый не был, а оставался в Боголюбях весь июль и начало августа, когда вернулся в Москву и оттуда в Демьяново.

¹⁰ Замятнина Мария Михайловна (1862—1919) — близкий друг и многолетняя домоправительница, фактически член семьи Ивановых. См. о ней: *Богомолов Н. А. Русские символисты глазами постороннего* // Богомолов. С. 10—56.

23

Андрей Белый — Иванову

Ранняя осень 1910 года. Москва

Дорогой, любимый, милый Вячеслав!

Целую Тебя. Хотел бы видеть. Скоро уезжаю за границу — *просто*.¹ Верю Тебе. Свершилось то, о чем мы с Тобой говорили когда-то. А. А. Блок и я примирились.² Теперь я ближе, еще ближе к мысли о трех нас — в литературе по крайней мере. Ты, он, я — будем же вместе.³

Анна Рудольфовна уехала — сказала, что навсегда; не знаю, куда; сказала — нас не забудет.⁴ Держимся близко.

Любящий Тебя нежно твой брат

Борис Бугаев.

Датируется по содержанию. Написано на бланке издательства «Мусaget».

¹ Белый и Ася Тургенева отбыли из Москвы в заграничное путешествие не «скоро», а только 26 ноября / 9 декабря 1910 года. Дважды подчеркнутое слово «просто» явно намекает на отказ от оккультных исканий во время этого путешествия.

² См. недатированное письмо Белого к Блоку (конец августа — начало сентября) и ответное письмо от 6 сентября 1910 года (Переписка. С. 367—369). Поводом к их примирению послужила публикация связанных между собой статей Иванова и Блока («Заветы символизма» и «О современном состоянии русского символизма»).

³ Здесь в первый раз в переписке сформулирована идея единства трех поэтов, получившая впоследствии развитие в виде замысла «журнала трех поэтов». Он реализовался лишь отчасти в виде журнала «Труды и дни издательства „Мусaget“». Подробнее об этом см.: Лавров А. В. «Труды и Дни» // Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. С. 497—514.

⁴ См. запись об августе 1910 года в «Материале к биографии»: «С некоторым недоумением еду в Москву, где с места в карьер сваливается тяжелая проблема „исчезновения“ Минцловой, с которой с неделю мы возимся с М. И. Сизовым. Она — исчезает, дав мне кольцо и лозунг и обещав, что *кто-то* к нам придет в сентябре 11 года». 17 августа 1910 года Минцлова выехала из Москвы в Петербург, на вокзале ее провожали Белый, М. И. Сизов, Эллис, В. О. Нилендер и М. В. Сабашникова. После этого никто из знакомых Минцлову больше не видел. Никаких достоверных сведений о ее дальнейшей судьбе нет. См. также: Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 105—107; письмо А. С. Петровского к Иванову от 4/17 сентября 1910 года (Андрей Белый. Алексей Петровский. Переписка 1902—1932. С. 37). Последнее из сохранившихся писем Минцловой (к М. И. Сизову от 18 августа 1910 года) см.: Серков А. И. Предисловие // Киселев Н. П. Из истории русского роzenкрейцерства. СПб., 2005. С. 31—33.

24

Андрей Белый — Иванову

25 декабря (н. ст.) 1910 года. Монреаль

Милый, любимый Вячеслав! Пишу из Монреаля,¹ старого городка, где старинный собор 12 века совсем Византийский² и полуразрушенный, бенедиктинский монастырь³ (см. на обороте). Я не один; я спокоен и счастлив. Тихо, уединенно, немного грозно. Люблю, помню, знаю, что связан; напиши хоть два слова. Адрес: Italia, Sicilia, Monreale. Ristorante Savoia.⁴ Мне. Христос с Тобой.

Б. Бугаев.

Открытка с видом: Monreale — Convento dei Benedettini — Loggetta e Fontane del Chiostro; secolo XII. Датируется по почтовому штемпелю: Monreale/Palermo. 25.12.10. Отправлено по адресу: Таврическая 25, кв. 24.

¹ Белый и Ася Тургенева проследовали через Венецию (12 декабря н. ст.) и Рим (13 декабря н. ст.) на Сицилию, где обосновались в Палермо (17 декабря н. ст.) и затем в Монреале, городке в 8 км от Палермо (не позднее 24 декабря н. ст.). Об их поездке см.: De Michelis C. «Путешествие по Италии» Андрея Белого // Andrej Belyj pro et contra: Atti del I Simposio Internazionale Andrej Belyj. [Milano, 1986]. P. 53—60.

² Монреальский собор (1174—1189) — памятник норманно-сицилийского стиля, знаменитый своими мозаиками работы греческих (византийских) мастеров. См.: Белый Андрей. Путевые заметки. М.; Берлин, 1922. Т. I: Сицилия и Тунис. С. 136—151.

³ Бенедиктинский монастырь (его руины находятся направо от собора внутри здания XVII века) был основан в XII столетии третьим норманнским королем Сицилии Вильямом II.

⁴ См.: *Белый Андрей*. Путевые заметки. Т. I. С. 152—154. Гостиница-ресторан «Савойя» до сих пор существует, стоит недалеко от собора.

25

Андрей Белый — Иванову

26 декабря (н. ст.) 1910 года. Монреаль

Милый, любимый Вячеслав! Напиши хоть слово, пока мы в Монреале; здесь пробудем недели три-четыре; после едем, вероятно, в Джирдженти;¹ далее в Сиракузы, далее через Мессину в Помпею.² От Тебя нет вестей; хоть бы два слова. Вот прекрасная гробница в Монреальском храме, мозаика которого лучше палермской палатинской капеллы, которую считают лучшей (по мозаике) в мире.³ Христос с Тобой. Б. Бугаев.

Открытка с видом: MONREALE — Cattedrale — Tombe di Guglielmo II fondatore del Duomo. Датируется по почтовому штемпелю: Monreale/Palermo. 26.12.10.

¹ Приводим справку об этом городке из словаря Брокгауза и Ефрона: «**Джирдженти** (Girgenti) — древний Агригент, главный город одноименной провинции и округа в юго-западной Сицилии, лежит в плодородной местности, в нескольких км от берега, при слиянии Драго и Сан-Биаджо, образующих реку Д. Грязный и непривлекательный город, имеет 19 380 жителей. На расстоянии 6 км от Д. находится гавань Porto Empedocle, соединенная с ним посредством ж. д. и защищенная длинным молот с маяком. Здесь находятся огромные склады зерна в кладовых, выбитых в скале. Вывозится хлеб, оливковое масло, миндаль, сода и около 1/3 всей сицил. серы. От древнего Агригентума сохранились многие остатки: храмы, саркофаги, городские стены и т. д. Замечательны два источника, на поверхности которых плавает маслянистое вещество, о чем упоминает еще Плиний, и вулкан Маккалуба, лежащий к С. Окрестности очень живописны. В 872 г. арабы завладели городом, принадлежавшим Вост. Римской империи; в 1087 г. норманнский граф Рожер I освободил его от сарацинов» (Т. X^a (20). С. 544).

² Путешествие по Сицилии и возвращение в материковую Италию не состоялось.

³ 18/31 декабря 1910 года Белый сообщал матери: «...они толпятся на площади перед собором, напоминающим арабский дворец; собор 12 века, сплошь мозаичный, один из лучших по мозаике в мире» («Люблю Тебя нежно...»: Письма Андрея Белого к матери. С. 114). Имеется в виду Палатинская капелла (Cappella Palatina, 1132—1140) норманнских королей во Дворце норманнов (Palazzo del Normanni) в Палермо, также знаменитая своими мозаиками.

26

Андрей Белый — Иванову

5 января (н. ст.) 1911 года. Тунис

Дорогой Вячеслав!

Привет, с новым годом!

Пишу из Туниса.¹

Мавры великолепны.

Поздравляю с праздником всех обитателей башни.

Привет, привет.

Б. Бугаев.

Открытка с видом: Tunis. Rue Halfaouine. Датируется по почтовому штемпелю: Tunis. 5.I.11.

¹ Белый и Ася Тургенева прибыли в Тунис 4 января (н. ст.) 1911 года. Об их пребывании там см.: *Potthoff W. Zu Andej Belyjs Putevye zametki*. 1. Sicilia I Tunis // *Andrej Belyj pro et contra*. P. 181—190; *Барранка С.* Тунис Андрея Белого // *Андрей Белый в изменяющемся мире*. М., 2008. С. 349—355.

27

Иванов — Андрею Белому
 Январь 1911 года. Петербург

Счастливого нового года, милый Борис, брат мой далекий и желанный, о котором я думаю постоянно! Солнечно-сильно, солнечно-благодатно зачался новый твой Солнцеворот. Всею волей и всем разумением желаю тебе радости и крепости солнечной, милый лев! А за добрые вести, из коих каждая была мне радостью истинной и глубокой незабвенно, благодарю тебя. Ты знаешь сам, что *то примирение* было для меня желанно, как светлая, высокая надежда... И каждая из добрых вестей твоих чревата надеждой... Как хорошо мне знать, что ты там, откуда дважды писал мне: мне кажется, что *именно* туда и нужно было теперь тебе идти. Не тебе одному, — *вам*... И хорошо мне знать, что ты *не один*, как сам написал. Именно теперь, и только, быть может, теперь, узнаю (по тому, как мне это радостно), — что *хорошо* это, *весьма хорошо* (по слову из книги Бытия¹), что ты не один. Непосредственно и безотчетно радостно было мне услышать *эту* весть. И пусть еще смущает туман, пронизанный новыми южными запахами, — люблю запах серы, которою посыпают виноград, — но как по-новому умеют разоблачаться глубокие звезды над темным морем! И да будет благословенно напрасное ожидание при буйных вейниках ветра и при дыханьи огня. Божественное приходит легкою стопой. И в неожиданный срок. И, пройдя, может оставить смятение и недоумение. Неузнанным проходит иногда Божественное. Но все свершится в свой час. И не будет забвения. Христос с тобою.

С любовью Вячеслав.

(На полях:) Пиши!! — И дай нам с Блоком статью о символизме.²

Имеется также черновик этого письма (Ф. 109. Карт. 9. № 8), почти идентичный окончательному тексту.

¹ «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1: 31).

² Возможно, имеется в виду статья для журнала, который затевался Блоком, Ивановым и другими в Петербурге в начале 1911 года. См. письмо Блока к Белому от 17/30 января 1911 года (Переписка. С. 385—386). Подробнее об этом неосуществленном замысле нового символистского журнала см. во вступительной статье З. Г. Минц к переписке Блока с Вл. Пястом (Лит. наследство. 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 183—184).

28

Андрей Белый — Иванову
 26 февраля (н. ст.) 1911 года. Кайруан

Дорогой, любимый Вячеслав!

Спасибо, спасибо за радостную о себе весть. Привет из Кэруана;¹ Кэруан — местная маленькая Мекка. 7 раз побывать в Кэруане = одному путешествию в Мекку. Пишу подробно по возвращению в Радес.² Сейчас толкался по городу: это — старейший центр Тунисии. Уже пустыня дает себя знать. Сухие, ослепительные закаты, пески и вереницы верблюдов...

Радостно *еще, и еще, и еще* раз мне убедиться, что наша связь нерушима. Да будет она залогом еще большего. Верю, надеюсь. Я *тот же*, что и в прошлом году. Любящий Тебя нежно Б. Бугаев.

P. S. Всем твоим привет.

Открытка с видом: KAIROUAN. Cour de la Grande Mosquée. Датируется по почтовому штемпелю: Kaïrouan. 26.2.11. Послано на Таврическую 25. Квартира Иванова.

¹ Кайруан — город к югу от Туниса. Поездка туда (13—14 / 26—27 февраля 1911 года) подробно описана Белым во втором томе «Путевых заметок» (Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. I. С. 335—348; публ. С. Д. Воронина), а также в очерках «Дервиш (Из путевых заметок)» (Велес. Первый альманах русских и инославянских писателей. Пг., 1912—1913. С. 85—103) и «Кайруан» (Воля России (Прага). 1923. № 1. С. 1—19).

² В Радесе (арабской деревне близ Туниса) Белый и Ася Тургенева поселились 2/15 января 1911 года. Он изображен в первом томе «Путевых заметок» (с. 237—248).

29

Андрей Белый — Иванову

7 марта (н. ст.) 1911 года. Тунис

Дорогой Вячеслав!

Прости, что не мог присоединить привета Москвы Тебе, нашему желанному гостю.¹ Прими его издалека. *Люблю, верю, надеюсь*. Христос с Тобой.

Б. Бугаев.

P. S. Адрес. Afrique. Egypte. Kaire. Poste restante.

Открытка с видом: KAIROUAN. Panorama pris du Minaret de la Grande Mosquée. Датируется по почтовому штемпелю: Tunis. 7.3.11.

¹ Иванов был в Москве в первой половине февраля 1911 года. 9 февраля он выступал с чтением стихов в Литературно-художественном кружке (см. прим. 1 к п. 30), а в заседании Московского религиозно-философского общества 10 февраля читал доклад, опубликованный под заглавием «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания» (Сборник первый: О Владимире Соловьеве. М., 1911. С. 32—44). Несколько подробнее см.: Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 379—381.

30

Андрей Белый — Иванову

1 апреля (н. ст.) 1911 года. Каир

Дорогой, глубоколюбимый Вячеслав!

Прости, что пишу на обрывке. Сейчас есть потребность прежде всего сказать, как Тебя люблю. И спасибо, спасибо за ласковое письмо.

Во-вторых; только что получил от Метнера обстоятельное и негодующее на Эллиса письмо о его поведении в «*Мусагете*».¹ Верь и знай, что этой выходкой и рядом других «*сумасшедших*» поступков он себя как бы ставит вне «*Мусагета*». Мы не можем его *бросать*, но мы все не считаемся с ним никак. Это мнение мое, Э(милиа) К(арловича), Петровского и всех вообще. Да, верю, Ты не увидел в *выходке* Эллиса ничего «*мусагетского*», кроме сумасшествия невменяемого человека.... Его присутствие в «*Мусагете*» теперь скорей своего рода благотворительность...²

Я очень люблю Эллиса, но... как любят вообще юродивых. Как с литератором или выразителем чего бы то ни было я не считаюсь никак... И все мы в ужасе от «*Штейнерьяды*» эллисовского Кружка.³ Впрочем, быть может, оно и к лучшему.

Пишу Тебе из Каира.⁴ Смутные сюда из России доходят вести. Ничего о России не знаю, кроме известий о чуме, ушедших профессорах и Китае,⁵ но... *чую*... Три с половиной месяца не видал русской газеты. Друзья пишут все больше *лирику*; голоден сведениями о *России фактическими*. Страшно хочу Тебя видеть. У меня есть предположение: если Ты до мая в Петербурге, то хотя бы на день к Тебе приехать. Вот наш с Асей⁶ маршрут: Иерусалим (уезжаем на днях⁷) — (неделя). Афины (недели две⁸), Константинополь (два, три дня), Россия. Приедем в Луцк, где мы с Асей проводим лето; но из Луцка на неделю еду к маме и в «*Мусагет*». На возвратном пути мог бы проехать через Петербург—Варшаву.⁹

Что сказать о себе. Мне радостно, тепло, солнечно: волнения, тучи — вне порядка моих *солнечных* отношений с Асей, которая — мое счастье, радость и утешение.

Вот резюме впечатлений: Венеция — голубой, безмирный, вне истории дрящущий сон, колыбель, но... и только.¹⁰ Неаполь — красный паяц.¹¹ Палермо — арлекин, добродушный, чудовищный;¹² Монреаль¹³ — сон о вещем будущем... в горах: греза о Парсифале под флером облака.¹⁴ Тунис — чистый, белоснежный, прекрасный, радостный;¹⁵ но под белоснежным бурнусом своим он таит синезелтые блики глянцевого изразца. Радес¹⁶ — утешительная «*Still-Leben*». Тунисия — самое радостное место моих путешествий. Там араб — прекрасен; там природа благосклонна к человеку; и многие, многие там живут многолетние, достойные старцы. Ветхи (й) завет воплотился там прекрасно и полно. *Отчество* стало понятно мне там (помнишь Твои слова ко мне). И первые месяцы жизни нашей с Асей протекли в Тунисии, среди арабов, у развалин древнего Карфагена.¹⁷ По какому-то это — *моя вторая родина*. Ветхий завет здесь приблизился ко мне; два с половиной месяца этот сон длился... и вот — мы в Египте.

Египет... Только пустыня, только древний Египет, только природа здесь прекрасны; древний Египет больше всего говорит, но я... *я не египтянин* (значит, индус? перс?). Меня тянуло сюда, как на древнюю родину. И родина оказалась — *только прекрасным прошлым мне неведомого народа*. Из всего Египта более всего говорит мне Сфинкс.¹⁸ Часто с Асей просиживаем мы часами в песке, у Сфинкса: Ася рисует, я ему смотрю в глаза. И он — свой, добрый, нежный, не страшный.

Пирамиды прекрасны — но то египетский бред. Застывший ужас (когда исчерпались все виды ужасов, Господь поразил их ужасом простых форм: и они воздвигнули *треугольник*. Кто-то сказал: «*Вот так треугольничек*». Лишь тогда поняли они, *что сделали*. Но было поздно. Треугольник воссел здесь до скончания мира; с той поры в Египте перестал быть закат (закаты здесь беззорные (sic!)). С той поры стали египтяне переходить в феллахов). С той поры *дети всех пришельцев* в Египте либо умирают (установленный факт), либо становятся феллахами: но феллахи — только пепел. Многие, многие века здесь увеличивается лишь *куча пепла*...

Вот как старый Египет мстит пришельцам. Египет — это тени египтян. Я часто их слышу на закате. Только эти тени и живы. Все остальное лишь сон. А когда *сон настоящего* мне заслоняет глаза, я вижу: грязен Каир, чудовищно нелеп;¹⁹ нет и помину прекрасного араба. Тунис — белоснежен; Каир — черносер; тунисец — белоснежный цветок (в своем бурнусе); кайрец — черная тень. По улицам скачут блохи и скачут фески, наряженные в *лиловые, розовые, светложелтые* смокинги (ни Европа, ни Африка — черт

знает что!). «*Черт знает что*» — воссело на месте Египта. И — ужас — «*черт знает кому*» турки воздвигли «*египетский университет*». Коричневые носачи (студенты) говорят о «*свободе и равенстве*»: в прошлом году они освистали Рузвельта. Студенты, блохи, многие — «*опулы*» (Ликиардопулы,²⁰ Папондопулы (sic!)) и «*опулы*» — паши, неспособные, пыжающиеся быть европейцами, совокупно с чудовищным стилем построек, жидами-англичанами, Рябушинскими²¹ всего мира и скучающими царственными принцами всех дворов — вот современная «*египетская казнь*». И от этой казни мы с Асей «*исходим из Египта*» — в «землю обетованную»...

Если отвлечься от *памятников, истории* и остановиться на *быте живых людей*, то... как прекрасна Тунисия и как безобразен Египет!²² В Тунисии нет никакого «*Египта*», и мы с грустью покинули милую Тунисию (белоснежную, мягкую, веселую, более Египта сохранившую свою девственность и вместе: *более благоустроенную*); в Египте мы сидим, вздыхая и охая, ради «*Египта*».

В довершение всего: Тунисия дешева (так же, как и Франция), Египет — самая дорогая страна мира.

До чего разнится «*араб*» в широком смысле здесь и там: Тунисец (собственно «бербер» — чистых арабов мало — нумидийская конница, Масинисса, Югурта²³) чист, горд, прямодушен, весел, прекрасен по виду, живет в белоснежном домике с резной, арабскою дверью; над белоснежной деревней высится изящный, легкий, простой минарет.²⁴ Египтянин (феллах) грязен, развратен, принижен, лжив, угрюм, труслив, на черном халате носит часто «европейскую куртку» (??), живет в черносером из земли вылепленном, грязном логовище, чуть ли (не) без всякой двери; над черногрязной деревней вместо минарета высится глупый, нелепый «*палец*». В Тунисии есть пришлые благородные туареги, белотюрбанные красавцы мавры; в Египте роль туарега играет «*монгол-турчанин*», а красавцем мавром является низменный «*опуло*». Простое, чистое изящество Туниса противоположно грязному велелепию Каира. Если прибавить, что в Тунисе 300 тысяч людей, в Каире — миллион, то от этого только «*ужас*» для Каира. Араб Тунисии сохранился в десять раз более *араба* Каира; *но*: в Тунисии *нет* неграмотного араба. В Египте на 1000 безграмотных 4 грамотных. Французы с арабом мягки и в Тунисию вкладывают много денег. Англичане заманиваются над египтянином кнутом и пьют кровь страны. В Тунисии французы поселяются *на всю жизнь*; есть французы патриоты Тунисии, есть даже случаи, когда француз *совершенно арабизируется*; англичанин смотрит на Египет как на место карьеры. И потому здесь — проходимцы всех стран.

Даже с точки зрения внешнего вида — Тунис и Каир противоположны, как противоположно понятие «*протекторат над страной*» в устах французского и англичанина. Тунис — два квартала: арабский (огромный) и европейский (малый); арабский квартал не обезображен ни одной европейской нелепостью; как он был прежде, так он и остался. В центре старого Каира можно встретить европейскую рекламу. Европейский квартал Туниса весь вокруг *Avenue Jule(s) Fèrry*²⁵ и *Avenue de France* — точных копий *Boulevard des Italiens* Парижа. В центре европейского квартала Каира всюду *в дурном смысле слова азиатчина*. Оба квартала Туниса — чисты; Каира — грязны. Стиль арабских построек старого города здесь и там так относится друг к другу, как стиль *Беато* к «*рококо*».

Французы сделали все, чтобы сделать пребывание в Тунисии удобным и дешевым для туриста; англичане все сделали для обратного. Вообще впечатление от Англии и англичан: их величие — в прошлом. Их роль *колони-*

заторов сыграна. Они действовали кнутом и палкой; и англичан в Африке не любят. Французы держатся противоположной тактики. И вот — результаты: французы владеют громадной частью Африки; пространство, ограниченное с севера Тунисом, Алжиром, с юга Конго, с запада Атлантическим океаном и с востока египетским Суданом в их руках. В 1895—6 годах (мы этого как-то не знаем) французы вошли с крошечным отрядом и неграми (которые все — с французами) в Тимбукту;²⁶ громадная страна, Нигерия, — их страна. И что они делают? Они управляют Нигерией — негрскими королями, обучая негрских королей во французских школах; негрские короли теперь — французы, патриоты Франции.²⁷ Всюду с французом верные негрские войска; сами туарэги — с французами. Они входят в страну, не ломая строя, а тихонько высветляя. И если их деятельность такова, как в Тунисии — да здравствуют французы! (Ася со мной не согласна ни в чем).

Живя в Африке уже 3 с лишком месяца, я как-то особенно земно полюбил эту часть света. И не удивись моему многословию об англичанах, французах, туземцах. Мы все как-то говорим *Европа, Азия*, забывая, что громадная Африка переживает гигантскую эволюцию. И как некогда провинция «Африка» решала судьбы Римской Империи, представляла в Рим своих императоров (Александр и Септимий Северы были ведь тунисские берберы²⁸), так и в скором будущем. Судьбы Англии, Франции решатся не на континенте Европы, а где-нибудь в Индии или в Сахаре. И обратно: африканская плоть и кровь войдут в строительство Европы. Вот мой вывод. В грядущем нашествии «монголов» (уже совершающемся) Африка не при чем. Она скорей с нами, с Европой, чем с монголами. Негры пока что безобидное, не мистическое начало, жаждущее цивилизации. Арабы — глубоко не монголы. Англичане (друзья Японии и Китая) насолили Африке; предоставить Африку французам, — и Африка снова выйдет защищать Европу, как во времена Римской Империи, когда африканские легионы (берберы) дрались с европейцами против одних знамен. Но для этого нужен тройственный союз (Россия — Германия — Франция). Россия получает Индию, Персию, Галицию; Германия прибалтийский край, немецкую Австрию, Турцию, Сирию, Малую Азию; Франция получает Африку — и да погибнет «Дракон»²⁹ с жидами-англичанами!!

Прости — раз мечтался. Но ведь это так; в будущих мировых тяжбах мы забываем одно: «Что на все это скажет живая, громадная Африка». Ведь и в Тимбукту имеют свое суждение!

Ислама я не боюсь. Ислам не против Христа; фанатическое начало Ислама — турки (монголы); вторжение турок в Африку положило начало фанатизму; в С(еверной) Африке, пока там правили берберы-мусульмане (арабизованные), было пять христианских епархий. С кэруанскими арабами дружил Карл Великий. Белое и черное племя должно одинаково встать против желтых.

Милый, милый — прощай. Обнимаю Тебя — Христос с Тобою! Ася шлет Тебе свой привет. Как хотел бы я, чтобы Вы подружились!

Любящий Тебя

Б. Бугаев.

P. S. Ася, А(нна) P(удольфовна), Ты — все это связано для меня.

Адрес наш теперь: Grèce, Athènes. Poste Restante; или через месяц-полтора: *Волынская губерния. Луцк. В. К. Кампиони для меня.* Уезжаем из Каира через 3-4 дня. В Иерусалиме — неделя. Мечтаем проездить эту неделю по Палестине на осликах.

Р. Р. S. Вот еще живое доказательство возможности союза Европы с Африкой — Сицилия. Вся пакость Сицилии в современных итальянцах. Вся ее красота — в Норманнах, Эллинах и... Арабах.

Заказное письмо. Датируется по почтовому штемпелю: Cairo. 1.IV.11; СПб. 28.3.11. Expédié par Boris Bougaïeff. Caïre. Rue Kasr-el-Nil. 23. Chez Madame Pech.

¹ В письме от 19 февраля / 3 марта 1911 года, видимо, посланном в Тунис и оттуда переправленном в Каир, Э. К. Метнер сообщал Белому: «Эллис просто с ума сошел, и в сущности он уже вышел из Мусагета. (...) Он явился причиной нелепой, хотя и лестной статьи Волошина в Аполлоне о Мусагете, кот(орый) будто бы склоняется к штейнерьянству и католицизму. (...) На прошлой среде (...) читали стихи Вячеслав и Эллис. Вячеслав похвалил Эллиса; тогда Эллис иронически его поблагодарил и затем сказал: а Ваши стихи мне совсем не нравятся; они риторичны и неискренни. Вячеслав обиделся, и только его сдержанность предупредила новый скандал в Мусагете, виновником которого явился бы все тот же Эллис» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. № 7; Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова. С. 91).

² От «Мусагета» Эллис (как и Белый) получал ежемесячное содержание.

³ Уже 16 февраля 1911 года С. П. Бобров сообщил Белому: «Эллис... — тот совсем ушел в теософию и кроме как о Штейнере ни о ком и ни о чем не говорит и старается взять „Мусагет“ приступом, дабы обратить его в гиблую квартиру теософов. (...) Вы себе не можете представить, что это такое! Везде у Эллиса возникают постоянные перепалки из-за этого — это так неприятно! Сам он под влиянием этой — простите меня — абракадабры — странно разнервничался и производит впечатление человека психически нездорового» (Письма С. П. Боброва к Андрею Белому 1909—1912 гг. / Вступ. статья, публ. и комм. К. Ю. Постоутенко // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 156). Штейнер Рудольф (Steiner; 1861—1925) — австрийский религиозный философ, глава немецкой секции Теософского общества, основатель (1913) Антропософского общества.

⁴ Белый и Ася Тургенева отплыли из Туниса в Египет (через Мальту) 23 февраля / 8 марта 1911 года, прибыли в Порт-Саид 28 февраля / 13 марта, а в Каир — 1/14 марта.

⁵ О событиях этого времени, волновавших Белого (уход многих профессоров Московского университета в знак протеста против нарушения университетской автономии, а также напряженность в российско-китайских отношениях и чума в Китае), подробнее см. письмо А. С. Петровского к нему от 23 февраля 1911 года (Андрей Белый. Алексей Петровский. Переписка 1902—1932. С. 147—148) и письмо Белого к Петровскому от 14/27 марта 1911 года (Там же. С. 159).

⁶ А. А. Тургенева.

⁷ Белый и Ася Тургенева отбыли из Каира в Палестину 8 или 9 апреля (н. ст.) 1911 года, прибыли в Иерусалим вечером 28 марта / 10 апреля (см.: Андрей Белый. Алексей Петровский. Переписка 1902—1932. С. 178—179).

⁸ Намерение попасть в Грецию не было осуществлено. Отметим, что такой маршрут отчасти повторял путешествие Иванова с женой в 1902 году: Афины — Египет — Палестина — Афины.

⁹ Реальный маршрут получился таким: Белый и Ася Тургенева выехали из Иерусалима 11/24 апреля 1911 года и вечером того же дня отправились из Яффы в Россию через Константинополь (18—20 апреля / 1—3 мая). В Одессу они прибыли 22 апреля / 5 мая, в Боголюбы — 25 апреля (через Киев — 24 апреля).

¹⁰ О Венеции см. в первом томе «Путевых заметок» (с. 20—40).

¹¹ О Неаполе см. главку «Паяц» в первом томе «Путевых заметок» (с. 49—50).

¹² Ср. в первом томе «Путевых заметок»: «Палермо, как кажется, шут: шут гороховый: пестрый, не злой» (с. 68).

¹³ См. п. 24, прим. 2.

¹⁴ В описаниях Палермо и Монреаля в первом томе «Путевых заметок» есть частые отсылки к опере «Парсифаль» (1882), поскольку там Рихард Вагнер закончил свою «небывалую драму-мистерию» (с. 96). 1/14 января 1911 года Белый писал А. С. Петровскому о Монреале: «Ноты Парсифала звучат там и доныне» (Андрей Белый. Алексей Петровский. Переписка 1902—1932. С. 124).

¹⁵ Впечатления от Туниса Белый подробно изложил в первом томе «Путевых заметок» (с. 173—236), где характеризовал его как «Tunis la blanche» (с. 173—177).

¹⁶ См. п. 28, прим. 2.

¹⁷ См. второй том «Путевых заметок» (с. 360—363).

¹⁸ См. письмо Белого к А. С. Петровскому от 2/15 марта 1911 года (Андрей Белый. Алексей Петровский. Переписка 1902—1932. С. 153—154).

¹⁹ Помимо второго тома «Путевых заметок» (с. 388—414), Белый ранее подробно описал свои отрицательные впечатления от Каира в очерке «Египет», опубликованном в № 5—7 журнала «Современник» за 1912 год.

²⁰ Ликиардопуло Михаил Федорович (1883—1925) — журналист, переводчик, секретарь журнала «Весь». Грек по национальности. Вторая фамилия (как правило, в форме «Попандопуло»), скорее всего, взята как очень часто встречающаяся в Греции.

²¹ О Н. П. Рябушинском см. п. 7, прим. 5. Возможно, здесь имеется в виду не только он, но и другие представители этого весьма разветвленного семейства — предприниматели, банкиры, фабриканты, стремившиеся влиять и на политику.

²² В письмах, посланных Бельм матери, Э. К. Метнеру, А. С. Петровскому и А. М. Кожбаткину, повторяются те же оценки Туниса и Египта и роли французских и английских колонизаторов, что и в письме к Иванову. См.: Путешествие на Восток: Письма Андрея Белого / Публ., вступ. статья и комм. Н. В. Котрелева // Восток — Запад. М., 1988. С. 143—177. См. также его письма к Блоку этого времени (Переписка. С. 392—396).

²³ Масинисса (Masinissa; около 240—149 до н. э.) — царь Нумидии с 201 года, объединивший восточные (где правил с 205 года) и западные части Нумидии. Югурта (Jugurtha; 160—104 до н. э.) — царь Нумидии с 117 года. Потерпел поражение от римлян в войне 111—105 годов и был проведен пленником в триумфе своего победителя Гая Мария, казнен. Ср. в первом томе «Путевых заметок»: «Не раз в этой местности поднимало главу независимое, берберийское государство; еще Массиниса (sic!), боровшийся с Римом, до основания потрясал Карфаген; он — был бербером; хитрый, упорный, воинственный бербер, Югурта, сражался с заносчивым Римом; и кончил борьбу, проходя за триумфальной колесницей римского полководца. Впоследствии знаменитая нумидийская конница состояла из берберов» (с. 209).

²⁴ См. главу «Минареты» в первом томе «Путевых заметок» (с. 180—182).

²⁵ Ферри Жюль (1832—1893) — премьер-министр Франции в 1880—1881 и 1883—1885 годах, проводил политику французской колониальной экспансии в Африке и Азии.

²⁶ См. главу «Черный пламень культуры» в первом томе «Путевых заметок» (с. 298—307).

²⁷ На полях рукой Аси Тургеневой: есть чем похвастаться.

²⁸ Северы (Severi) — династия римских императоров в 193—235 годах. Наиболее значительны: Септимий Север (Septimius Severus; 146—211), император с 193 года, основатель династии, и Александр Север (Alexander Severus; 208—235), император с 222 года. Ср. в первом томе «Путевых заметок»: «Вот и берберы: barbari были лишь они для Рима; для них же и Римляне были не „эллины“: „barbari“, „берберы“. Берберы Риму отсрочили час декаданса, послав двух сынов, двух Северов» (с. 297).

²⁹ Подразумевается стихотворение Вл. Соловьева «Дракон» (1900), с посвящением «Зигфриду», которое заканчивается строками: «Но перед пастью дракона / Ты понял: крест и меч — одно» (Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 137).

31

Андрей Белый — Иванову

18 августа 1911 года. Москва

Дорогой и любимый Вячеслав!

Братский привет, любовь и дружбу хочется прежде всего Тебе нести.

Так давно не видались: рука не поднимается писать о том, что есть к Тебе в словах.

Радостно признаться, что цела и свежа у меня к Тебе любовь: да будет мир между нами!

О себе скажу только, что счастлив.

Да будет с Тобой мир!

Любящий Тебя нежно

Борис Бугаев.

Р. С. Присоединяю к этим нескольким словам нечто *внешнее*, но безусловно деловое и в этом смысле *крайне важное* для «Мусагета».

Мы ждем Твою статейку (очень небольшую) об «Орфее» для проекта проспекта.¹ Считаю ее *совершенно необходимой* как редакторское слово об этой серии книг нашей мусагетской платформы. Но должен сказать, что уже много месяцев ждем Тебя, и материал, собранный к печати, *праздно лежит в Редакции*. Как нам ни важно, чтобы именно Вячеславом Ивановым

были произнесены редакторские слова об «*Орфее*», однако *далее* ждать не можем. Если к 7-ому сентябрю не получим от Тебя *статьи*, седьмого же числа поручаем писать другому, ибо мусagetский проспект (крайний срок) выходит около 20 сентября.

Прости эту деловую приписку: скоро много пишу Тебе об одном плане «*Мусagета*».² А пока жду заметки об «*Орфее*».

〈Наверху листа:〉 Адрес до первого сентября: Московско-Брянская ж. д. Почтовая станция *Оболенское*. Имение Морозовой.³ Мне.

После 1-го сентября — Мусaget.

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 18.8.11. СПб. 19.VIII.11 и 20.8.11. Письмо переадресовано с пометой: «По Таврической ул. в доме № 25 кв. 24 по домово́й книге г. В. И. Иванов выбыл 21/VI ст. Вайвора Б. Ж. Д., дер. Каники, дача Михель Орэ».

¹ Первая часть информационного сообщения об изданиях «мусagetской» серии «*Орфей*» была составлена (и подписана) Ивановым, а вторая часть — Белым (см.: Труды и дни. 1912. № 1. С. 60—63 (1-я часть); С. 63—68 (2-я часть)). В книжной серии «*Орфей*» публиковались переводы памятников европейской мистики. Статья Иванова перепечатана в третьем томе (1979) бруссельского собрания сочинений (с. 704—706). История ее написания была долгой. 11 января 1911 года Э. К. Метнер просил Иванова: «Обращаюсь к Вам с большой просьбой дать нам маленькую статью об „Орфее“ для проспекта. Моя статья о „Мусagете“ и статья Гессена о „Логосе“ готовы» (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 324). Спустя полгода в письме к Белому от 26—29 июня 1911 года Метнер сетовал: «Несмотря на многократные напоминания Вячеслав до сих пор не прислал ничего. (...) Литератор калибра Вячеслава не в состоянии написать несколько страниц о близком ему предмете для дружественного издательства» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. № 7. Л. 14; копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. № 24). Однако статья была готова только через год после первой просьбы — 3 февраля 1912 года Иванов писал об этом Метнеру и Белому (см. п. 35).

² См. п. 33.

³ См. запись о сентябре 1911 года в «Материале к биографии»: «Месяц открывается гощением у Морозовой; проводим у нее в Калужской губернии 2 недели; там пишу ряд статей для „Трудов и Дней“, до выхода в свет уже мертвых для меня». Белый и Ася Тургенева выехали в имение М. К. Морозовой Михайловское 19 августа 1911 года (см.: «Ваш рыцарь». Андрей Белый: Письма к М. К. Морозовой. 1901—1928 / Предисловие, публ. и прим. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. М., 2006. С. 180—181).

32

Иванов — Андрею Белому

8 сентября 1911 года. Петербург

8 сент〈ября〉 1911.

Дорогой Борис! Будь, умоляю тебя, ко мне доверчив, и, хоть вини, но не подозревай меня в недружбе. Знаю и сам, как виноват; но люблю тебя, уж если мерить, так скорее, кажется, больше, а не меньше, чем когда-либо. Только вот все боюсь, как бы ты чего не подумал, потому что сам даю к тому поводы; да нет, знаю, что ты все знаешь. Благодарю тебя за удивительное, ослепительное письмо из Африки, длинное.¹ А ведь я писал тебе — — но не послал.² Не решился послать письмо в Афины или Палестину. Мне все хотелось сказать, как я рад за тебя, как с тобою, как люблю заочно твою жену. Ибо вот уже давно, давно — еще до путешествия вашего — я думаю о вас все такое хорошее и дивно 〈sic!〉 знаю, как ты прав. Мне чрезвычайно хотелось бы говорить с тобой; я *существенно* чувствую себя с тобою сближенным — и

в том, о чем когда-то мы спорили, — во многом из того, по крайней мере. А другое и заветное — о нем молчу. Молча тебя целую. Молча — с тобой!

Я было хотел не писать вам об «Орфее» — не знал, что и как писать, вы бы сами, — точнее ты, — быть может, лучше это сделали. Но все же написал, что написал, неуверенный, что это пригодно. И смотри, не притворяйся из дружбы довольным, если это не то. Быть может, хоть отчасти написанное пригодится. Если хочешь, пиши, прошу тебя, сам;³ если хочешь и вы решите, изменяй написанное.

Христос с вами.

Вячеслав.

Поклонись от меня, сердечно, Вере Оскаровне Станевич.⁴

¹ Речь идет о п. 30.

² Такое письмо неизвестно.

³ См. п. 31, прим. 1.

⁴ Станевич Вера Оскаровна (в замужестве Анисимова; 1890—1967) — поэтесса, прозаик, переводчица; участница «ритмического кружка» Белого при издательстве «Мусагет» (см.: Между двух революций. С. 351); антропософка. См. ее статью «О „Серебряном Голубе“» (Труды и дни. 1914. Тетрадь 7. С. 141—150).

33

Андрей Белый — Иванову

9 сентября 1911 года. Москва

Дорогой и горячолюбимый Вячеслав!

Спасибо за «Орфея». Ждем.¹ Пишу на этот раз чисто деловое письмо; обращаюсь еще и еще к Тебе с просьбой.

У нас возникла идея периодических «выпусков». Выпуски эти будут называться «Хроника Мусагета». От 6 до 8 выпусков в год размером не более 70 страничек. Задача этих выпусков такова: дать маленький орган для выражения того, что сейчас более всего волнует ближайших сотрудников *Мусагета* и *Орфея*, к каковым Ты и Блок, конечно, принадлежите.² Важны нам не столько *статьи*, а скорей планы статей, *зерна* будущих серий статей, т. е. то, над чем более всего задумываются Блок, Ты, я, Метнер и другие, нам близкие (например, Бородаевский³). Вернее — идея таких хроник состоит в перенесении в них того, что *говорится* в дружеском кругу (из возможного) у нас в *Мусагете* и у Тебя на башне.⁴ Желательны афоризмы, схемы бесед, записи на полях книги, дневник современной души. Важны и *вехи* путей в виде законченных, сжатых важной темы статей страничек в 6—10 (не более). Важны обзоры книг (не рецензии, конечно); представь, что Тебе покажется знаменательной та или иная серия книг или та или иная конфигурация книг; представь, Ты объединишь эти книги вокруг волнующей Тебя идеи; Ты не желаешь писать рецензий (что — скучно), а желаешь подчеркнуть *симптоматичность* той или иной серии книг. Ты пишешь маленький бюллетень (страничек 5—6), не стесняясь ни формой изложения, ни способом подхода к книгам (пишешь, как хочешь). И отсылаешь нам. Вот уже третий отдел нашего карликового журнальца. *И вот естественно возникший план.*

Хроника Мусагета (70 стран<иц>)

а) *Культура* и «Мусагет» (25 страниц) (две статьи по 12 страничек; или три по 8). Темы: *Культура* и современность, *Культура* вообще, *Культура* и

религия, Культура и восток; Культура и Греция и т. д. А также: статейно оформленные темы, приближающиеся к *вехам* путей, платформам. А также: символизм, символика, символизм как миропонимание и мироощущение. Задача этого отдела чеканить позиции *Мусагета*, *Логоса*, Орфея; указывать, в чем раздельность их путей, в чем вяжущее их единство. 1) *Мусагет* в этом отделе представлен, вероятно, будет Метнером, мной, Эллісом (впрочем, Элліс нам в *мусагетском* смысле чужд, и мало вероятно, что он согласится писать на *темы* Мусагета), Степпун,⁵ желателен кто-либо из *аполлинических* петербуржцев,⁶ человек, могущий связать, например, вопрос об *автономии эстетической культуры с культурой вообще*, пусть даже с *кларизмом*;⁷ если Ты пожелаешь что-либо написать, мы — в восторге.⁸ 2) *Логос*⁹ в отделе будет представлен Гессеном,¹⁰ Степпуном, Яковенко¹¹ и кем-либо из *культурных* молодых философов. 3) Позиция *Орфея* — вот тут-то Ты наша надежда; постарается писать Петровский,¹² Киселев.¹³ Нам важно защитить *Орфея* в триединстве *Логос—Мусагет—Орфей*. Буду писать и я.¹⁴ И надеюсь, что от нас *двух* могло бы зависеть, чтобы *Орфей* в этом отделе был представлен. Твое заявление об Орфее пойдет в пробном первом №.¹⁵

Отдел второй: «Дневник Мусагета» (25 страниц). В зависимости от материала либо одна статья, либо много афоризмов, эмбрионов статей.¹⁶

Задача этого отдела, *не стесняясь* формой изложения (лирика так лирика, афоризм так афоризм), затрагивать то, что потом, перебродив в *лирике*, можно уже *платформировать* в первом. Если первый отдел по форме изложения, осознания *аполлиничен*, то второй отдел был бы по сравнению с первым *дионисичен*. Во втором отделе должен роиться благой и добрый хаос, питающий первый отдел. Представь: Ты после разговора, Тебя взволновавшего, возбужден: Тебе еще не хочется спать; вдруг мысль Тебя осенила: как Ты должен был бы ответить только что ушедшему противнику. Ты подойдишь к столу, занесишь блеснувшую мысль, как бы в *Дневник*, не стесняясь формой изложения и не думая, что вот *нужно писать*. Эти набросанные отрывки Ты посылаешь нам. *Это-то* нам и нужно в этом отделе. Или так: Ты видишь, что мог бы со временем написать *такую-то* статью, но знаешь, что за недосугом статьи не напишешь, а мог бы: и вот — Ты записываешь план неосуществленной статьи; это-то — что нам нужно в этом отделе. Или Тебе хочется написать 3—5—10 афоризмов. Присылай их нам. Конечно, были бы мы в восторге от интимной лирической статьи в 20 страниц, в 10 страниц для этого отдела; но если нет охоты писать, а есть желание сказать интимное — могут быть другие формы, неприемлемые в других органах, а нам-то и нужные.

Вижу я уже в этом отделе и еще подраздел: «*О чем говорят*».¹⁷ Схема записанного разговора, связанного с кругом тем *Орфея*, *Логоса* или *Мусагета*, где действующие лица фигурируют под *А, В, С*, нам важна: *симптоматичны* разговоры; *симптоматичней статей*. Отдел «*О чем говорят*» (подотдел «*Дневника*») в этом смысле важен. Знать, о чем говорят у Вас на Башне и у нас в Москве, *важнее* даже Москве и Петербургу, чем читать статьи *говорящих* авторов.

Такова схема второго отдела.

Отдел III «*Книжные листки Мусагета*» (20 страниц).

В первом выпуске будет обзор книг «*Мусагета*», собственно статейка о культуре, составленная так, что она обнимает все изданные нами и предполагаемые к изданию книги; текст разрывается *объявлениями* о книге. Сюда возможны мнения о книжном деле, статейки, что есть *книга*, ее роль в связи с культурой; *конфигурация книг* наших, чужих, иностранных: связь конфи-

гурации — оригинальная мысль автора, связующая в одно книги и в этом смысле рекомендующая их вниманию читателя, или, наоборот, предостерегающая.

Такова идея «Хроник».

Итак вот план:

Хроника Мусажета

а] Культура и «Мусажет»

б] Дневник «Мусажета»

с] Книжные листки «Мусажета»

Состав сотрудников; сотрудники делятся на *свои* и *не свои*. Свои как бы *соредакторы*; от каждого зависит *участием повлиять* в свою сторону. Свои: В. Иванов, Блок, Белый, Метнер,¹⁸ Петровский, Киселев, Степпун, Гессен, Яковенко (*Логос* во втором отделе желателен как «*Caninchen*» (помнишь?)),¹⁹ Рачинский и те из петербуржцев, которые вошли бы к нам (что скажешь о Бородаевском?).

Желательны, но *не как свои* (право *редактировать*, так сказать, цензура), Бердяев,²⁰ Брюсов,²¹ «Путь» вообще,²² «Аполлон» вообще. Относительно Брюсова, если *и печатать его* без редактирования, то сохранять *право* оспаривать, снабжать *нашими* комментариями, производить *визисекцию* напечатанного рядом снабженных комментариев; то же о Бердяеве, или, например, Гумилеве.²³

Принцип же: не обращаться с просьбой к *не своим* (пригласить, принять, иногда предложить тему); но принцип: опираться на *своих*, предполагая возможность, что придется вести хроники *только* своими силами.

Сообщи, дорогой Вячеслав, все, что я писал, и Блоку (адреса его нет у меня).²⁴

Желательно создать *вовсе новый тип* «Хроник», живой, огненный, о насущнейшем. Если не пойдет, не расширяя, прикончить; если пойдет — медленно расширять. Мусажетцы просят меня взять на себя организационную работу.

И я обращаюсь к Тебе прежде всего с покорной просьбой быть *своим* и заинтересоваться идеей.

Все, что я говорил Тебе, конечно, касается Блока. Особенно желательно нам троим (Блок, Ты, я) создать второй отдел «Дневника»; ведь «Дневником» будет питаться и первый отдел, да и вообще жизнь нашего издательства.²⁵

Пойми важность «Хроник». С одной стороны, маленький, по-видимому никому не нужный журнальчик; с другой: первая попытка новой литературной (не только литературной) группировки. Первый отдел — жест в сторону аристократического слоя публики; второй отдел — пожатие руки другу другу (ну как бы письма друг к другу) и немногим *душам*, нам сочувствующим. Как знать, что из этого выйдет в будущем. Первый отдел: четкость, холод, маска и мудрость прошедших уже декадентство, и по-видимому *академично* усевшихся в кресло людей, цедающих сквозь зубы спокойные свои, по-видимому формальные фразы, за которыми стоит *реальный* опыт пережитого. Второй отдел: *огонь исканий*, отплытие корабля к *блаженной стране*, новое *декадентство* в *декадентстве* (молодежь выпусков первых символистов).

Третий отдел: *практические* советы читателям о *книгах*, на основании пережитого.

Душа первого отдела: *Мусажет*, как вяжущее *единство* противоречия *Логоса* (формализм) и *Орфея* (реализм).

Душа второго отдела: Орфей, хитро надевший маску *Мусагета* (Мусaget в первом отделе может *осаживать* и *Орфея*, и *Логоса*), для того, чтобы самый Логос втянуть в реальный путь. Тут он предстает уже без маски.

Душа третьего отдела: хитрая маска *Гермеса* (практически мудрого, торгующего, рекомендующего книги) на... том же Орфее. *А все вместе* — возница тройки (философия, эстетика, религия) — «*Мусaget*». И потому-то «*Хроника Мусагета*».

Милый, милый Вячеслав, пишу Тебе все это с такой подробностью, чтобы Ты узнал в нашей скромной попытке *более*, чем «*Хронику*». Помнишь, когда-то Ты мечтал о *странном* журнальчике, который хотел бы вести. Идея Твоего *странного* журнальчика потаенно лежала в моей душе, когда я провел на нашем осеннем редакционном собрании мысль о «*Хрониках*». Те, о ком я думал в то время, были Блок и Ты. Без поддержки Тебя и Блока для дела, хотелось бы думать, *общего* для меня наполовину обесцениваются наши «*Хроники*».

Открываю Тебе еще в одном отношении карты. Я боюсь за наш «*Мусaget*», за невольное (*из боязни*) тяготение Э(милия) К(арловича) к «*Логосу*», *Аполлинизму*²⁶ и *германству* («*blonde Bestia*»²⁷), и «*Хроники*» есть вместе с тем как бы заговор *Орфея* против устремления к просто Аполлону в *Мусагете*. В заговор посвящены Киселев и Петровский. Мне, вероятно, придется вести организационную и часть формально редакторской работы. И я ищущу союза нас, символистов, с мусagetскими *Орфейцами* против возможности уклониться в культуртрэгерство <sic!> другой части Мусагета.

Милый, милый, как хотел бы Тебя обнять!

Остаюсь глубоколюбящий

Борис Бугаев.

Р. S. Привет всем на Башне.

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 9.9.11. СПб. 10.9.11. Заказное письмо, перенаправлено на адрес: Д. Силломяги. Дер. Каника.

¹ См. п. 31, прим. 1.

² В ходе многочисленных обсуждений проекта план «*Хроник*» изменился и реализовалось более скромное начинание: «*Труды и дни*» — «двухмесячник издательства „Мусaget“, выходящий с начала 1912 года, как оповещалось в объявлении о подписке, «под редакцией Андрея Белого и Эмилия Метнера, при ближайшем участии Александра Блока и Вячеслава Иванова». См. также п. 23, прим. 3.

³ Бородаевский Валериан Валерианович (1874 или 1875—1923) — горный инженер, поэт, принадлежавший к окружению Вяч. Иванова и тяготевший к антропософии. Он никогда не печатался в «*Трудах и днях*».

⁴ Знаменитая «башенная квартира» и литературно-художественный салон Вяч. Иванова в Петербурге (1905—1912). См. о ней, например: Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006.

⁵ Степун (Степун) Федор Августович (1884—1965, умер в Мюнхене) — философ, историк и социолог культуры, прозаик, литературный критик. Он составил информационное сообщение о «*Логосе*», напечатанное в первом номере «*Трудов и дней*» за 1912 год (с. 68—73).

⁶ Имеются в виду писатели, связанные с журналом «*Аполлон*», который начал выходить в Петербурге с октября 1909 года. Подробнее о нем см.: *Корецкая И. В.* «*Аполлон*» // *Корецкая И. В.* Над страницами русской поэзии и прозы начала XX века. М., 1995; *Marcadé J.-C.* La revue «*Apollon*» en 1909—1910 // L'anno 1910 in Russia / A cura di D. Colombo e C. Graziadei. Salerno, 2012. P. 191—220 (Collana di «*Europa Orientalis*» / A cura di M. Capaldo e A. d'Amelia).

⁷ «*Кларизм*» — термин, изобретенный Вяч. Ивановым (см.: *Иванов В.* Собр. соч. Т. II. С. 785) и печатно использованный М. А. Кузминым в известной статье «*О прекрасной ясности*» (*Аполлон*. 1910. № 4). Кузмин напечатал рецензию на «*Cor ardens*» Иванова в первом номере «*Трудов и дней*» за 1912 год (с. 49—51).

⁸ Статья Иванова «Мысли о символизме» была опубликована в первом номере «Трудов и дней» за 1912 год (с. 3—10). Он также публиковался в № 4/5 и 6.

⁹ «Логос» — русское издание международного журнала по философии культуры, принятое издательством «Мусагет» (редакторы С. И. Гессен, Ф. А. Степун, издатель-редактор Э. К. Метнер; с 1911 года также Б. В. Яковенко). Договор об издании журнала «Логос» был заключен в Москве 2/15 ноября 1909 года. См.: *Безродный М. В.* Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. Вып. 1. С. 372—407.

¹⁰ Гессен Сергей Иосифович (1887—1950) — философ; сын И. В. Гессена.

¹¹ Яковенко Борис Валентинович (1884—1949) — философ, близкий к неокантианству; один из редакторов сборников «Логос». Его статья «О сущности прагматизма» опубликована во втором номере «Трудов и дней» за 1912 год (с. 66—74).

¹² А. С. Петровский никогда не печатался в журнале.

¹³ Киселев Николай Петрович (1884—1965) — библиограф, книговед; секретарь редакции издательства «Мусагет» в 1913—1915 годах. Он печатал свои заметки о стихах под названием «Эфемериды» в шестом номере «Трудов и дней» за 1912 год (с. 63—68) и в восьмом за 1916 год (с. 135—157).

¹⁴ В первом номере «Трудов и дней» за 1912 год были опубликованы статья Андрея Белого «О символизме» (с. 10—24) и его заметка «О журавлях и синицах. (Поправка к одной истине)» (с. 82—84; подпись: Cunctator). Он также публиковался в № 2, 3 и 4/5.

¹⁵ См. п. 31, прим. 1.

¹⁶ «Эмбрионы» — название цикла В. В. Розанова, состоящего из кратких записей на различные темы (Гражданин. 1900. 24 фев. № 14; 2, 5 и 9 марта. № 16—18; впоследствии вошел в его книгу «Религия и культура»).

¹⁷ См.: *Белый Андрей.* 1) О чем говорят. О двойной истине // Труды и дни. № 2. С. 56—62. Подпись: Cunctator; 2) О чем говорят. Метафизика // Там же. 1912. № 3. С. 56—61. Подпись: Cunctator.

¹⁸ Метнер Эмилий Карлович (псевд. Вольфинг; 1872—1936, умер в Пильнице под Дрезденом) — музыкальный и литературный критик, публицист, философ; руководитель издательства «Мусагет», редактор «Трудов и дней». Он печатался в каждом номере журнала.

¹⁹ «Кролик» (*нем.*; верно — Kaninchen). Однако что именно Иванов должен был помнить, мы не знаем.

²⁰ Н. А. Бердяев напечатал статью «Гносеологическое размышление об оккультизме» в последнем, восьмом номере «Трудов и дней» за 1916 год (с. 49—69).

²¹ В отличие от своей сестры (см.: *Брюсова Н.* 1) О ритмических формах Скрябина // Труды и дни. 1913. № 1 и 2. С. 65—76; 2) О музыке // Там же. 1916. № 8. С. 70—86), В. Я. Брюсов не печатался в «Трудах и днях». Однако предполагалось, что во втором или третьем номере журнала появятся его «афоризмы» (цикл «Miscellanea»). Обсуждение вопроса об участии Брюсова в «Трудах и днях» велось в переписке Иванова с Э. К. Метнером. В письме от 23 марта 1912 года Иванов агитировал за сохранение его текста с некоторым смягчением резкости выражений в полемике (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 332—333). В ответ Метнер писал 3 апреля 1912 года: «Никакая дипломатия в отношении к Брюсову не поможет, и вот почему. Одно непомятое его афоризмов и *только* нападки на него Бугаева в статье о символизме, и то и другое взятое врозь, не явилось бы casus belli; но совокупность обоих обстоятельств, вполне понятное, совсем для него невыносима. Мне не удалось в этот мой проезд в Москву повидать его, сделаю это на будущей неделе. Если *Вы* хотите сохранить Брюсова для *Трудов и Дней*, напишите ему сами, сославшись на то, что до Вас дошли слухи об его крайнем неудовольствии по поводу вышеозначенных (?) двух обстоятельств. Я зачеркнул у Бугаева наиболее резкую выходку против Брюсова и просил его удалить и остальные, — он обещал, но не сделал этого... Я нахожу тон Бугаева по адресу Брюсова резким, истеричным и с оттенком личной ненависти. И этого мнения держатся здесь, в Москве, решительно все: и враги, и друзья. — Свою квалификацию Чулкова и Айхенвальда Брюсов уже в прошлый мой визит наотрез отказался изменить и заметил, что лучше возьмет афоризмы назад» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. № 11. Л. 1; в публикацию В. В. Сапова это письмо не включено). 1 июня Метнер подводил итог: «**Брюсов** вполне успокоился и примирился, чем я очень доволен, ибо вовсе потерять его не хотел бы» (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 336).

²² «Путь» — московское издательство религиозно-философской направленности, организованное весной 1910 года и выпустившее в свет первые четыре книги в декабре 1910 года; М. К. Морозова была его инициатором, учредительницей и владелицей. Подробнее о нем см.: *Голлербах Е.* К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000.

²³ Николай Степанович Гумилев (1886—1921, расстрелян) в «Трудах и днях» не печатался. Упоминание его имени, видимо, связано с тем, что Иванов отозвался сочувственной рецензией на сборник Гумилева «Жемчуга» (Аполлон. 1910. № 7 (Апрель). С. 38—41. 1-я pag.).

²⁴ 5 июля Блок с женой уехал в заграничное путешествие по Европе. Они вернулись в Петербург 7 сентября. Блок печатался в «Трудах и днях» всего один раз: он поместил в журнале статью «От Ибсена к Стриндбергу» (1912. № 2. С. 8—14).

25 20 января 1911 года Иванов писал Блоку: «...давайте издавать Дневник трех поэтов, в котором мы на первом месте заявим, что пишем вместе, под одним заголовком (...) Трое, конечно, — Вы, Андрей Белый и я» (Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым. С. 173—174). В конце мая 1911 года Белый писал Блоку: «Меня очень порадовала Твоя инициатива (как и Вячеслава) в *Мусагете*. Пойми, что для меня было бы счастьем превратить *Мусагет* в наш общий орган» (Переписка. С. 402). Блок очень быстро, однако, охладел к «Трудам и дням», и «тройственный союз» в форме «Дневника» не получился.

26 В статье о задачах «Мусагета» Э. К. Метнер, в частности, писал: «Период „бури и натиска“ новых творческих исканий художественного слова прошел с лозунгом „искусство для искусства“ и под односторонним знаком Диониса (который, расставаясь с Аполлоном, становится по необходимости «сомнительным и лживым идеалом»). Не доработавшись до своего общего всезаключающего стиля, способного наложить особый отпечаток на переживаемую эпоху, новое течение скоро вошло в узкие берега красивого, но бездушного эстетства. Лишь очень немногим суждено было довести до „классицизма“ стиля личную „романтичность“ своей манеры: некоторые из крупных дарований ведут еще борьбу за свой индивидуальный стиль; многие устремились от гениальничанья к стилизаторству, т. е. от псевдодионисизма к псевдоаполлинизму, что, конечно, знаменует собою переход типично-александрийский» (Метнер Э. «Мусагет». Вступительное слово редактора // Труды и дни. 1912. № 1. С. 54). И далее: «...именно в это время должна была зародиться идея *Мусагета*; это имя подчеркивает аполлинизм (вовсе не отрывая его, однако, от дионисизма) и отмежевывается от эстетства, ибо означает объединение всех видов творчества в согласном служении цели создания культуры» (Там же. С. 55).

27 «белокурая бестия» (нем.)

34

Андрей Белый — Иванову

15 сентября 1911 года. Москва

Дорогой, горячолюбимый Вячеслав!

Опять надоедаю Тебе, но надоедаю лишь оттого, что ревную о Тебе; хочется безмерно дитище мое «Хроники» украсить Тобой. Я надеюсь, что Ты уже получил мое письмо и общий характер того, что мы хотим, уловлен Тобою. Ну, конечно, взгляд Твой на все это нам и ценен и нужен. Но зная, что Тебе трудно писать, а мне пока трудно скоро побывать в Петербурге, я обращаюсь к Тебе с двумя просьбами: 1) пришли нам скорее заметку свою об *Орфее*.¹ 2) ради Бога пришли афоризмов 10—15, или просто «заметки *Дневника*» о Тебе сейчас любезных темах.² Отдел «Дневника» хотели бы мы украсить. Иванов и Блок — наши главные украшения в этом отделе. И строим-то мы Дневник в расчете на них. Пока в этом отделе есть мои заметки «*Нечто о мистике*»,³ и Брюсова «*Miscellanea*».⁴ Недостает Иванова и Блока. Блок за границей: когда-то вернется!..⁵ Адреса его у меня нет: остаешься Ты.

Набросать мысли о любимом не в статье, а в какой угодно форме нетрудно, иногда даже приятно автору.

Ждем, ждем, ждем!!!

Пока материал пробного номера хроник таков.

Хроника.

1. Задачи «Мусагета». Метнер.
2. Задачи «Орфея». Иванов.
3. Задачи «Логоса». Степун.⁶

Дневник.

1. Нечто о «Культуре». Сизова.⁷
2. Нечто о «Мистике». Белого.
3. «Miscellanea». Брюсова.
4. О чем говорят. Разговор первый: «О двойной истине».⁸

Книжные листки.

1. Обзор книг К-ва «Мусажет».

2. Каталог «Мусажета».⁹

Но к началу выпусков выяснилось, что мы не можем приступить к выпуску 1-го № без материала на три выпуска. Выпускаем раз в месяц: Декабрь, Январь, Февраль, Март, Апрель. Далее летний период и собирание материала к осени. С сентября уже выпускаем ежемесячно.¹⁰

Жду материала, за совет, тему, рекомендацию полезного участника выпусков заранее благодарен: видишь, я и не допускаю мысли, что Ты огнешься к выпускам, как к чужому делу.

Обнимаю, целую. Христос с Тобой.

Борис Бугаев.

Р. S. Если бы Ты или кто-либо из Твоих близких дал бы нам руководящий обзор деятельности «Ор» (как бы мотивацию книг) со ссылками на все издания «Ор», мы бы были благодарны.¹¹

Жду письма от Тебя.

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 15.9.11. СПб. 16.IX.11.

¹ См. п. 31, прим. 1.

² В первом номере «Трудов и дней» Иванов (помимо заметки об «Орфее») напечатал статью «Мысли о символизме», которой журнал (после предисловия «От редакции») открывался. Во втором и третьем номерах он не печатался.

³ См.: *Белый Андрей*. Нечто о мистике // Труды и дни. 1912. № 2. С. 46—62. В этом номере Белый также напечатал статью «О символизме» (с. 1—7).

⁴ См. п. 33, прим. 21.

⁵ См. п. 33, прим. 24.

⁶ Все названные здесь статьи были опубликованы в первом номере журнала.

⁷ Такая статья напечатана не была. Единственная публикация М. И. Сизова: *Седлов М. Кремль* // Труды и дни. 1912. № 3. С. 50—55.

⁸ См. п. 33, прим. 17.

⁹ Эти материалы составили «Каталог издательства „Мусажет“ (1910—1912)» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 1—25. 2-я паг.). В том виде, в каком Белый предполагал видеть этот раздел, он не был выдержан.

¹⁰ В 1912 году вышли шесть номеров «Трудов и дней»: № 1 (январь-февраль), № 2 (март-апрель), № 3 (май-июнь), № 4/5 (июль-октябрь) и № 6 (ноябрь-декабрь). В заметке «От редакции», опубликованной в № 4/5 журнала за 1912 год сообщалось: «Редакция решила, сохранив подписку на *Труды и Дни* и в следующем 1913 году, издавать эти книжки свободными от обязательной периодичности в количестве 4—6 выпусков» (с. 149). В 1913 году вышел в свет всего один сдвоенный номер журнала (тетради первая и вторая).

¹¹ «Оры» — издательство, основанное Вяч. Ивановым в Петербурге в 1906 году; публиковало книги писателей из его ближайшего окружения. После некоторого перерыва, вызванного смертью Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в 1907 году, возобновило деятельность в 1909 году. Предлагаемый Белый обзор в «Трудах и днях» напечатан не был.

35

Иванов — Андрею Белому и Э. К. Метнеру

3 февраля 1912 года. Петербург

3 февраля 1912.

Дорогие

Эмиль Карлович и Борис Николаевич.¹

Щедро и доверчиво вы не однажды выражали и доказывали мне ваше желание идейного сближения и литературного сотрудничества; при основа-

нии «Трудов и Дней» вы почтили меня даже приглашением к сотрудничеству ближайшему. Я, с своей стороны, давно уже чувствую себя не прикосновенным только, но и принадлежащим к кружку «Мусагета», а для журнала твердо решил и уже начал работать. Во мне давно уже сложилась уверенность, что идейная общность между мною и вами вполне достаточна, чтобы это сотрудничество было по существу возможно и внутренне оправдано. Но я не скрывал от себя, конечно, что существуют между нами и серьезные *<sic!>* расхождения. Как я идейно координирую себя с носителями других взглядов в коллективе «Мусагета» — я показал это на деле. Разумею свою статью об «Орфее», написанную по поручению Издательства от его имени.² Я просил бы оценить мою осторожность в избегании каких бы то ни было заявлений, могущих показаться налагательными и обязывающими для участников не секции «Орфея» только, но и для членов всего издательства (с «Логосом» включительно). Не мне судить, достиг ли я этой цели; но моих стараний к ней приблизиться едва ли возможно не усмотреть в написанных мною, весьма сдержанных и нейтральных строках. Конечно, я позволил бы себе говорить иначе, если бы статья предназначалась к помещению в журнале как мое личное рассуждение, если бы она не имела характера составленного одним из сотрудников разъяснения «от Издательства»... Но соответственного внимания к своей идейной платформе я считаю себя вправе ожидать и от Издательства и его журнала. Да не покажется вам, дружески меня знающим, неблагодарностью с моей стороны или странною притязательностью мое неумение и нежелание *faire bonne mine au mauvais jeu*.³ Есть внешние знаки и символы, которые в идейной борьбе получают значение полковых значков и знамен. Со времени полемик Андрея Белого, о которых и я и он забыли,⁴ установились навыки специфического обращения с некоторыми из таких лозунгов. Из его прежних писаний достаточно известно, что ему не по сердцу, например, лозунги «Дионис», «мистика», «realiora», «Достоевский». Я говорю не о содержании понятий, в достаточной мере ныне выяснившимся, а о самых словах, как сигналах; самые эти слова имеют для меня значение *религиозное*. Простодушному же читателю импрессионистически живо, хотя логически крайне смутно напоминают «Теоретика дионисизма»⁵ с его «орхестрами»⁶ и прочими смехотворными чудачествами, вроде пресловутого «мистического анархизма»⁷ (кстати, также термин, насмешку над которым я *желаю* и намерен считать за враждебную выходку, направленную и против меня).

Итак, насмешливая игра с этими словами или своеобразное их употребление, вызывающее иллюзию бесцеремонного топтания этически чистых путей, мною заботливо ограждавшихся, — на страницах журнала, где значусь я «ближайшим сотрудником», — несовместимо ни с моим достоинством, ни с моими убеждениями. Между тем в корректурах № 1 уже нахожу целую антологию заявлений, придающих мне, в глазах читателя, вид отрекшегося от своих знамен, сдавшегося на капитуляцию и сражающегося отныне в прежде враждебных рядах воина. В статьях Эмиля Карловича утверждается, что под знаком Диониса выступало беспочвенное эстетство, мне столь враждебное.⁸ Там же провозглашается «аполлинизм» как односторонний лозунг «Мусагета»,⁹ тогда как — и это намечено между прочим в статье А. Белого об Орфее — лозунг «Мусагета» не иной, чем дельфийский: «двуединство нераздельных и неслиянных Диониса и Аполлона»,¹⁰ а если не так — то «Мусaget» не Мусагет, а петербургский «Аполлон».¹¹ Там же имя «Достоевский» (должно быть, с легкой руки А. Белого повелось такое культурное кощунство) употребляется в пренебрежительном множественном числе наряду с Бальмонтом: «Достоевские и Бальмонты»¹² (*horribile dictu*,

perquam barbarum¹³). В статье Ophis'a говорится весьма иронически, что о «realiora» услышали, откуда меньше всего этого ожидали (очевидно, Ophis начитан больше в полемиках Бори, чем в моих мирных и бледных писани-ях); развязно берется автор наставлять меня о realiora, не справившись, что я именно разумею под таковыми.¹⁴ В статьях А. Белого слово «мистика»¹⁵ употребляется в значении, понятном лишь ему да Ф. А. Степпуну, а между тем критика ведется с блеском и треском против мистики вообще, а не того, что разумеет под мистикой, напр(имер,) Федор Августович или еще какой уединенный неокантианец, любящий нырять для развлечения от гносеологии в «творческий хаос».

По существу, со всеми, быть может, названными авторами я согласен или почти согласен; но иллюзия рампы производит странный эффект, будто град пинков и гнилых яблок, с красноречивыми подмигиваниями, сыплется на ближайшего сотрудника, Θεоретика Дионисиазма. Почтительнейше заявляю, что все это мне не нравится.

В заключение один принципиальный пункт. Поелику вводная статья о «Мусагете» имеет основоположительное и связующее совести значение для всех, выступающих под знаменем «Мусагет», протестую от себя и несомненно нескольких единомыслящих против самовольных распоряжений по части религии.¹⁶ Это мнение, что религия — часть культуры, могло бы быть с успехом и без всякого соблазна развито в частной статье, но в передовой вводной оно, противореча моим религиозным убеждениям, не позволяет мне участвовать в журнале. А именно: религия, не как внутренний опыт только, но как *таинство*, — внекультурна. Соподчинять таинства явлениям культуры значит отрицать религию (ибо слово «религия» не может быть отнесено только к иррациональному субстрату всякой культуры). Во всяком случае для меня это основоположение, будто бы общемусагетское, все равно что сарацинское «Могамед расуль Аллаха»¹⁷ для крестоносца.

Засим обнимаю обоих.

Любящий

Вяч. Иванов.

¹ Белый и Ася Тургенева приехали в Петербург 21 января 1912 года и остановились у Иванова на «башне» (Белый возвратился в Москву 28 или 29 февраля). Таким образом, письмо обращено не только к Метнеру, бывшему в Москве, но и к Белому, жившему в соседних комнатах. Во время этого пребывания в Петербурге Белый и Иванов обсуждали возражения последнего на первый номер «Трудов и дней» в ряде разговоров. Иванов, видимо, даже намекнул на то, что он готов был выйти из числа сотрудников журнала без серьезных перемен в составе выпуска. В середине февраля 1912 года Белый написал Метнеру, что он решил задержать выпуск (первый номер, январь—февраль, вышел только в начале апреля) и рекомендовал переделать его содержание, чтобы «передвинуть центр первого №» (Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 394). Статьи, принадлежащие Гессену и Яковенко, были исключены, а вместо них добавлены статьи о символизме Иванова («Мысли о символизме») и Белого («О символизме»). Отметим, что 18 февраля Белый выступил с докладом о символизме в Обществе ревнителей художественного слова в редакции журнала «Аполлон». Метнер, по-видимому, слегка переменял текст в своей статье о задачах журнала, чтобы отчасти ответить на возражения Иванова (см. п. 33, прим. 26).

² См. п. 31, прим. 1. В журнале статья Иванова была опубликована не от имени редакции, а за его подписью.

³ делать хорошую мину при плохой игре (*фр.*)

⁴ См. п. 9, прим. 1.

⁵ То есть самого Вяч. Иванова, автора ряда статей о «религии страдающего бога» (см. также п. 22, прим. 1).

⁶ См. п. 5, прим. 5.

⁷ См.: Чулков Г. О мистическом анархизме. Со вступительной статей Вяч. Иванова «О неприятности мира». СПб., 1906. Публикация книги вызвала серию полемических статей Белого (и других авторов), печатавшихся главным образом в «Весах» и направленных на развенчание «мистического анархизма», а также ожесточенную полемику непосредственно с Г. И. Чулковым в 1906—1908 годах.

⁸ В окончательном тексте Метнер пишет «бездушное эстетство» (см. п. 33, прим. 26).

⁹ В окончательном тексте было, видимо, добавлено Метнером (в скобках) после «аполлинизм» «вовсе не отрывая его однако от дионисизма» (см. п. 33, прим. 26).

¹⁰ Такая фраза не встречается в статье Белого о задачах серии «Орфей», однако Иванов в своей статье писал: «Кто был, для эллинов, божественный вождь хора? Одни говорили: „Аполлон“; другие: „Дионис“». Третьи — младшие сыны древней Эллады — утверждали мистическое единство обоих. „Их двое, но они — одно“, говорили эти: „нераздельны и неслиянны оба лица дельфийского бога» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 62—63).

¹¹ См. п. 33, прим. 6.

¹² Выражение «Достоевские и Бальмонты» не встречается в статьях, опубликованных в первом выпуске «Труды и дней». По-видимому, оно было снято после возражения Иванова.

¹³ Страшно молвить, такое варварство! (*лат.*)

¹⁴ По-видимому, фразы в статье «Идея» Orphis'a (псевдоним философа, критика и публициста Алексея Константиновича Топоркова (1882—1934)), которые так задели Иванова, были смягчены. В окончательном тексте находим: «Правда, еще так недавно прозвучал призыв: *gealioal*! Он исходил от одного из видных теоретиков символизма. Но вещи, конечно, не истина. (...) Признание духа приближает нас к Идее. На этой точке зрения признают реальность собственного духа, реальность чужого духа, целую лестницу, „божественную иерархию“ духов, которая ведет к трону Всевышнего — *ens realissimum*. (Вот что в конце концов значит *gealioal*!) И это тоже правильно» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 74, 75). Полемики Бори — спор между Белым и Ивановым в 1907 году (см. п. 9, прим. 1).

¹⁵ Мистика не обсуждается ни в статье «О символизме», ни в заметке «О журавлях и синицах» Белого в первом номере журнала. По-видимому, его статья «Нечто о мистике» (см. п. 34, прим. 3) после возражений Иванова была перенесена во второй номер и, вероятно, смягчена.

¹⁶ В окончательном тексте Метнера о задачах «Мусагета» находим: «Держава культуры обнимает собою искусство и философски построенное мировоззрение. В состав последнего входит и религия как сложившееся вероучение и связанное с ним теоретическое и художественное творчество. Религиозные таинства и откровения, религия как внутренний опыт, высочайшее переживание, как не выявленная еще в догмате идея, конечно, сверхкультурны, но когда подобный внутренний опыт индивидуально закреплен поэтическими образами или умозрительными терминами, то создавшееся таким путем литературное произведение в зависимости от подлинности религиозного переживания и философской или эстетической ценности его изображения становится уже достоянием культурным. Творения мистиков выделены *Мусагетом* в особый ряд под наименованием: издания *Орфей*» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 56—57).

¹⁷ Магомет посланник Бога (*араб.*).

36

Андрей Белый — Иванову

9 сентября (н. ст.) 1912 года. Базель

Дорогой, горячолюбимый Вячеслав!

Дошли вести, что Ты в Лозанне:¹ собираюсь Тебе писать; черкни, где Ты. Крепко любим Тебя с Асей.

Наш адрес: Suisse, Vâle, Hôtel Bernerhof. Chambre № 20. Мне.² Приветствуем. Любим.

Б. Бугаев.

Открытка с видом: Basel. Mittlere Rheinbrücke, Kantonalbank & Börse. Написана карандашом. Отправлена по адресу: A Monsieur Venceslas Ivanoff. Lausanne. Poste restante. «Lausanne. Poste restante» зачеркнуто и надписано чернилами: Villa des Bosquets. Grande Rive. Evian. Датируется по почтовому штемпелю: Basel. 8.IX.12. Lausanne. 9.IX.12. Evian. (10).9.12.

¹ 19 мая 1912 года Иванов с беременной от него падчерицей В. К. Шварсалон и с дочерью Лидией отправились в Европу.

² Белый и Ася Тургенева выехали из Москвы за границу 16/29 марта 1912 года и прибыли в Кёльн на лекцию Р. Штейнера 6 мая (н. ст.) 1912 года. На следующий день состоялась их личная встреча со Штейнером, после чего было принято решение войти в круг его приверженцев и учеников. В начале сентября они приехали в Базель, чтобы слушать курс лекций Штейнера.

Андрей Белый — Иванову

После 17 сентября (н. ст.) 1912 года. Базель

Дорогой друг, глубоколюбимый!

Еще раз спасибо за приезд.¹ Телеграмму и письмо отправил. Деньги отправляю на днях.²

Пишу Тебе под свежим впечатлением первой лекции Доктора.³ Пишу не о лекции, а об одном обстоятельстве, меня поразившем особенно.

Но излагаю *факт*, предоставляя Тебе вывести заключение.

Доктор все время до лекции посматривал на нас с Асей с добродушно чуть-чуть лукавой улыбкой. Потом была вступительная лекция к курсу. Он говорил о том, что реинкарнации должно неизменно рассматривать в связи с Христовым Событием, что буддийское понимание реинкарнации неприменимо к нашей эпохе, оставаясь чрезмерно отвлеченным; это буддийское понимание идеи реинкарнации не вносит существенной и громадной поправки; эта поправка: установление факта → *до Христа или после Христа*.

Христово Событие радикально изменило нечто, так что великие исторические личности, с которыми мы знакомы в своих последующих (после Христа) инкарнациях, *абсолютно* являлись другими. Чтобы представить себе это конкретно, он дал два факта: реинкарнация Гектора (из Илиады) и Эмпедокла⁴ в эпоху после Христа.

Сначала он обрисовал рельефно характер Гектора, сказавши, что Гектор Гомера есть личность действительно бывшая. При этом Доктор повернулся ко мне и совершенно явно протягивая руку (не в мою сторону) *ко мне*, дал понять, что слова о Гекторе относятся ко мне. Потом он обрисовал личность Гамлета, сказавши, что Шекспир в художественной интуиции дал точный психологический анализ соответственного исторического лица (все время глядя на меня). И тут сказал: *Гамлет* и есть *Гектор* в эпоху после Христа; художествен(ное) же творчество вполне точно проникает в *тайное* исторических лиц, отображаемых искусством. Далее он говорил о том, что Эмпедокл реинкарнировался в доктора Фауста,⁵ *вполне точно* в духе воспринятого Гёте. О докторе Фаусте надо учиться у Гёте, а не по историческим справкам, ибо Фауст истории не имеет общего с Фаустом Гёте. То же о *Гамлете* (опять жест руки ко мне и взгляд на меня, как бы говорящий «*Вот вам ответ*»). Тут я недоумевал, почему *Гектор* — *Гамлет* — *Шекспир* относится ко мне.

Ася после лекции напомнила.

Ведь это Ты поставил вопрос об отношении художественного отображения истор(ических) лиц и исторических документов и о том, что в числе теоретических вопросов Ты предложил бы Доктору вопрос о *Гамлете*: об отношении шекспировского Гамлета к исторической личности.

Только после лекции я все это понял. Совершенно ясно, что Доктор отвечал Тебе, а глядел на меня для того, чтобы я понял, для чего он в лекции о Ев(ангелии) от Марка так пространно говорил о Гамлете, и передал бы Тебе.

В этом я уверен.

Милый, только через два дня Доктор начнет приемы, постараюсь попасть к нему дней через 5-6. Тогда напишу подробнее. Пока же целуем Тебя, и Христос с Тобою.

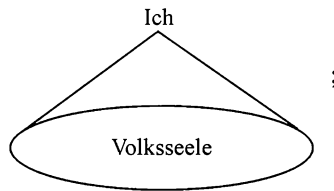
Вере Константиновне наш горячий привет. Лиду⁶ и Марию Михайловну приветствую.

Остаюсь любящий Тебя

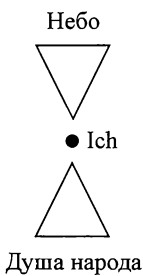
Борис Бугаев.

P. S. Все-таки жаль, что Ты уехал.

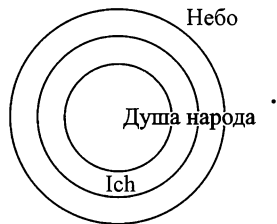
Позволь маленькую поправку к письму: говоря о Фаусте Гёте, историческом докторе Фаусте и Эмпедокле, следует подчеркнуть слова Доктора: «В историческом Фаусте мы имеем душу Эмпедокла. Гёте переименовал своего Фауста. В Фаусте Гёте отобразился Эмпедокл». Почему же, является вопрос, исторический доктор Фауст не отразил в себе Эмпедокла? Потому что Христово Событие как раз в сильнейших и рельефнейших личностях истории подействовало так, что сила их, цельность их предстала как слабость и не могла проявиться, потенциально таясь в душе. Христово Событие оторвало их от *Volksseele*,⁷ но еще не пронизало до глубины их глубин; и вот: слабый в проявлении Гамлет; и сравнительно с Эмпедоклом незначительный доктор Фауст. В будущем Гамлет (в будущ(их) инкарнациях) разовьется в силу, небывалую даже у Гектора, ибо точка приложения силы изменится. Вот как шло до Христа:

потом

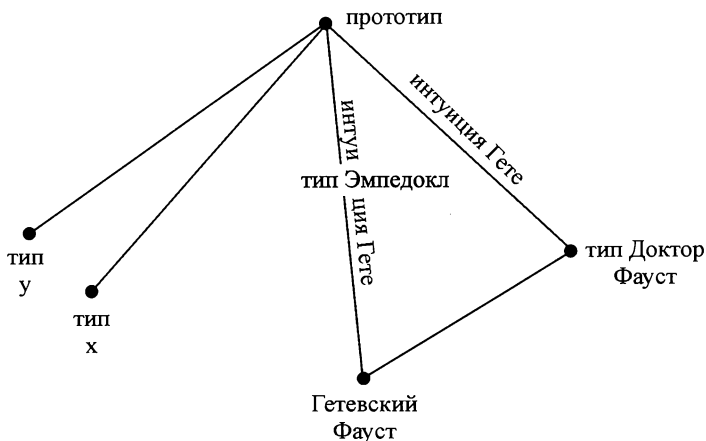

; здесь *Ich* оторвано от прежнего истока сил и еще не наполнилось Христовым Событием; будет же

В каждой высокой индивидуальности всецело будет носима *вся душа народа*.

Почему же Гёте все же *вопреки* историческому выявлению доктора Фауста в своем Фаусте все же правее истории. Потому, что Гёте гений, и за личностью, типом доктора XVI века интуитивно различил *прототип*. Сила гения: в изображаемой исторической личности возойти до *прототипа*, т. е. до неизменного ядра личности, проходящего сквозь все инкарнации. Но раз от данной инкарнации личности возойдешь к прототипу, то невольно с высот прототипических черт заглядываешь попутно и в прошлые инкарнации личности. Так Гёте не только доплеснул до прототипа доктора Фауста, но и *переплеснул* в одну из инкарнаций Фауста, в Эмпедокла. И в Гётевском Фаусте подчас сквозит Эмпедокл, а в проявлениях исторического Фауста *нет* Эмпедокла. Гёте *вопреки* историческим данным дал верного Фауста — Фауста-Эмпедокла; этот последний спал еще в докторе Фаусте; он оживет в будущем воплощении этого доктора.

Видишь, как сложно.

Эта теория об отношении творчества к прототипам и типам в связи с инкарнациями — *гениальна*.

Еще черточка: почему Фауст связался с демонскими силами и с духами элементов? Тут есть прошлое: к этому его нудила в нем бессознательно жившая память об Эмпедокле; но Эмпедокл в Фаусте не просветился еще насквозь *Христовым Событием*; и тянул Фауста к даймонизму *стихий*. Ведь Эмпедокл внятно заговорил о четырех стихиях, о любви и ненависти друг к другу стихий. Говоря о стихиях, он проникся стихиями: говоря о тяготении стихий друг к другу — сам потянулся к стихии, к огню *sic!*, и бросился в Этно — сгореть, соединиться с *стихией огня*. И связался с огнем. Эта связь с огнем в будущем обернулась для него как связь *роковая*: кармой его явился союз с демоническими силами стихий (Фауст). Но духовным же огнем освобождается же Фауст от грозящего ему адского пламени (реминисценция и лейт мотив *sic!* Этны).

Что за красота?

Первые 3 лекции⁸ Ев⟨ангелия⟩ от Марка сплошь потрясают, вопиют, зывают, глаголют.

Ну, Христос с Тобой.

Датируется по содержанию.

¹ 12 сентября 1912 года Иванов уведомлял Э. К. Метнера: «Пишу Вам из Базеля, куда приехал для свидания с Борей» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. № 69). В письме к А. С. Петровскому от 6/19 ноября 1912 года Белый сообщал: «Ты просишь написать об Иванове. Был он у нас; прожили вместе 3 дня. Эмпирически был он страшно мил, уютен, хорош. Тронуло меня его прекрасное отношение ко мне. С трогательностью расспрашивал о Докторе. Сделал ему визит (но Доктор еще не приехал в Базель). Просил разрешения, чтобы ему присылали циклы. Привет его Доктору передал: Доктор сделал светский жест рукой и просил передать в свою очередь ему свой привет» (Андрей Белый. Алексей Петровский. Переписка 1902—1932. С. 234). О встрече с Ивановым в Базеле Белый писал в «Начале века» (с. 360). В свою очередь, Иванов рассказал о встрече с Белым в Базеле, «куда приезжал к нему на три дня», в письме к А. Д. Скалдину от 10/23 октября 1912 года (Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным / Публ. М. Вахтеля // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 10. С. 133).

² 24 сентября / 7 октября 1912 года Белый писал А. С. Петровскому: «Передай Э. К. Метнеру, что я извиняюсь за тревожный тон моего второго письма к нему, ибо оно все „караул“: действительно 3 недели жду ответа *рокового* для меня о деньгах: ни от кого ничего. Остается на 3 дня денег — ни звука (ужасное положение!). Если бы не 25 франков В. Иванова, случился бы с нами невероятный скандал, к тому же *оба* простужены и не у кого занять (ибо никого из теософов в Базеле нет)» (Андрей Белый. Алексей Петровский. Переписка 1902—1932. С. 221).

³ Курс из 10 лекций «Евангелие от Марка» был прочитан Штейнером с 15 по 24 сентября 1912 года.

⁴ Эмпедокл из Агригента (около 490—430 до н. э.) — древнегреческий философ, поэт, врач. Ср. в пересказе этого письма, сделанном Ивановым: «...Штейнер заговорил о том, что литературные типы реальны, и как на примере остановился на Фаусте, которого он назвал Эмпедоклом. (...) Да, Фауст не что иное, как Эмпедокл, отец Гете. В Фаусте Гете изобразил своего отца, не почтенного Негг Гете, а того, который с Гретхен родил его, Гете» (*Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 103*).

⁵ В тексте: в доктора Фаусте, т. е. возможно двойное чтение: как «в доктора Фауста», так и «в докторе Фаусте».

⁶ Иванова Лидия Вячеславовна (1896—1985) — дочь Иванова от второго брака (с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал), музыкант и композитор, мемуаристка (см.: *Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце / Подг. текста и комм. Дж. Малмстада. Paris, 1990; М., 1992*).

⁷ народной души (*нем.*)

⁸ Они состоялись 15, 16 и 17 сентября 1912 года.

38

Иванов — Андрею Белому

12 октября (н. ст.) 1912 года. Монтрё

Montreux, 12 окт(ября) 1912
Hôtel Biensis

Дорогой Боря, спасибо тебе за чудесное письмо и точное изложение пресходной и нужной доктрины; спасибо и за заботу о деньгах, которые только что получил. Не писал тебе, не зная, где вы с конца сентября. Ты, по-видимому, не нашел случая спросить доктора, разрешает ли он мне прочтение его литографированных последних курсов.¹ Если не спросил, — позволь мне настаивать на своей просьбе и надеяться, что спросишь его в Берлине. Если же он отказал, мне нужно знать в точности *как*, и что именно было им сказано. Твое молчание по этому *важному* для меня предмету мне тягостно. Я бы надеялся при этом на откровенность.

— Еду в Рим на следующей (наступающей) неделе. Если это письмо застанет тебя еще в Vitzenuau,² отпиши пожалуйста в Montreux, Hôtel Biensis.³ — Извини, что еще держу брошюры. Мистерии⁴ требуют неоднократного прочтения. Авось они тебе еще не крайне нужны. — В «Труды и Дни», кроме исправлений корректуры моей статьи,⁵ которую мне наконец выслали (первая пропала на почте), — я послал еще Marginalia, по поводу книг Вольфинга, Зенкевича и Гуро.⁶

Пожалуйста, пиши. Не бойся, что адрес устарел; все пересылается sans faute.⁷ Твои письма мне были бы особенно нужны именно в эту эпоху. Обнимаю обоих. Тебе и Асе Вера шлет сердечный привет. Мария Михайловна и Лидия уже в Риме. Братски твой Вячеслав.

⟨На полях:⟩ Милый Боря, пошли же статью Скалдина в «Труды и Дни», если она у тебя.⁸

⟨На полях первого листа:⟩ Боже мой, как залежалось это письмецо. Спасибо Вам, дорогая Ася, за Ваши строки. Спешу послать, как есть. Жду письма Бори.

Целую

Вяч.

¹ Подразумеваются записи лекционных курсов Штейнера, распространявшиеся среди его последователей.

² 17/30 сентября 1912 года Белый писал матери: «...едем из Базеля. (...) Пока же Штейнер едет отдыхать в Италию, а мы работать куда-нибудь в тишину. Мы пока выбрали себе Фирвальдштетское озеро; наметили деревушку в горах (на берегу озера) около Люцерна» (*Малмстад Дж. Андрей Белый в поисках Рудольфа Штейнера. Письма Андрея Белого А. Д. Бугаевой*

и М. К. Морозовой // Новое литературное обозрение. 1990. № 9. С. 141—142). В Фицнау (Швейцария) Белый и Ася Тургенева жили с 1 по 26 октября (н. ст.) 1912 года.

³ 10 октября (н. ст.) 1912 года Иванов писал А. Д. Скалдину: «Пишите в Montreux (Suisse, Vaud), Hôtel Biensis (...) Другим давайте старый адрес: Лозанна, до востребования. Оттуда мне все пересылают. Скоро еду в Рим» (Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным. С. 128). Однако, 5 ноября (н. ст.) он писал ему же: «Болезнь и задержала меня так долго в Montreux, и все еще не позволяет отжаться на довольно утомительное путешествие в Рим, где уже ждет нас квартира; Маруся и Лидия уже на новоселье. (...) однако в субботу, на другой день после именин Димы, рассчитываю все же выехать (Вера с Димой и нянькой тронутся через несколько дней после меня)» (Там же. С. 136).

⁴ Имеются в виду три «мистерии» Р. Штейнера — «Врата посвящения» («Die Pforte der Einweihung», 1910), «Испытание души» («Die Prüfung der Seele», 1911), «Страж Порога» («Der Hüter der Schwelle», 1912). Четвертая, «Пробуждение души» («Der Seelen Erwachen»), была написана им в 1913 году. В письме к А. Д. Скалдину от 5 ноября (н. ст.) 1912 года Иванов сообщал: «В мистериях, недавно им сочиненных, трагически изображено, как на своем пути душа призванного впадает на долгие сроки во власть Люцифера и Аримана... и как ее дело может продолжаться плодотворно и в эти сроки пленения... и как, наконец, она освобождается от своих временных владык... как неуловимо тонок, как многообразен, как прельстительно высок и прекрасен бывает этот плен — а как бессилен он против одного... неутомимого, беззаветно-верного стремления человеческого духа вперед, всегда вперед. Мне кажется, что в эти изображения поэт (потому что в этих стихотворных мистериях вспыхивает порой настоящая поэзия) вложил много автобиографического» (Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным. С. 139).

⁵ Имеется в виду статья Иванова «Манера, лицо и стиль» (Труды и дни. 1912. № 4/5. С. 1—12).

⁶ См.: Marginalia. Вольфинг, «Модернизм и Музыка» — Зенкевич, «Дикая Порфира» — Гуро, «Осенний Сон» (Там же. С. 38—45).

⁷ безошибочно (*фр.*)

⁸ Имеется в виду статья «Затемненный лик (По поводу книги В. В. Розанова «Метафизика христианства)» поэта и прозаика Алексея Дмитриевича Скалдина (1889—1943), опубликованная в тетради первой и второй «Трудов и дней» за 1913 год (с. 89—110). Она была рекомендована журналу Ивановым, но долго обсуждалась в редакции. Еще 3 апреля Метнер писал ему: «Забыв сказать о статье Скалдина. Там есть два-три афоризма, меня смущающие... эстетически. Напр(имер), о мужском семени. Дал прочесть Киселеву и Петровскому» (РГБ. Ф. 167. Карт. 24. № 11. Л. 5). 1 июня он уточнял: «...*против* Скалдина целый хор в *Musagete*; поэтому я и отправил статью Бугаеву. (...) Если Бугаев не выразит никакого протеста, то статья пойдет целиком» (Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 337; приводится нами с исправлением по рукописи). 12 сентября (н. ст.) Иванов в очередной раз напоминал: «Статья Скалдина должна непременно идти в силу условия, по кот(орому) о ее годности сужу я. А т(ак) к(ак) я сказал автору, что она идет, то я связан, и его статья — моя статья» (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. № 69). В приписке к этому письму Белый сообщал о своем решении: «Считаю необходимым напечатание статьи Скалдина». 13/26—14/27 сентября Метнер упрекал Белого: «Неужели не было 10 минут времени прочитать статью Скалдина и вернуть ее „Musagety“ со своим заключением? (...) *Вас* запрашивали о статье! В частности, о Скалдине! *Вы* упорно молчали!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. № 28). Одновременно он объяснялся с Ивановым: «Статья Скалдина была взята Бугаевым с собой за границу и до сих пор продержана. Вопрос об ее помещении вовсе не подымался. Шла речь о двух-трех местах статьи (...) Бугаеву было предоставлено как Редактору окончательно решить судьбу этих мест. К сожалению, Бугаев ничего не сказал в своей приписке к Вашему письму об этих местах...» (Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 283; цитируется с исправлением по оригиналу). И еще через две недели: «Скалдина Бугаев все еще не присылает» (Там же. С. 288; письмо от 1/14 октября 1912 года). После этого упоминания о статье пропадают: очевидно, Белый послал ее в редакцию.

39

Андрей Белый — Иванову

18 ноября 1912 года. Дегерлох близ Штутгарта

Дорогой, глубоколюбимый друг!

Прости меня за долгое молчание. Судьба закинула нас в Штутгарт,¹ где только недавно получил Твое письмо, посланное в Фицнау.

Прежде всего: по вопросу о циклах. Я должен пред Тобой покаяться; вот что произошло. Разговор о циклах должен был быть во время свидания с

Доктором, который нас принял в конце базельского цикла: на приеме был хвост народу. И, приняв, Доктор тотчас же стал первый говорить о наших схемах и чертежах, так что я все ждал времени заговорить;² Доктор на этот раз был столь активен, что вместо того, чтобы слушать, как часто он это делает, все сам спрашивал: «Это что, это что?» на рисунки и чертежи. Асе и мне пришлось вроде как бы сдавать экзамен профессору: так прошло 1 ½ часа, и тут Доктор опять-таки стремительно прикончил наше свидание (через 2 часа начиналась лекция, а его еще ждал хвост просителей). На последней лекции я его поймал и передал ему, что Ты просил меня передать; он очень по-хорошему улыбался и просил Тебе передать привет, но едва я хотел заикнуться о циклах, как его оторвали.

Я страшно досадовал.

Тут лекции кончились; Доктор поехал в Италию;³ мы — в Фицнау.

Скоро, при свидании в Мюнхене, спрошу его (с Базеля мы его не видим); и тотчас же напишу Тебе (только куда?).

Из Фицнау я должен был с Асей ехать в Берлин, но получили мы известие, что 25 ноября Доктор читает 4 лекции в Мюнхене. Между тем одна из лучших учениц Доктора, голландка (очень глубокая, активно работающая по астрологии, автор многих эзотерических трактатов), пригласила нас в Штутгарт вместе работать.⁴ Работа, данная Доктором, оказалась столь сложной, что *реального* свидания с ним еще не назрело.

И вот мы решили: месяц прожить в Штутгарте (верней, за Штутгартом) и только 25 ноября ехать на 5 дней в Мюнхен (на свидание и на лекции),⁵ чтобы потом уже ехать в Берлин.

Вот причина моего молчания о курсе.

Как радостно было мне получить Твое письмо! Как дорога мне связь с Тобою, которая — нерушима. Странно: Эллис, столь далекий от Тебя, сейчас (все время) нежно Тебя любит и очень много думает о Тебе;⁶ у него какие-то очень *реальные* видения о будущем, о России, о том, что в России сейчас *только* три: Ты, Блок, Мережковский, и о том, что, конечно, не *тетки*,⁷ теософия и т. д., будет в России, а будет в России *другое*, где русские символы — эти странники, ищущие Града, — в будущем явят новый и слепительный Лик.

Часто думаю о Тебе и о Блоке. Спасибо за статью в «Тр(уды) и Дни».⁸ Я тоже написал две статьи;⁹ буду много писать.

Пока необходимо «Труды и Дни» сохранить.

Сижу, по уши погруженный в романе,¹⁰ в работе Доктору, вдали от города (оттого-то и письмо Твое с *poste-restante* в Штутгарте получил позднее).

Страшно увлекаемся балканской войной.¹¹ Разве война эта — не чудо?

Хочется сказать Тебе о базельском цикле. Это был — громовой удар. Была взята какая-то новая, в высшей степени тревожная нота. Многие были почти этим курсом раздавлены.

Страшная нота курса — ученики *не поняли* Христа; поняли лишь потом в духе; человечество до сих пор тоже Христа не поняло: лишь теперь начинается заря понимания. Вследствие непонимания (могущего и не быть) *что-то* отклонилось от намеченного пути: положение мира *хуже*, чем думают.

Но факт остается фактом; и ученики не поняли Его, а... могли бы, могли бы... Вот нота курса. И заключительные слова предпоследней лекции таковы.

Римляне не поняли, что Христос знаменует новую эру... Иудеи, что он — сын Давидов... Ученики... трех избранных берет он в сад Гефсиманский... Не пред Крестом трепетал Он, а пред нетвердостью учеников; переживут ли они с Ним Голгофу? И тогда-то сказал: «Да минует час сей» (*час сей* относился к ученикам).¹² Трижды в саду удалялся от них Он. И трижды они засыпали. И сказал им Христос: «Пришел час».¹³ Он же был одинок: в одиночестве был он должен идти на распятие: избранные не могли с ним идти. Время не поняло. Чаша сия не прошла его (sic!) мимо (9-ая лекция).

Ну, Христос с Тобой. Ася приветствует Тебя и Веру Константиновну. Вере Константиновне, Марии Михайловне мой привет. Адрес с 25—28: München. Postlagernd.

⟨На полях первого листа:⟩ Чрез неделю уезжаем: с 24—29 адрес München. Postlagernd. После — верно, в Берлин.

Датируется по почтовому штемпелю: Stuttgart. 18.Nov.12. Письмо было послано в Лозанну (почтовый штемпель: Lausanne. 19.XI.12), оттуда в: Hôtel Bien Sis (sic!), Montreux (почтовый штемпель: Montreux. 19.XI.12), а затем в: 18 Piazza del Popolo. Int. 6. Roma (почтовый штемпель: Roma. 20.11.12).

¹ В Штутгарт (вслед за немецким написанием, Белый все время удваивает «т» в середине слова) они с Асей Тургеневой приехали 26 октября (н. ст.) 1912 года.

² Ср. в письме к А. С. Петровскому от 6/19 ноября 1912 года: «А о циклах, я, признаться, на свидании, не спросил: было масса народу, мы с Асей должны были скорей дать отчет; и под конец заторопились (отняли у Доктора полтора часа, когда вечером лекция и еще посетители)» (Андрей Белый. Алексей Петровский. Переписка 1902—1932. С. 234). См. запись Белого в перечне «Свидания с Доктором»: «1912 год. (...) 5-ое свидание. 24 сентября. Подробный отчет Доктору о ходе работы. Одобрение Доктора. Присоединил к 3 медитациям четвертую. И задал работу. Базель» (Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 9. С. 471). См. также запись о сентябре 1912 года в «Ракурсе к дневнику»: «Отчет доктору Штейнеру о работах, ответственный разговор с ним и огромные знания от этого разговора (кстати: первая встреча с К. Н. Васильевой в комнате у Штейнера)».

³ 2 октября 1912 года Р. Штейнер покинул Базель и отправился в Дорнах (Швейцария), а затем 11 октября в Италию. 28 октября он выехал из Милана в Цюрих и Берлин.

⁴ После приезда в Штутгарт Белый и Ася Тургенева переехали в Дегерлох (под Штутгартом), где жили у Иоганны Поольман-Мой (Po(o)lmann-Mou; 1874—1953), голландской теософки и ученицы Штейнера, автора эзотерических и космологических сочинений, опубликованных под псевдонимом «Intermediarius»; в 1912—1913 годах она была спутницей жизни Эллиса; в 1913 году отошла от антропософии. 10/23 октября 1912 года Белый писал матери: «Работа Доктору разрастается у нас с Асей; кроме данных Доктором *правил*, мы ему сдаем кое-что: вроде уроков. И вот: Доктора нам нет смысла видеть ранее ноября, ибо ранее ноября не постеет работа. Мы же едем в Штутгарт, потому что нас зовет заниматься с нами одна из лучших учениц Доктора. (...) Через три дня мы уезжаем отсюда (...) Нам уж там за городом приискана комната, около леса, на горе и рядом с Frau Pulmann, той дамой, которая нас зовет и которая так много нам помогает разбираться во многом и сложном. Из Штутгарта тотчас же напишу» (Малмстад Дж. Андрей Белый в поисках Рудольфа Штейнера // Новое литературное обозрение. 1990. № 9. С. 145—146).

⁵ Белый и Ася Тургенева находились в Мюнхене с 24 до 30 ноября (н. ст.) 1912 года, затем переехали (через Нюрнберг) в Берлин. В хронике жизни и деятельности Штейнера зафиксирована всего одна его лекция, 28 ноября (*Lindenberg Ch. Rudolf Steiner. Eine Chronik 1861—1925. Stuttgart, 1988. S. 323*).

⁶ В это время Эллис также жил в Дегерлохе у Поольман-Мой: «Ряд ответственных бесед с Эллисом и Поольман-Мой; те же напряженнейшие медитации» (Ракурс к дневнику, ноябрь).

⁷ О «тетках» (из числа последовательниц Штейнера) Белый писал: «...соединение сектантства с паразитическим отсутствием интересов к чему бы то ни было, кроме Штейнера, характеризовало тот тип теософов, которые были прозваны „теософскими тетками“; и характеризовала тот тип удивительная любовь к сплетням (мистическим, оккультическим, просто житейским). Да, „тетка“ есть тип: подавлял он количеством (...) „тетка“, так сказать, выступала наружу при первом знакомстве с движением Штейнера (...) Этот тип теософки, всегда появля-

ся на авансцене движения перед новичками, годами отпугивал от движения многих искренно и глубоко подходящих: воистину: выдержать „тетку” и не сбежать — есть победа над искусом» (*Белый Андрей*. Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Общ. ред. В. М. Пискунова; сост., комм. и послесловие И. Н. Лагутиной. М., 2000. С. 652—653; см. также с. 309—310).

⁸ Подразумевается статья Иванова «Манера, лицо и стиль». См. п. 38, прим. 5.

⁹ См.: *Белый Андрей*. 1) Линия, круг, спираль — символизма // Труды и дни. 1912. № 4/5. С. 13—22; 2) Круговое движение (Сорок две арабески) // Там же. С. 51—73.

¹⁰ Речь идет о переработке первых пяти глав «Петербурга». Ср. запись Белого о ноябре 1912 года: «Перерабатываю „Петербург” (написанное) в окончательн(ую) редакцию» (Ракурс к дневнику).

¹¹ Имеется в виду первая Балканская война между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) и Турцией, начавшаяся 9 октября 1912 года.

¹² «И взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно (<...> И, отошед немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей» (Мк. 14: 33—35).

¹³ «И приходит в третий раз и говорит им: вы всё еще спите и поживаете? Кончено, пришел час: вот, предается Сын Человеческий в руки грешников» (Мк. 14: 41).

40

Андрей Белый — Иванову 18 декабря 1912 года. Берлин

Дорогой Вячеслав,

только что получил письмо Э. К. Метнера,¹ в котором сообщается о Твоем демонстративном отказе принимать ближайшее участие в «Тр<удах> и Днях» из-за перемены курса журнала в связи с моей «теософией».

1) Уведомляю Тебя, что направление Журнала осталось неизменным.

2) Что я не редактирую оный, а числюсь сотрудником.²

3) Что мое пребывание у Доктора Штейнера есть мое *Privat-Sache*³ и что оно не отражается на моих статьях.

4) Что я еще в бытность мою Редактором выставил просьбу Журналу не касаться проблем теософии и Штейнера, т. е. я был против теософирования и за символизм.

5) При нашем личном свидании в Базеле Ты меня *не уведомил* о Твоем намерении.

Считая эту Твою демонстрацию без предупреждения меня заранее (ни при личном свидании, ни в письме) *странной и обидной*, я тем не менее прошу Тебя вернуться и числиться ближайшим сотрудником Журнала *ввиду моего полного устранения от редактирования*.

Остаюсь глубоко Тебя любящий, преданный и... недоумевающий

Борис Бугаев.

P. S. Мой искренний привет Вере Константиновне и Марии Михайловне. От Аси привет.

P. P. S. Уведомляю Тебя, что 3 мистерии Доктора и книга, у Тебя имеющаяся, распространяемы лишь в *О<бщест>ве*; поэтому я полагаюсь на Тебя, что Ты о них писать подробно нигде не будешь.

Тот факт, что мистерии и находящаяся у Тебя книга причислены к разряду интимных, мы узнали только после того, как передали Тебе.

Мой адрес.

Berlin. Scharlottenburg 27. Luther Strasse 27. Pension Wegner (II Stock).⁴

Датируется по почтовому штемпелю: Berlin. 18.12.12. Письмо было отправлено в Лозанну (почтовый штемпель: Lausanne. 19.XII.12 и 20.XII.12), а оттуда на римский адрес Иванова (почтовый штемпель: Roma. 21.12).

¹ Имеется в виду письмо Метнера от 16/29 ноября 1912 года, в котором он сообщал Белому: «Не удивляйтесь тому, что сняты имена ближайших сотрудников и они проставлены в общем списке. Вячеслав, вследствие неминуемого „сдвига платформы“ (как он выражается), просит снять свое имя как „ближайшего“; *заменить* Вячеслава Эллисом и поставить рядом Блока и Эллиса, значит констатировать „сдвиг“, *какой-то* сдвиг; кроме того, надо запросить Блока и 〈не?〉 поставить его в неприятное положение, если он не найдет возможным стать рядом с Эллисом вместо Вячеслава; самое лучшее снять вовсе всех ближайших сотрудников» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. № 6).

² В № 4/5 «Трудов и дней» за 1912 год появилось оповещение: «Андрей Белый намеревается остаться за границей на неопределенное время; поэтому, сохраняя за собой права и обязанности члена литературного комитета издательства *Musaget*, он вынужден отказаться от редактирования *Трудов и Дней*, так как эта работа издалека, в особенности при частых переездах, сопряжена для него с большими внешними неудобствами» (с. 149).

³ частное дело (нем.)

⁴ Белый и Ася Тургенева находились в Берлине с 1 по 27 декабря 1912 года. 27-го они выехали в Кёльн, где Штейнер читал (с 28 декабря 1912 года по 1 января 1913 года) курс из пяти лекций «Бхагавадгита и послания апостола Павла». Около 5 января (н. ст.) 1913 года вернулись в Берлин. Десять лекций Штейнера на тему «Жизнь между смертью и рождением в соотношении с космической реальностью» («Das Leben zwischen dem Tode und der neuen Geburt im Verhältnis zu den Kosmischen Tatsachen») были прочитаны в Берлине 5 и 20 ноября, 3, 10 и 22 декабря 1912 года, 7 и 14 января, 11 февраля, 4 марта и 1 апреля 1913 года.

41

Иванов — Андрею Белому

9/22 декабря 1912 года. Рим

22/9 дек. 1912

Дорогой Боря,

Я полагал, что редакция сообщит тебе *подлинный* текст моего официального ответа на редакционный запрос. Так как этого не случилось *своевременно*, и *вообще* не случилось, а содержание моего письма передано, очевидно, столь неполно и сбивчиво, что ты говоришь о моем «*демонстративном* (?) отказе принимать ближайшее участие в Т〈рудах〉 и Д〈нях〉 из-за перемены курса журнала в связи с *твоей* (!!!) теософией», — то я исполняю дело редакции и доставляю тебе точную копию с документа, о котором идет речь. Это избавляет меня от необходимости отвечать на твои упреки — *справедливые* при условии *точности* вышевыписанного резюме! — ибо я рад говорить с тобой о том, что мною написано, а не о том, что мне приписано. В Базеле мы говорили и о твоей теософии, и о курсе журнала. Солидарность была установлена. Речь идет, следовательно, вовсе не о *твоей* теософии. Помню даже, я раз писал Э〈милию〉 К〈арлови〉чу, на вопрос о желательности теософических статей, — что подписанные Белым, конечно, желательны. Новый факт есть редакционный запрос о ближайшем сотрудничестве Эллиса. С Эллисом я свиданий не имел и солидарности не устанавливал. Для меня его ближ〈айшее〉 участие, как определяющий фактор в направлении журнала, есть х. Только х. Я ничего достоверно не *знаю* даже о «новом курсе»... При этих условиях мне логически ничего не остается, как вотировать «нет» или устраниваться самому. Здесь нет ничего демонстративного: я не могу набум подписываться единоверцем лиц, с которыми не имею даже сношений. *Ясное дело путать нечего*. Притом в письме разъяснено, что отказ этот только отказ от прав и от ответственности, а не от работы; отказ от ничего не значащего ти-

тула, а не от обязанностей. Итак, я считаю себя сделавшим все от меня зависящее, чтобы не помешать реально ближайшему участию Эллиса и в то же время не оказаться в ложном положении самому.

Обнимаю тебя. Сердечный привет Асе. Счастливых Святков! Напишу о другом и лучшим скоро. Вячеслав.

К этому письму присоединена копия письма Иванова к Э. К. Метнеру. Она написана рукой М. М. Замятиной с поправками Иванова (оригинал опубликован (со значительными неточностями) В. В. Саповым: Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 289—292). По сравнению с оригиналом в копии, которую мы печатаем ниже, сделаны незначительные сокращения.

Копия

Рота 15/2 Ноября 1912.

Дорогой Эмилий Карлович,

В. Ф. Ахрамович¹ пишет мне: «Эмилий Карлович поручил мне известить Вас о желании Эллиса значиться в числе *ближайших* сотрудников; если Вы будете иметь что-нибудь против, известите об этом Эмилия Карловича Метнера; неполучение от Вас ответа будет истолковано редакцией как согласие».

Даю на этот вопрос следующий ответ: формула: «журнал Z издается под редакцией А, при ближайшем участии В и С», — имеет в моих глазах единственный смысл, что А, В и С совершенно солидарны между собой относительно общего направления и духа журнала; В и С несут ответственности за частности, не окрашивающие собою общего направления, но все, определяющее характер, тенденцию, «платформу» издания, ложится и на их ответственность.

Правда, бывают случаи чисто декоративного упоминания чьего-либо имени под рубрикой *ближайшего сотрудничества*; но к «Трудам и Дням» и к роли в них моей и Блока это не применимо, так как журнал с самого начала выступил как бы с манифестом того символизма, активными деятелями которого являются лица редакторов и ближайших сотрудников.

Предположим теперь присоединение к кругу А, В и С нового лица D. Ясно, что оно должно стоять в отношении *той же* солидарности к коллективу и к отдельным членам по вопросу о направлении журнала, какая установлена между А, В и С. Ваш вопрос о J. J. Эллисе (sic) обрабатывается, следовательно, в вопрос: «Солидарен ли я с Эллисом по вопросу о направлении журнала в той же мере, в какой солидарен с Вами, Андреем Белым и Блоком?» Что же могу я ответить на этот вопрос? Так как я не говорил с Эллисом и не переписывался с ним, то я должен ответить: «Не знаю». Другими словами: D = X.

В самом деле (и оставляя совершенно в стороне отношения личные), я знаю лишь, что в некоторую отдаленную эпоху Эллис был моим *принципиальным* антагонистом. Не важно, что я склонен был считать этот антагонизм в значительной мере недоразумением и не был бы в состоянии определить точно пункты расхождения: важно то, что Эллис провозглашал себя антагонистом. После краткого промежутка началась новая, вторая эпоха его антагонизма (опять-таки говорю не о личной враждебности, но о некоем возмущении, имевшем в глазах самого Эллиса характер *принципиального* протеста). Она, эта эпоха, быть может, также отошла в прошлое, так как Эллис теперь поднял другое знамя; и в каком свете представляюсь ему я с этой новой его позиции, я не знаю... Возможно, что он считает мою идейную почву для себя не вовсе нечистой, так как не боится «ближайшего сотрудничества» вместе со мной; но я-то не могу выражать своего согласия на присоединение *неизвестной* величины, ибо таковое было бы лишь проявлением моего *индифферентизма*.

Итак, не будучи в сношениях с Эллисом, не могу и сказать, солидарен ли в вопросе о «Трудах и Днях» с *теперешним* Эллисом или не солидарен.

Прибавлю, что живя Бог знает где и лишенный возможности непосредственных сношений с редакцией, числюсь ближайшим сотрудником *по доверию* к Вам, Белому и Блоку и на основании первоначального идейного соглашения. С Эллисом у меня не было ни соглашения, ни общей почвы, связывающей нас взаимным доверием. Фактически же Эллис именно в постоянных и непосредственных сношениях с редакцией; мое «ближайшее сотрудничество» делается, следовательно, чисто декоративным.

Итак, *теоретически* редакционный вопрос, мне поставленный, *неразрешим* (ибо D = X); на личную почву становиться я не хочу; а *практическое* разрешение все же безотлагательно нужно. И здесь дело до чрезвычайности упрощается.

Не изменяя ни в чем своего реального отношения к «Трудам и Дням», оставаясь их ревностным сотрудником — в меру желаний редакции, я решил (и в этом смысле делаю Вам категорическое заявление) выйти из числа *ближайших* сотрудников. Итак, покорнейше прошу Вас не поминать моего имени рядом с именем Блока в качестве сотрудника «ближайшего». Это снимает с меня ответственность за тот сдвиг платформы, который совершается в журнале, журнал же этим не лишается ни одной моей строки, ни одного совета, которым бы он дорожил... А что сдвиг совершается, очевидно из самого факта кандидатуры Эллиса как ближайшего сотрудника.

Как мне представляется этот сдвиг? Здесь я могу говорить лишь *гадательно*, за отсутствием точных сведений. Полагаю, — скорее предполагаю, — что Боря и Эллис хотят проводить в

«Трудах и Днях» доктрину Штейнера и применить точки зрения этой доктрины к обсуждению вопросов искусства в частности и культуры вообще. Другими словами, придать журналу такую же окраску Штейнерьянства, какая характеризует, по-видимому, издательство «Духовное знание».² Если это мое *предположение* правильно, то мы имеем дело прежде всего с *новым самостоятельным планом* и заданием, о котором также ничего не могу сказать, это — х, потому что такой план *со мной* не обсуждался. К доктору Штейнеру не скрываю своих симпатий (симпатий скорее интуитивных, нежели рациональных).³ Штейнерьянство этих симпатий, напротив, во мне не возбуждает: разумею движение на Западе. Но что такое Штейнерьянство Белого и Эллиса, опять-таки *вовсе еще не знаю*. *Символизм же мешать со Штейнерьянством заведомо не хочу*. Мой «символизм» (говорю о теориях) есть теория *только* эстетическая.

Теософические опыты с искусством (в лучшем смысле слова) мне не симпатичны. Не приходит ли мой черед сказать: «*ars ancilla theologiae (aut theosophiae) ne esto*»?⁴ Во всяком случае, в идейные авантюры я не пушусь и *ответственность* за модификацию символических учений в теософическом смысле нести не хочу.⁵ Этим объясняется мой выход из «ближайших» сотрульников. Нет, я останусь верен искусству и, в то же время, мистике, как я ее переживаю. А что будет из их начинания, сначала погляжу на это со стороны — и, быть может, первый буду горячо сочувствовать им и даже, в случае надобности и по мере сил, помогать. Но сначала нужно знать, что это такое. —

Итак, прошу Вас, определено и решительно, снять с меня ответственность ближайшего сотрудничества.

Вяч. Ив(анов)

Адрес мой: Signor Venceslao Ivanov piazza del Popolo 18, int. 6, Roma.

¹ Ахрамович (Ашмарин) Витольд Францевич (1882—1930) — литератор, сменил А. М. Кожебаткина в должности секретаря издательства «Мусагет», впоследствии большевик, деятель советской кинематографии. 13/24—14/27 сентября 1912 года Метнер писал Белому: «По Вашему желанию я устранил от секретарства Кожебаткина и назначил Ахрамовича, которого Вы сами хотели. Если Ахрамович не годится, то предложите другого секретаря; я не знаю, кто станет работать с такими капризными хозяевами за 50 р. в месяц как секретарь и журнала и издательства» (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. № 28).

² Московское издательство антропософского направления. См. о нем: *Maydell R. von. Vor dem Thore. S. 223—229.*

³ 5 ноября (н. ст.) 1912 года Иванов писал А. Д. Скалдину: «...сам Шт(ейнер) идет вперед и растет, что сам он *im Werden* (в становлении). И идя — ведет с собой; приняв на себя великую ответственность. В этой глубоко им сознаваем(ой) ответственности его величие, величие трагическое. Кажется ли мне он „слепым вождем слепых“? Это вопрос интуиции. Я бы ответил на него так: Штейнер уже возрос до великой силы и великого света. Он преодолел огромные искращения. Он, как Израиль-богоборец, добыл Благословение. Он прильнул к ногам Христа. (...) Сильному и верному нечего бояться ученичества у Штейнера. Вы видите, что *теперь* я его даже *люблю*. А уважал всегда. Но, тем не менее, я опасаясь, что движение штейнерианства, община учеников доктора (не о нем самом говорю, а о его приверженцах) заблудится, уйдет на ложные пути, принесет вред (что будущность ей обеспечена, я не сомневаюсь). Дай Бог, чтобы эти опасения не оправдались» (Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным. С. 138—139).

⁴ Да не будет искусство служанкой теологии (или теософии) (*лат.*).

⁵ Рядом с этой фразой, отчеркнув ее по полю листа, Иванов поставил «NB!» и сделал следующую приписку к Белому: «Вот тебе, мой милый, со всею прямотой; но, повторяю, что вызван этот протест против возможных уклонов художественного символизма, *не фактом* твоего ученичества у Доктора, но кандидатурой Эллиса, которого знаю за фанатического моноидеиста во всем».

42

Андрей Белый — Иванову

Середина января 1913 года. Берлин

Дорогой Вячеслав,

С русским новым годом! Получил Твое письмо: вполне понимаю его и прошу меня извинить за мой неосведомленный вопрос Тебе; если бы «*Мусагет*» сообщил мне заранее резоны Твоего отказа, то, конечно, я не написал бы и моего вопроса. Но наша разъединенность внешняя друг с другом и с

«Мусагетом» + некоторое неряшество «Мусагета» (впрочем, во всех Редакциях она — то же) по части письменных ответов тому причиной. Видишь: все сместилось; я — не редактирую «Тр<удами> и Днями» <sic!>; все сотрудники оказались *ближайшими*¹ и т. д.

Читал ли Ты письмо Степпуна мне?² Считаю тон его вполне *неприличным*; с содержанием же согласен; и не будь тон *неприличен*, я воспользовался бы этим письмом как предлогом к интересной полемике; но на фразу, будто я «актер на авансцене своей личности»,³ сказанную в более грубой, некультурной форме безобидным Тищенко в январе 1909 года, Ты помнишь, как я реагировал?⁴ Теперь 1913 год; мы все не те, а я — тем более; и реагировать на письмо Степпуна я не буду никак:⁵ я даже ни словом не займусь Редакции, что с ее стороны *для внешних* мой уход от Редактирования, сопоставленный с *Письмом* в том же №№ журнала, истолкуют как демонстрацию. Этого «Мусагет» не понял.

Что касается Эллиса, то он очень просит Тебе передать, что он абсолютно *не-теософ* в том смысле, в каком Тебе угодно его считать, что он намерен в журнале писать на темы, связанные с символизмом, что с Твоими статьями он согласен *вполне*; я готов присоединить с своей стороны следующее: Эллис еще менее теософ, чем я. А максимум моей *теософской* платформы, далее которого я не пойду, в резко манифестационной форме уже изложен в статьях № 4—5 «Тр<удов> и Дней». ⁶ И не думаю, чтобы я был бы уже столь «*теософичен*» в этих статьях, чтобы быть абсолютно неприемлемым для Тебя. Впрочем, я прегрешил, процитировав строки из мистерии Доктора,⁷ которые уже вызвали отповедь Степпуна, что строки эти есть «*пошлость*»...⁸ И на это я не стану возражать по вышеизложенным мотивам. Обещаю впредь не цитировать мистерий и быть вполне не только символическим, но и *культурным* (серiously). А Эллис *еще менее* теософ...

Так что и Твои боязни, и Твой уход, и мобилизация анти-теософская «Мусагета» суть *мобилизации*, не оправданные действиями балканских государств.

Впрочем, жаль, что мы, «*символисты*», дробимся: Ты нас с Эллисом, кажется, уже вычеркнул из списка *символистов*; я продолжаю думать, что я *символист*; но посмотри: Гумилевы громят символизм,⁹ В. Иванов заподозривает символизм символиста Белого, сам оказываясь между «Аполлоном» и «Теософией». А А. Белому может казаться, что В. Иванов из преувеличенной боязни впустить в чистоту своей программы смутности *беловской* теософии, что В. Иванов готов лучше соединиться со Степпуном и Гумилевым, чем допустить, что у Доктора Штейнера может найтись хоть одно место, которое сближало бы его «*человеческую мудрость*» (антропософию) с канонами символизма.

Может быть, Тебя смущает наша принадлежность к «*Теософическому Обществу*»? Но, дорогой друг, оба мы вместе с Германской Секцией вышли из «*Теософического Общества*»,¹⁰ так что и формально мы не *теософы*, а *антропософы* (чуть ли не антропологи?). А определение задач *антропософии*, данное Доктором в последнем курсе — новый шаг в сторону культуры, искусства мира и жизни, так что мне, символисту, столь же легко, оставаясь символистом, быть «антропософом», сколь и «*культуртрегор*» <sic!>. Ведь с «*культурой*» мы миримся — не так ли? Отчего же не мириться с *человеческой мудростью*, дающей *carte blanche* творчеству?

Так что считаю опять: демонстрация Твоего выхода и боязнь за чистоту журнала есть плод недоразумений. Впрочем все это — мелочи: и, конечно, дело не в этом.

Наконец могу сказать совершенно определенно: Доктор скорей отклонил, чтобы я посылал Тебе курсы;¹¹ дело вовсе не в Твоей неподготовленности (кто станет об этом говорить), а просто в том, что *по принципу* Доктор настаивает на том, что читающий его курсы должен быть лично *ведом* ему в человечески-конкретном смысле: отвлеченно Доктор Тебя знает, по рассказам, как замечательного человека и гениального поэта. Но *оккультизм* (слово Доктора) требует еще чего-то: в данном случае еще личного знания Тебя *им*, Доктором, ибо в курсах есть *штрихи* чисто оккультные; и тут нужна гарантия: либо состоять членом Антропософ(ического) О(бщест)ва, либо лично быть знакомым и т(ак) д(алее) Доктору; было столько случаев вокруг Доктора, когда *нечто*, сообщаемое интимно, переходило за положенную черту, вызывая ряд недоразумений, что Доктор теперь *принципиально* против чтения курсов не состоящими в антропософическом о(бще)стве. Так на мою просьбу посылать курсы Тебе он ответил уклончиво: уклончивость ответа я прочел как *нежелание* его, чтобы я посылал. И пойми, любимый друг: уклончивость относилась не к Тебе, а к самому принципу чтения курсов не *членами* О(бщест)ва.

Он вообще к очень многому относится формально-строго, и я знаю доподлинно: он говорил про А(нну) Р(удольфовну), считая ее *своей ученицей*, что А(нна) Р(удольфовна) не имела *ни власти, ни права* передавать иное из того, что она передавала посторонним для Доктора (Тебе и мне в ту эпоху); еще *менее* имела она право передавать медитации, которые дает Доктор, ибо неверное пользование ими ведет к *неисчислимым* следствиям, и дающий медитацию ответственен за все последствия, ими вызываемые в организме пользующегося ими; этой ответственности, по мнению Доктора, у А(нны) Р(удольфовны) не было; и отсюда *вред* для нее и для других пользоваться ими. Приблизительно на подобных же основаниях, сложных и непередаваемых в письме, Доктор принципиально считает нежелательным распространение его курсов его учениками за горизонты, так сказать, Доктора.

Милый, вот резюме мнения Доктора.

Остаюсь искренне любящий Тебя

Борис Бугаев.

Ася приветствует Тебя и Веру Константиновну; мой привет Вере Константиновне, Марье Михайловне, Лидии. Адрес. Berlin. Scharlottenburg. Luther-Strasse № 27. Pension Wegner.

(На полях:) P. S. Милый, не пришлешь ли *мистерии* и книжку Доктора?

P. S. Дорогой Вячеслав, еще напоминаю: мистерии изданы как книги, но в продаже *вне* О(бще)ства их нет, так что для нечленов нельзя их ни распространять, ни их касаться в статьях: выдержки из мистерий в моей статье были написаны в эпоху, когда я не знал, на каком основании напечатаны мистерии.

¹ Начиная с № 4/5 «Труды и дни» выходили в следующем оформлении заглавия: «Труды и Дни. Двухмесячник издательства „Мусагет“ при ближайшем участии (список сотрудников). Редактор — Эмилий Метнер».

² Статья «Круговое движение (Сорок две арабески)» в № 4/5 «Трудов и дней» за 1912 год, важнейшая для понимания духовных исканий Белого этого времени, содержит резкие нападки на неокантианство; она вызвала возмущение редакторов журнала «Логос» Яковенко, Степуна и

Гессена. «Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи „Круговое движение”» Степуна было опубликовано сразу после «арабесок» Белого в том же номере «Трудов и дней» (с. 74—86). Перепечатано: *Степун Ф. А. Соч. / Сост., вступ. статья, прим. и библиография В. К. Кантора. М., 2000. С. 807—816*; Андрей Белый: *pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников: Антология / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2004. С. 342—353.*

³ Степун писал: «Вы же ежегодно меняете свою философскую точку зрения и ежегодно оповещаете читающий мир о свершившемся в Вас превращении. *Но нельзя публично жить на авансцене своей личности. У авансцены расположена суфлерская будка. У суфлерской будки говорят чужие слова*» (Труды и дни. 1912. № 4/5. С. 86).

⁴ См. п. 12, прим. 6. Тищенко Федор Федорович (псевд. Тарасенко; 1858—?) — украинский писатель.

⁵ Тем не менее в следующем № 6 (ноябрь—декабрь) за 1912 год Белый опубликовал «Ответ Ф. А. Степуну на открытое письмо в № 4—5 „Трудов и Дней”» (с. 16—26). В конце своего письма он привел пассаж, процитированный в прим. 3 к наст. п., и закончил: «Вы, конечно, поймете, что единственное оправдание Вашим словам — *гносеологическая глухота* по отношению к словам человеческим» (с. 26).

⁶ См. п. 39, прим. 9.

⁷ В статье «Круговое движение» Белый дал (по-немецки) 10 строк из мистерии Штейнера «Der Hüter der Schwelle» («Страж Порога»).

⁸ Степун в своем письме цитирует (без упоминания имени Штейнера) три из десяти строк мистерии, приводимых в статье Белого: «In deinem Denken leben Weltgedanken... / In deinem Fühlen weben Weltenkräfte... / In deinem Willen wirken Weltenwesen...» (с. 85). И затем пишет: «Истина этих слов неоспорима; но не слишком ли уж неоспорима она, не слишком ли уж бедна! (...) будучи дурной бесконечностью, т. е. *только* банальностью, приводимая Вами истина не признает себя в Ваших устах за таковую. (...) Цитируемые Вами строки *не только дурная бесконечность, но и порочное круговое движение*» (с. 85—86). При этом Степун нигде не называет их «пошлостью».

⁹ Имеются в виду Н. С. Гумилев и С. М. Городецкий. Ср. запись Белого о феврале 1912 года в «Ракурсе к дневнику»: «Споры с Гумилевым и Кузминым об акмеизме (выдумываем с В. Ивановым Гумилеву «акмеизм — адамизм»)». На протяжении 1912 года Гумилев и Городецкий не раз выступали в различных заседаниях с нападками на символизм. Так, 18 февраля в прениях по докладу Иванова и Белого в Обществе ревнителей художественного слова «С. М. Городецкий протестовал против символизма во имя мифа и находил, что символисты самораспинаются в своем стремлении в запредельную даль. В конце своей речи С. М. Городецкий сказал слова, которых воспроизвести точно я не сумею, но в которых заключалась формула полного его обособления от символизма. Н. С. Гумилев также заявил о своем отрицательном отношении к символизму» (*Недоброво Н. В. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге // Труды и дни. 1912. № 2. С. 27*). О других подобных выступлениях см.: *Лукницкий П. Н. Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб., 2010. С. 306—307, 316—317*. В январском номере «Аполлона» за 1913 год вместе с критикой символизма в статьях Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» и Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии» были впервые печатно сформулированы принципы акмеизма.

¹⁰ На заседании правления Немецкого отделения Теософского общества (глава Отделения — Штейнер) в Берлине 8 декабря 1912 года было принято решение об отказе в приеме членов ордена «Звезда Востока» (орден был основан Анни Безант в Венаресе в 1911 году для возведения прихода Мирового Спасителя в лице Джидду Кришнамурти). 11 декабря Безант телеграммой отозвала учредительные документы Немецкого отделения Общества, после чего последовало оформление самостоятельного (отдельного от Теософского) Антропософского общества во главе со Штейнером. Оно было официально учреждено 28 декабря в Кёльне.

¹¹ Ср. позднейшее свидетельство Аси Тургеневой: «Нас также навестил (в Базеле) писатель В. Иванов (...) Он ждал, что мы представим его доктору Штейнеру, поскольку хотел вступить в Теософское общество. Но мы были изумлены решительным отказом доктора Штейнера, который тем не менее допускал присутствие в обществе самых странных персонажей. „Пусть господин Иванов и большой поэт (...), к оккультизму у него нет ни малейшей способности; это было бы во вред и ему, и нам. Я бы не хотел встречаться с ним; попытайтесь отговорить его”» (*Тургенева Ая. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М., 2002. С. 39*). Подробнее об этом см.: *Глухова Е. В. Андрей Белый — Вячеслав Иванов: концепция духовного пути. С. 101—105.*

43

Андрей Белый — Иванову
Август 1913 года. Мюнхен

Дорогой Вячеслав,

Пользуясь присутствием Маргариты Андреевны¹ в Мюнхене, я хочу передать Тебе свою горячую любовь и чувство глубокой преданности. Сказать Тебе хочется столько, но, увы, письмам не верю; и оттого прими лишь мою любовь и чувство близости и связи.

Христос с Тобой.

Борис Бугаев.

От Аси привет и дружба.

Вере Константиновне и всем Вашим привет; хотел бы видеть Вашего ребенка;² поцелуй его за меня. Еще раз Христос с Вами.

Датируется по содержанию. Ср.: «В августе приехал Вяч. Ив. с Верой и Димой. У нас жила тогда моя мама. Я на нее оставила дом и гостей (...) Тут был и повар, и прислуга, и им не было ни в чем заботы. А я поехала в Мюнхен на антропософские мистерии Штейнера и пробыла там около 2-х недель» (*Бородаевская М. О моих встречах с писателями // Бородаевский В. Посох в цвету: Собр. стихотворений. М., 2011. С. 290—291*). Комментировавшая этот текст Е. В. Глухова справедливо сослалась на современное свидетельство, корректирующее мемуарное: «...они ездили во Флоренцию окрестить Диму, и он (Иванов) вернулся один еще на месяц работать в Риме в библиотеке, а Вера с Димой и М. Мих. поехали к Бородаевским» (*Сестры Герцык. Письма. СПб., 2002. С. 527*; письмо Е. К. Герцык к В. С. Гриневич от 16 июня 1913 года).

¹ Имеется в виду Маргарита Андреевна Бородаевская (урожд. Князева; 1882—1969), жена В. В. Бородаевского (см. п. 33, прим. 3).

² Дмитрий Вячеславович Иванов родился 17 июля 1912 года во французском городке Neuvéselle (Невсель) на берегу Женевского озера в Верхней Савойе; журналист (псевд. Jean Neuvéselle) и редактор сочинений отца; скончался в Риме 4 июня 2003 года. См.: *Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым / Пер. с фр. Е. Баевской и М. Яснова. СПб., 1999.

44

Иванов — Андрею Белому
10 декабря 1913 года. Москва

Москва, Zubovskiy b. 25.¹
10 декабря 1913.

Дорогой мой и любимый Боря! Пишу Тебе короткую весточку — всего два слова, чтобы сказать Тебе, что люблю по-прежнему, и поблагодарить Тебя за сердечную память. Христос с Тобой! Асю приветствуй от меня братским приветом и нежным. От Веры вам обоим привет любовный.

Милый, я глубоко и больно скорблю о «Мусагете». Если возможно спасти этот оплот символизма (а ведь символизм есть, и он жив, — неизменно будем исповедовать и Ты, и я, и Блок, глядя прямо друг другу в глаза, и о себе каждый, и друг о друге, несмотря на разницу путей, несмотря на религиозную невозможность для меня быть во всем с Тобой и на религиозную замкнутость Блока от обоих нас), — итак, если возможно спасти этот оплот символизма, то ведь и должно...² И нельзя ли даже невозможное сделать возможным? Я же готов, как сказал, служить этой цели всем, что могу дать.

Любящий Тебя

Вячеслав.

¹ Лидия Иванова пишет: «Первого мая 1913 года я оставила наших в Риме и уехала в сопровождении Эрнов в Москву, чтобы подготовиться к приемному экзамену в консерваторию. Позже уехала и Маруся, чтобы найти и устроить нам квартиру: было решено переехать в Москву. (...) Окончательный переезд в Москву на Зубовский бульвар, 25 произошел осенью» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 52). Иванов с женой вернулись в Россию в августе 1913 года.

² Белый и Петровский разорвали отношения с «Мусагетом» осенью 1913 года. Причиной послужила публикация издательством трактата Эллиса «Vigilemus!» с критическими выпадами против антропософии. 14 ноября 1913 года Белый писал Э. К. Метнеру из Берлина: «Ввиду моего выхода из „Мусагета“ и выхода членов А(нтропософского) О(бщества) Петровского и Сизова, моя *мотивировка* отношения моего к брошюре Эллиса не имеет уже в „Мусагете“ ни формальной цены, ни формального веса» (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. № 20). Издательство продолжало существовать, но Первая мировая война нанесла по нему сильный удар. Последний номер «Трудов и дней» (тетрадь восьмая) вышел в свет в 1916 году (в тетради седьмой за 1914 год была опубликована статья Иванова «О границах искусства»), последняя книга издательства — в 1917 году.

45

Андрей Белый — Иванову

1 декабря 1916 года. Москва

Прошу дать место на моей сегодняшней лекции (1-го декабря 16 года)¹ Марье Михайловне Замятниной по возможности ближе.

Б. Бугаев.

На визитке Бориса Николаевича Бугаева с адресом: «Арбат, Никольский 22 кв. 5». На конверте: Е. В. Вячеславу Ивановичу Иванову (от А. Белого). Кв. 9. Карточка исписана карандашом М. М. Замятниной.

¹ Белый выступил с публичной лекцией «Творчество мира», устроенной Обществом друзей Грибоедовской библиотеки, в Большой аудитории Политехнического музея 1 декабря 1916 года (печатную повестку см.: РГБ. Ф. 25. Карт. 31. № 14. Л. 16).

46

Андрей Белый — Иванову

Конец августа 1918 года. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав,

Мне поручили составить стих(отворный) отдел альманаха, посвященно-го темам революции, который выпускает К-во «Змий».¹ Пишу Блоку, Бальмонту, Брюсову, Мережковскому; Брюсов уже обещал; обращаюсь с покорной просьбой к Тебе; К-во хочет объединить стихи, выросшие у поэтов «из революции», и дать разнообразную гамму; *предприятие глубоко беспартийное*; в альманахе слово будет принадлежать только «Аполлону». Гонорар, предлагаемый Тебе, высший: 3 рубля за строчку.

Надеюсь, что Ты пришьлешь мне стихи или передашь их хотя бы Павлович.² Жду и надеюсь.

Остаюсь глубоко уважающий Тебя и преданный

Борис Бугаев.

Адрес: Москва. Кудринская Садовая, д. 6, кв. 2. Мне.³

¹ Сохранилось письмо Белого к Блоку от 31 августа 1918 года идентичное по содержанию (Переписка. С. 516; несколько фраз из этого письма Белого к Иванову цитируются в прим. 2 к нему). Издание обсуждаемого альманаха не было осуществлено.

² Павлович Надежда Александровна (1895—1980) — поэтесса. И Белый, и Вяч. Иванов были с нею хорошо знакомы, о чем свидетельствуют приводимые далее документы.

«В Совет Пролет-Культа!

Рекомендую Вашему вниманию Надежду Александровну Павлович, мою хорошую знакомую, как талантливую поэтессу и как одну из организаторш Студии Стиховедения; насколько я знаю, Надежда Александровна отличается большой энергией и умением организовать кружки, посвященные проблемам искусства, и отличается тонким литературным вкусом, в котором мне неоднократно приходилось убеждаться.

Андрей Белый (Борис Бугаев)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. № 30).

«В Совет Пролеткульта

Удостоверяю, что Надежда Александровна Павлович-Ряжская, принадлежа к группе лиц, по почину и усилиями которых была создана и образцово организована в весенние месяцы текущего года в Москве Студия Стиховедения, проявила в этой деятельности большую и плодотворную энергию и выдающееся уменье. Кроме того, Н. А. Павлович-Ряжская известна мне как поэтесса замечательного дарования и солидной технической подготовки, а также и общего высокого культурного и художественного развития.

Москва, 15 июля 1918.

Вячеслав Иванов

писатель

(Зубовский бульвар, 25, кв. 9)» (РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. № 54; письмо ныне опубликовано: *Обатнин Г. В.* Из архивных разысканий о Вячеславе Иванове // *Русская литература.* 2014. № 2. С. 274; на предшествующих страницах собрано много ценных материалов об отношениях Иванова и Павлович).

³ 14—15 февраля 1918 года Белый вместе с Петровским переселился в «пустое помещение» московского Антропософского общества на Садовой-Кудринской, д. 6, кв. 2.

47

Андрей Белый — Иванову

1919 год. Москва

Дорогой Вячеслав, —

Я не был у Тебя все это время по многим причинам:¹ 1) интенсивная работа, 2) необходимость жить в известном ритме, который всегда разрушается от хотя бы интереснейшего разговора: но слова — «*поступки*»; излишняя разговорчивость, когда она не связывает людей в «*путь дела*» есть грех; грехи «*празднословия*»² мне вредны; а «*празднословием*» является всякое «сладострастие» в чрезмерном произнесении умных слов. Я всегда ощущал нашу общую московскую атмосферу, как «говорильню».

«Враг я этих шумных
Умных разговоров»...³

В московскую «говорильню» я не хожу; идти же к Тебе, — это значит идти на ответственное дело. Наша последняя встреча показала мне ясно, когда я вернулся домой, что — да: мы можем дружески обмениваться «точками зрения», но разговор между нами никогда не дойдет до *дела*, до связанности во Имя («Где двое и трое во имя *Мое*, там Я посреди их»⁴). Этого между нами быть не может; Ты можешь исповедывать христианство; я — тоже; мы можем обмениваться умнейшими «точками зрения»; эти «обмены мнений» для меня (как бы Ты ни был «чуток» и «проникновенен») будут лишь «ананасом в шампанском»...⁵ А комфортабельность этих «ночных» и «глубин-

нейших» разговоров, «буржуазность» их мне претит. Весь мой упор против Тебя не выразим логически: мне претит весь строй Твоей жизни — эгоистический, комфортабельный; мне претит Твоя жизнь, поскольку я извне ее созерцаю: без любви, без жертвы; все Твои духовные алкания кажутся мне утонченной деталью к «ананасу в шампанском». Где подвиг Твой? Где жертва Твоя? Знаю: Ты мне можешь вернуть: «А где Твой подвиг». На это же я отвечу: «Если мы не видим ядра друг друга, то ничего, кроме разговора, между нами и не может быть, а я уже семь лет тому назад от обилия разговоров бежал из России».⁶

Оттого-то и духовным путям Вашим не верю я; Вы можете словами взрывать глубины опытов: но это все «словесность».

И вот корень моего неверия в Тебя: Ты в себе погубил духовные дары своей жизнью, как почти все Вы. У меня ко всем Вам один разговор: «Покайтесь! Приближается Царствие Небесное!»⁷ Вместо покаяния я вижу лишь «говорильню» и «гурманство». Сил моих нет возвращаться в этой мертвой Вашей жизни. 3) У меня путь с теми милыми, родными и близкими душами, которых жизнь окрашена внутренним, духовным светом, перед которыми Вы фарисеи-эпикурейцы-литераторы-«знаменитости» поднимаете головы: Вам, разумеется, непонятно, что я с ними, а не с Вами, с «прославленными» и «маститыми»; верьте же: мне тепло и счастливо с теми друзьями-антропософами и юными душами, которые подходят к нам в той же мере, в какой мне скучно, когда я в компании «знаменитостей», которых я изучил и которые интереснее в книгах, чем в жизни: и я утверждаю — путь жизни, стыдливо цветущий, — тот путь, о котором так любят болтать в православно-московско-гучковско-модернистическом обществе⁸ — с нами; в «говорильне» все слова о «пути» отдают мертвечиной. Быт — вот, что мне претит; буржуй я или нет, я не знаю; менее всего мы думали об этом, когда в холод и зной, в туман и сырость, лишаясь всех заработков и питаюсь черт знает чем, — мы отдавали наши силы грубой работе; не знаю, буржуем ли я был, когда свет души моей, Асю мою, покинул⁹ — зная очень хорошо, что, может быть, мы и не увидимся (ибо я знал размеры грядущих событий). А вот что Вы — «буржуи», это мне ясно.

Нет у Вас пути, нет у Вас правды, нет у Вас подвига!

Милый Вячеслав, Ты просил меня быть правдивым: я и правдив. Мне очень трудно выразить это Тебе в глаза, ибо Ты всегда очаровываешь душевным богатством и блеском таланта и душевн(ой) добротой; но я знаю, что Ты духовно ниц, духовно не добр. Это факт моего глубинного узнания о Тебе (дело не в логике, не в «убеждении»). Итак, от последних дух(овных) истоков, где обитает во мне любовь к Тебе, говорю Тебе: «Не ходи павлином. Брось свои великолепия:¹⁰ покайся, очистишься; плачь и рыдай!»¹¹ В чем каяться? Пусть Тебе подскажет Твое «Я» (я же тут не при чем). Ты волен обидеться. Но дело не в обиде. Я обещал сказать Тебе мою правду. И говорю: «Покайся!»

Остаюсь искренне преданный и любящий

Б. Бугаев

Р. S. Разговоры между нами в данный период Твоего развития могут быть лишь разговорами «литературными». О духовных путях между нами ни понимания, ни речи быть не может.

Датируется предположительно по содержанию.

¹ В «Ракурсе к дневнику» о марте 1919 года Белый пишет: «Частые встречи с Гершенсоном (sic!) и Ивановым (В. И.)», а затем фамилия последнего (но не фамилия Гершензона) исчезает. Ср. письмо к Иванову-Разумнику от 30 ноября 1919 года: «У меня в Москве нет никаких мо-

рально-литературных связей: „вся Москва” так же не любит меня, как я не люблю „всей Москвы”. Она Москва всегда меня топила; и Петербург всегда выручал; это — кармически. Но у меня есть моральная связь с малым кружком людей; и с „делом Доктора”, которое волей судеб сосредоточено в Москве; как это ни странно, а *Антр(опософское) О(бщест)во*, как оно ни скромно, ни хило, есть все же „маленький огонек”, люди туда идут с теми серьезными запросами, где *быть* или *не быть*, *жизнь* или *смерть* встают конкретно перед людьми; скажу откровенно: те запросы, с которыми притекают к нам, — не поднимаются ни в одном О(бщест)ве Москвы» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и комм. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб., 1998. С. 193).

² Отсылка к великопостной молитве Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми».

³ Не вполне точная цитата из стихотворения В. С. Соловьева «Другу молодости», посвященного поэту Д. Н. Цертелеву. В оригинале читаем:

Враг я этих умных,
Громких разговоров
И бесплодно-шумных
Бесконечных споров...

(Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 114).

⁴ Ср.: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20).

⁵ Ироническая отсылка к книге стихов Игоря Северянина «Ананасы в шампанском: Поэзы» (М., 1915).

⁶ Имеется в виду отъезд Белого и Аси Тургеневой из Москвы за границу 16/29 марта 1912 года. Ср. запись об этом месяце в «Ракурсе к дневнику»: «Невыразимые хлопоты, чтобы достать деньги и вырваться за границу».

⁷ Ср. начало проповеди Иоанна Крестителя: «...покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное» (Мф. 3: 2).

⁸ «Гучковско-» — производное от фамилии Александра Ивановича Гучкова (1862—1936), который был одним из основателей партии «Союз 17-го октября», а с 1906 года ее главой; со 2 марта по 30 апреля 1917 года — военным и морским министром Временного правительства. С 1919 года — в эмиграции. Его имя употребляется здесь как нарицательное — символ «умеренно-либеральной» политики.

⁹ Когда Белый выехал из Дорнаха на родину (в связи с призывом на военную службу) в середине августа 1916 года, Ася Тургенева осталась в Швейцарии. Более она в Россию не возвращалась.

¹⁰ Видимо, отсылка к названию статьи Л. Шестова «Вячеслав Великолепный: К характеристике русского упадочничества» (Русская мысль. 1916. Кн. 10. С. 80—110. 2-я pag.).

¹¹ Ср. в заупокойной стихире св. Иоанна Дамаскина: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть».

48

Иванов — Андрею Белому

17 мая 1920 года. Москва

17 мая 1920.

Дорогой

Борис Николаевич,

Как я, так и Николай Ефимович Эфрос,¹ согласны вступить в число членов Института Театр(альных) Знаний.² Что же до Сергея Вл. (? не С) Бахрушина³ и Ильи Николаевича (? не Н. И.) Игнатова,⁴ то ответа от них еще не имею; я просил лиц, имеющих с ними сношения, запросить их о согласии. Думаю, что путаница в инициалах случайность, не влекущая за собою никакого *qui pro quo*.⁵

Но как решить самый вопрос об И(нституте) Т(еатральных) з(наний) — не знаю.

Жму Твою руку.

Дружески Твой

Вяч. Иванов.

¹ Эфрос Николай Ефимович (1867—1923) — театральный критик, историк театра, журналист.

² В первой половине 1920 года Белый принимал участие в работе по организации Института театральных знаний при ТЕО в Петрограде (проект осуществлен не был). См. об этом: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 57—59.

³ Бахрушин Сергей Владимирович (1882—1950) — историк. Скорей всего, Белый имел в виду Алексея Александровича Бахрушина (1865—1929), историка театра, основателя Центрального театрального музея.

⁴ Игнатов Илья Николаевич (1858—1921) — театральный критик и публицист.

⁵ недоразумения (*лат.*)